

приемная администрации

Дорогие каневчане!

ыход очередного журнала «Каневчане» говорит о том, что у нынешних жителей района не пропадает интерес к истории нашей с вами малой родины. Радует стремление людей разного возраста больше узнать о земляках, которые сыграли важную роль в становлении Каневского района как одного из самых экономически и социально развитых на Кубани, о судьбах простых тружеников, о знаковых событиях как для отдельных станиц и хуторов, так и для всего района.

Замечательно, что почти в каждом поселении есть люди, тщательно изучающие исторические документы, по крупицам собираю-

щие рассказы свидетелей исторических событий. И вдвойне отрадно, что их труды не лежат мёртвым грузом в личных архивах. С результатами своей работы они дают возможность ознакомиться всем нам, в том числе и через журнал «Каневчане», выпускающийся благодаря группе энтузиастов — авторов, составителей, редакторов, дизайнеров.

Мои предки и по линии отца, и по линии матери были из тех, кто первыми начал осваивать Черноморские степи. История нашей семьи тесно связана с историей Кубани, Каневского района. Наверное, поэтому в материалах, которые публикуются в журнале, всегда ищу описание образа жизни тех далёких времён, событий, участниками или свидетелями которых могли быть прадеды.

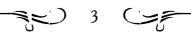
Накануне очередного дня района и дней станиц мы по традиции подводим итоги сделанного за год. В списке наших общих делреконструкция мемориала к 65-летию Великой Победы и реконструкция парка имени 30-летия Победы, капитальный ремонт школ № 1 и 13, операционного блока районной больницы, десятки километров отремонтированных дорог, водопроводных сетей, линий уличного освещения и многое другое.

Сегодня мы закладываем основу для дальнейшего социального и экономического развития района: изготавливаем проектно-сметную документацию на строительство газопровода, детского сада, дорог, уже разработаны десятки инвестиционных проектов по строительству производств, жилых микрорайонов. Всё это - для нынешних жителей района и для будущих поколений каневчан.

Это и есть связь поколений: помня о прошлом, сегодня думать о будущем. Именно она даёт нам уверенность в силах и в завтрашнем дне.

Всем авторам и читателям журнала — благополучия и удачи в добрых делах!

С уважением, Глава администрации Муниципального образования Каневской район Александр Герасименко

ВМЕСТЕ МЫ МНОГОЕ СМОЖЕМ!

Дорогие земляки, каневчане!

Перед вами очередной номер журнала "Каневчане". Он вышел в свет накануне дня, который дорог и близок нам всем. Эти два праздника - День станицы и День района - объединяет нас в главном - в делах и заботах о нашей с вами родной и близкой малой родине.

Плоды этих забот видны сегодня каждому даже невооружённым глазом. Всё, что сделано и делается сегодня в станице в плане благоустройства - сделано нашими общими усилиями. Преобразился центр станицы. Здесь воздвигнут новый мемориальный комплекс, где мы в год 65-летия Великой Победы отдаём дань нашего самого глубокого уважения землякам-каневчанам, погибшим в боях за Родину.

Успешно завершён первый этап благоустроительных работ в нашем центральном парке имени 30-летия Победы - излюбленном месте досуга каневчан.

Активно ведётся в станице и выполнение мероприятий по ремонту уличных дорог и тротуаров, в реализации которых принимают непосредственное участие, при инициативе наших депутатов, председатели квартальных комитетов, многие жители Каневской, использую программу объединения средств с администрацией поселения по принципу 50х50.

Благодаря этим же инициативным шагам в Каневской целенаправленно открываются детские спортивные и оздоровительные площадки. Только в этом году в станице открыто их более десяти. Проявляется постоянная забота о выполнении краевого закона в защите детства.

Нас радует и то, что многие каневчане с большой заинтересованностью относятся к решению проблемы по соблюдению правил благоустройства и водопользования. В нашей станице сейчас активно реализуется мероприятия районной программы по улучшению качества питьевой воды.

Очень бы хотелось, чтобы все эти наши совместные заботы и усилия о родной станице только бы множились и укреплялись и в будущем. Верю, что так оно и будет. Вместе мы многое сможем!

С уважением - В. РЕПИН, глава Каневского сельского поселения.

Каневчане 2010

Историко-литературный альманах. Выпуск: осень 2010 года

УЧРЕДИТЕЛИ

Администрация Каневского района Администрация Каневского сельского округа.

ИЗДАТЕЛЬ

Творческий коллектив журнала

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ Главный редактор — Саяпин Владимир Юрьевич Зам. главного редактора — Кун Татьяна Гавриловна

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сизова Зоя Алексеевна Костров Валерий Павлович Цветков Валентин Александрович Лемиш Николай Фёдорович

ФОТОГРАФИИ

Андрея Никифорова, Романа Марунчака, Степана Деревянко, Валерия Кострова, Жанны Омельченко, Татьяны Кун, Галины Палеховой.

МАКЕТ И ОФОРМЛЕНИЕ

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЁРСТКА

Журнал зарегистрирован Северо-кавказским региональным управлением по печати Свидетельство № Р 1911 от 23 июня 1995 года.

Подготовлено к печати и отпечатано в ОАО «Кубанское полиграфическое объединение» ст. Каневская, ул. Черноморская, 21 Заказ № 102249. Тираж 1000 экз.

Наш район был всегда славен стабильностью власти, моральных и общественных устоев. Нас никогда не лихорадило от дерганья и смены руководства: оно было крепким, надежным и, вообщемто, предсказуемым. Поэтому и результаты хозяйственной деятельности района были налицо: всегда если не первые, то одни из первых. Но как пошло с начала двухтысячного года...

Сегодня мы ждем, что наконец-то все стабилизируется, на должность главы района мы изберем нашего, местного главу, болеющего за все, что ему с детства родное. Что инициатива с оголением центра, вырубанием полувековых елей, будет последней акцией, непонятной простому народу. Никогда не будут болеть за район люди, сидящие на чемоданах. Поэтому, я повторяю: мне, как каневчанину, казаку, очень любо, что в руководстве района будет (я уверен) наш, местный хозяин, и в руководстве сельского поселения находится человек на своем месте. Я прошу вас, земляки, прийти на избирательные участки и проголосовать за наше будущее.

А за окном — осень, наша прекрасная кубанская осень, пора светлой грусти. Первые желтые листья слетают с плеч деревьев, чтобы прошуршать нам под ногами вечную добрую сказку о том, что все еще будет. Страна отряхнет с себя, очнувшись, дикий пепел оцепенения. Что наши дети снова будут знать и помнить наши сказки, песни матерей, а не заграничную лабуду. Старики будут получать достойную пенсию, хлеб снова будет пахнуть хлебом, что мы проклянем и забудем слово «олигарх».

И снова вернется хоть какая-то уверенность в том, что и мы этой стране хоть немного нужны.

Я верю в это, дорогие земляки.

С уважением, Ваш В. САЯПИН.

Каневчане

ИСТОРИКО - ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

2010 год

СОДЕРЖАНИЕ:

ЛЕТОПИСЬ КАНЕВСКОИ СТАРИНЫ:		Пахнет летом
Валерий Костров		Барвинки
Первая перепись Каневского куреня		Николай Лем
Мемуары Каневского казака	15	Смертельная
Елена Хмелидзе		Татьяна Кун
О дедушке	17	Ода учителю
Александр Дейневич		Первой учите.
Списки погибших - Стародеревянковский курень	18	Письмо друга
Наталья Дуленко		Ночь
Цековь во именование Святителя Николая	22	Жанна Омелі
Валентин Цветков		История любы
24 года спустя – о письме из 1911 года	25	Петр Злобин
«КАЗАЦЬКОМУ РОДУ НЭМА ПЭРЭВОДУ»:		Сад Вальс
Александр Дейневич		«Не пои меня
« Ваш старый дід Щербина»	29	Под окном че
Виктор Андрющенко		Степан Дере
Детские игры	. 39	Ежачок
Рождественские праздники		Серьёзная пр
Одежда Кубанских казаков		Людмила Ве
Преступление и наказание	46	Мне не жаль,
Валерий Костров		Любить женат
Символ примирения	47	Татьяна Гре
Зоя Сизова		Хутор
Куе зозуля	49	Белым светом
,		Марина Яцен
СТАНИЦА В ЛИЦАХ:		Наверное чего
Владимир Сальников		Пока еще тво
Пётр Прокофьевич Чубов	51	Я люблю орхи
Опередивший своё время		Ты не ангел, н
Лариса Якименко		Ольга Бараб
Кубанская казачка	56	Гуси
		Зоя Сизова
ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ ВОЙНЫ:		Мне осень по
Валентин Цветков		Туманно, сыр
Придорожная жизнь	59	Вот промчала
Людмила Коваленко		•
Поединок	63	МОЛОДЁЖНА
Александр Дейневич		Ольга Зорин
О ветеране	66	Сказка о бесс
Ноха Султханов		Любовь была
Орлы умирают в полёте	69	Сонет
Зоя Сизова		
На войне, как на войне		Лысенко Нап
История одного памятника	80	Я люблю поле
Николай Лемиш		
Каневская на перекрестке дорог	81	Анна Деревя
Татьяна Кун		Делишки
Письмо из 43-го	86	
MOTORIMO BUTTERATVENOS OS SENSONS		миры непо:
ИСТОРИКО - ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ		Валерий Хач
«РОДНИК»: Впадимир Саяпин		Язык символо
DUAUUMUU LAYIIIH		

<i>y</i>	
Пауч	0.4
Пахнет летом	
Барвинки	. 92
Николай Лемиш Смертельная обида	0.0
	. 93
Татьяна Кун	0-
Ода учителю	
Первой учительнице	. 97
Письмо друга	
Ночь	. 98
Жанна Омельченко	400
История любви	100
Петр Злобин	
Сад	
Вальс	
«Не пои меня ты водкой»	104
Под окном черешня	104
Степан Деревянко	
Ежачок	
Серьёзная причина	106
Людмила Вешневицкая	
Мне не жаль, что уйдёт лето	107
Любить женатого	107
Татьяна Гречаная	
Хутор	108
Белым светом, белым сном	108
Марина Яценко	
Наверное чего-то я не поняла	
Пока еще твой властен взгляд	
Я люблю орхидеи и дождь	109
Ты не ангел, не бес	109
Ольга Барабаш	
Гуси	110
Зоя Сизова	
Мне осень подарила синеву	110
Туманно, сыро, спят уж птицы	110
Вот промчалачь и осень	110
МОЛОДЁЖНАЯ ГОСТИНАЯ:	
Ольга Зорина	
Сказка о бессмертии	
Любовь была со мной на «Вы»	
Сонет	113
Лысенко Наталья	
Я люблю полевые цветы	114
Анна Деревянко	
Делишки	114
MIADI I LIEDONIA IIII IE:	
МИРЫ НЕПОЗНАННЫЕ:	
Валерий Хачанов	
Язык символов космического разума	116

Валерий КОСТРОВ

ПЕРВАЯ ПЕРЕПИСЬ

архивном отделе администрации Канев ского района хранится уникальное изда ние материалов посемейной переписи казаков Черноморского казачьего войска за 1794 год, подготовленное краевым управлением по делам архивов.

Атаман Захарий Чепега предписал 28 октября 1793 года в ордере полковому есаулу, армии поручику Алексею Миргородскому провести "всем переселившимся старшинам и казакам вернейшей переписи... смотря при том наипрележнейше ни одной души без записи в книгу не пропустить..." Это поручение было исполнено меньше, чем за пять месяцев, о чём свидетель-

ствует рапорт Миргородского от 21 марта 1794 года войсковому правительству.

Из результатов переписи видно, что казаки Каневского куреня служили на Тамани, охраняли границу на кордонах, трудились на рыбных заводах. Семейные казаки "завели осёдлость" в селении

Каневском на реке Ее. В феврале 1794 года состоялась жеребьёвка мест размещения куренных селений. В документе 1795 года сообщается, что селение куреня Каневского находится "в урочище Калаус" (вероятно, близ реки Курки). По данным 1797 года, Каневской курень располагался уже на реке Челбасы.

Первая перепись населения сыграла важную роль в освоении казаками Кубани. Она дала войсковому правительству информацию о количестве переселенцев и местах их расселения. Эти данные использовались для составления нарядов на внутреннюю службу и выделения нужного количества казаков для охраны границы.

В публикуемом тексте документа сохранены многие стилистические и языковые особенности конца XVIII века, однако были проставлены необходимые по смыслу знаки препинания и прописные буквы.

КУРЕНЬ КАНЕВСКОЙ

Служившие от бывшаго Запорожья старшины, имеющие армейские чины:

1. Полковой Ейской поланки полковник, армии капитан Семен Писменный, жена его Варвара, дочь их Ольга, работники его: Марко Кошенко, Стефан Самодиненко, Иосиф Руденко, работница Катерина.

в Фанагории в городе Тамане:

2. Подпорутчик Мартин Бакир, жена его Мария, сын Иван.

в футоре, состоящем при лимане Афтанизском:

- 3. Полковой асаул, армии порутчик Петр Яновский, жена его Улияна, сыны его: прапорщик Михайла, Илия, Мамант, брат его порутчик Фёдор Яновский.
- 4. Войсковой асаул, армии секунд майор Константин Кордовский.

Старшины, не имеющие армейских чинов: в Тимофеевки:

5. Умершего старшины Прокофия Кравця жена Катерина, дети их: сыны Григорий, Осиф, дочери Стефанида, Матрона, Акилина.

в футоре при речки Чолбасах:

6. Полковой асаул Роман Белый, брат его Матфей, работники их: Иван Чуб, Иван Горобець, Павел Досада, Григорий Завала, Алексей Меняйло.

в городе Екатеринодаре:

Козаки:

- 7. Алексей Гаркуша, жена его Параскевия, дети их: сыны Фёдор, Димид, Григорий, дочери Наталия, Татияна, Агафия.
- 8. Василь Зенченко, жена его Варвара, сыны их Иван, Трофим, Пётр.
- 9. Убытого под городом Измаилом на штурме козака Кирила Комишана жена Татияна, дети её: сыны Максим, Осиф.

в Захарьевки:

- 10. Онисим Дробит, жена его Наталия, дочь их Надежда, работник его Илия Журба, племяник его Иван Щербына, вдов, дочь его Евдокия.
- 11. Алексей Покотило, жена его Катерина, дети их: сыны Иван, Давид, Афанасый, дочери Ефросиния, Елена, Анна, Евдокия.

в Алексеевки:

- 12. Григорий Скороход, жена его Дария, дети их: сыны Семион, Федор, Иван.
- 13. Лаврентий Скорохид, жена его Улияна, дети их: сын Леонтий, дочери Пелагия, Ксения, Марья.
- 14. Федор Скорохид, жена его Пелагия, дочь Матрона, сын их Онофрий, дочери Катерина, Анна.
- 15. Стефан Посунко, жена его Параскевия, дети их Тарасий, Иван, дочери Пелагия, Агриппина, Мелания, Матрона.

в селении Стояновки:

16. Прокоп Перехрист, жена его Васса, дети их Емилиян, Кирило, дочери Матрона, Варвара.

в селении Костянтиновки:

- 17. Моисей Таран, работник его Иван Коноваленко,
- 18. Марко Чорный, жена его Татияна, дети их Матфей, Фёдор, Павло, сестра её Наталия, вдова, дочери Улияна, Настасия.

в селении Онофреевки:

- 19. Михайло Острий, жена его Параскевия, дети их: Иван, Карп, Андрей, Савва, Пелагия, Евдокия, Варвара.
- 20. Прокоп Ванченко, жена его Мария, работник его Яков Белый.
- 21. Динис Сухина, жена его Евдокия, дети их: сын Софроный, дочери Наталия, Олга, Анна.

при речки Бейсуги в футорах

22. Моисей Якуб, сын его Павло.

при речки Чолбасах

- 23. Андрей Терещенко, жена его Дария, дети их: Семион, Петр, Евфимия.
- 24. Леонтий Терещенко, жена его Феодосия, дочь их Стефанида, брат его Иосиф.
 - 25. Петр Кеинаш, сын его Максим.
- 26. Филип Плохий, работники его Антон Гвоздь, Семион Лисый, Павел Белый, Иван Плохий, Семен Таран.
- 27. Григорий Животовский, жена его Агрипина, сыны их Петр, Никифор, Иван.
- 28. Антон Животовский, жена его Евдокия, сын их Федор, дочь их Феодосия.
- 29. Иван Животовский, жена его Матрона, дети их: Василый, Ирина, Матрона, работники их Кирило Петренко, Евстафий Бугаенко, Марко Пекелный

при речке Ейской в селении Каневском

30. Иван Кимлык, жена его Марта, сыны их: Авраам, Федор, жена его Ирина, дочери их: Марья, Устина, работница Евдокия.

в селении Чорном Броду

31. Осиф Коломиченко, жена его Дария, дети их: сын Павел, дочь Феодосия, брат его Даниил, работник его Герасим Мищенко.

при Чалбашском Сладком лимане в селении Плосконосовски

32. Умершего козака Ивана Незуба, жена Мария, зять её Иван Заиченко, жена его Мелания, работники их Никита Музика, Иван Незубенко.

в футоре при Бейсугском Лебежем лимане

33. Артём Чорный, товарищи его Семён Головко, Стефан Стрига, Роман Журавель, Михайла Горкуша.

в Тимофеевки

- 34. Тимофей Нелюб, жена его Агафия, дети их: сыны Яков, Герасим, дочери Феврония, Агафия, работник Степан Очкас.
- 35. Никита Галаган, жена его Ефросиния, сыны их Василий, Иван, Дорофей, работник Павло Безсмертный.

- 36. Фёдор Галаган, жена его Евдокия, дети их Никифор, Иван, Антон, Ефросиния, работник Иван Паламарь.
- 37. Данило Белый, жена его Мария, дочь Параскевия, работник Дорофей Белый.
- 38. Олекса Галаган, жена его Елена, дочь Ефимия, брат его Сидор, работник его Кропивченко.
- 39. Сидор Коваль, жена его Евдокия, сыны их Михайла, Тихон, жена его Дария, сын Михайла.
- 40. Остап Зенченко, жена его Марта, сын их Гавриил, дочери Улияна, Марья, Настасия, брат его Никита
- 41. Фёдор Шия, жена его Зеновия, дочь их Параскевия.
- 42. Умершего козака Андрея Дибровы жена Феодосия, дети их Ерофей, Пётр, зять его Павел Валявский, жена его Марта, дети их Пётр, Захарий, племяник его Онофрей Лесниченко, работники его Матвей Прудило, Иван Громный, Григорий Плохий.
- 43. Стефан Рубан, жена его Ефимия, дети их: сын Николай, дочь Феодосия, работники его Михайла Чередник, Емельян, Стефан.
- 45. Григорий Косогир, жена его Евдокия, дети их Косма, Сава, дочери Наталия, Марфа.
 - 46. Илья Тимошенко, жена его Ефросиния.

в селении Антоновки

- 47. Фёдор Позирайло, жена его Ефимия, сыны их Иван, Макар, Семион.
- 48. Василый Лысый, жена его Улияна, сын их Димитрий, дочь Параскевия.

в селении Терновки

49. Сергей Сынецкий, жена его Феодосия, дети их: сыны Гавриил, Григорий, дочери Феврония, Матрона, Любовия.

в футорах при речки Кирпилях

50. Герасым Щербына, племяники его Леонтий, Иван.

при речки Кочатях

51. Назар Чумаченко, работники его Кирило Ивасенко, Максим Чеботарёв, Григорий Голубенко, Никита Нагаенко.

в Фанагории в городе Тамане

- 52. Прокофий Коваленко, жена его Анна.
- 53. Кондрат Товстопят, жена его Анна, сын их Корнылий, дочери Катерина, Параскевия, Феодосия, Агафия.
- 54. Кирило Довгополый, жена его Ефросыния, дочь Ефимия.

в футоре при лимане Афтанизском

55. Моисей Нис, товарищи его Иван Головко, Корнылий Чорный.

при речки Чалбасах

Служившие. Не от бывшего Запорожья, а из вольных поступивших.

Старшины. Имеющие армейские чины.

56. Полковой хоружий, армии прапорщик Степан Шепелев, браты его Иван, Харитон, работники его Игнат Грек, Гордей Дудник.

Козаки.

в городе Екатеринодаре

- 57. Пантилимон Безредный, племяник его Василый Безредный, жена его Параскевия, дочери их Ксения, Параскевия.
- 58. Александр Кунпан, жена его Агафия, работники его Онофрий Жеребченко, Василый Парфило, Алексей Сукур.
- 59. Ефим Коваленко, жена его Улияна, сын их Назарий, брат его Иван, сестра его Параскевия.
- 60. Прокоп Коломииченко, жена его Христина, дочь их Ксения.
- 61. Иван Белый, жена его Катерина, дочь их Параскевия.
- 62. Самойло Забарня, жена его Агафия, дочь их Ксения.
- 63. Михайло Белоус, жена его Матрона, отец её Емелиян Пиця.
- 64. Трофим Высочин, жена его Анна, работник его Иван Тринченко.

в селении Захаревки

- 65. Семен Грицай, жена его Дария, сыны их Кирило, Василый, дочь Улияна.
- 66. Николай Иванченко, жена его Параскевия, сыны их Иван, Савва, зять Авраам Белый, жена его Стефанида.

в Алексеевки

67. Иван Поярков, жена его Евдокия, сыны их Антон, Василый, работник его Матфей Литвиненко.

в Стояновки

- 68. Иван Чорный, жена его Ефросиния, дочери их Анна, Феодосия.
- 69. Фёдор Чорный, жена его Марья, сын их Василый, дочери Агафия, Анна.
- 70. Василый Чорный, жена его Мелания, дочь их Матрона.
- 71. Моисей Чорный, брат его Фома, работник его Ефим Белый.

в футорах при речки Бейсужку

72. Иван Тригуб, работник его Терентий Лаштабека.

при речке Чалбасах

73. Сидор Кухаренко, жена его Марина. браты его Корнылый, Василый, Даниил, работники екго Иван Гець, Иван Бублик, Савва Дроботенко, Мартин Завлека.

при речке Ейской в селении Каневской

74. Герасым Малый, жена его Ксения, сыны их Марко, Гавриил.

в футорах при вершине Канурах

75. Пётр Безредный, жена его София, деты их: сын Стефан, дочь Матрона, работник его Петр Обдула.

в селении Тимофеевки

76. Афанасый Кравець, жена его Татияна, работники его Мартин Куцовел, жена Улияна, Василь Таран.

в слободе Антоновки

77. Яков Сердека, жена его Матрона, сыны их

Кондрат, Димид, Васылий, дочь Ефимия, работник его Осип Перехрист.

78. Григорий Василенко, жена его Ефимия, сын их Михаил, дочь Улияна.

в Фанагории в городе Тамане в курене

79. Атаман Осиф Басыстый, козаки Пантилимон Беласенко, Дмитрий Шадын, Иван Настенко, Стефан Заремба.

Служившие от бывшаго Запорожья

Семен Бутелский, Леонтый Поповиус.

Не служившие от бывшаго Запорожья Андрей Левенець.

Не от Запорожья, а из вольных поступившие Иван Иванов, Дамиян Якименко.

Не служившие от бывшего Запорожья Козаки

80. Григорий Тихолоз, работники его Радион Сухина, Иван Прохода.

в футорах при Чалбаском Сладком лимане

- 81. Василий Незуб, работники его Сава Уласенко, Григорий Крамаренко, Косма Шапраненко.
- 82. Григорий Соловенченко, браты его Роман, Прокофей, работники его Карп Тарасенко, Иван Журавленко.

в слободе Антоновки

83. Трофим Таран, жена его Дария, сыны их Алексей, Архип, дочери Елизавета, Параскевия. Не от Запорожья, а из вольных поступившие

в селении Захарьевки

84. Лукян Целюрик, жена его Матрона, сыны их Григорий, Потапий, дочери Катерина, Агафия, Ефим, жена его Пелагия,

в селении Костянтиновки

85. Василый Шевченко, жена его Татияна, сын их Даниил.

в футорах при речке Чолбасах

86. Игнат Куцюбенко, жена его Улияна.

при речки Великом Бейсуге

87. Юхим Чабан, тесть его Иско Соболь, сын его Антон.

при речки Чолбасах

- 88. Иван Шугайло, жена его Ефросиния, сыны его Роман, Фёдор, дочь Мария.
- 89. Каленик Юхненко, жена его Матрона, дочери Наталия, Катерина.

при урочище Кугуейки в селении Семёновки

- 90. Петр Прихидко, жена его Васса, сын из Яков,
- 91. Иван Прихидко, жена его Ксения, дочь их Наталия.
- 92. Андрей Заярный, жена его Агафия, сыны их Данило, Артём, дочь Анна.
- 93. Иван Заярный, жена его Агафия, сын их Мартин, дочери Татияна, Феодосия, отец его Фёдор Заярный, сын его Семион.
- 94. Стефан Чумак, жена его Агафия, сыны их Корнылый, Семион, Димитрий, Алексей, жена его Елена, сын Стефан, Фекла

- 95. Андрей Заярный, жена его Ефросыния, сын их Андрей, работник его Федор Литвин.
- 96. Григорий Вишневский, жена его Марья, сын их Данило, жена его София, сыны Алексей, дочери Настасия, Евдокия.
- 97. Семен Вышневский, жена его Агрипина, дочери его Феодосия, Анна, Мария, Ксения, София.
- 98. Иван Василченко, жена его Анастасия, сыны их Онысым, Григорий, Иван, дочери Евдокия, София, Феодосия.
- 99. Данило Василченко, жена его Евдокия, сын Максим, дочери Мария, Ефимия.
- 100. Гордей Соболь, жена его Марья, сыны их Моисей, Петр, дочери Марта, Домникия, тесть его Филип Скрынык.
- 101. Иван Замара, мать его Катерина, работник его Григорий Хмарын.
- 102. Василь Фоменко, жена его Зеновыя, сын их Каленик.
- 103. Каленик Чорномаз, жена его Фекла, сыны его Стефан, Григорий, дочь Акилина.
- 104. Фёдор Чорномаз, жена его Фекла, дочь их Татияна.
- 105. Федор Чорномаз, жена его Ирына, сын их Григорий, дочери Параскевия, Агрипина.
- 106. Петр Комишаненко, жена его Анна, дочь их Матрона, мать его София.
- 107. Иван Уласенко, жена его Анна, сыны их Максим, Стефан, дочери Матрона, Ирына.
- 108. Ефим Гавыленко, жена его Параскевия, сын их Иван, дочери Агафия, Параскевия, работник его Максим Кириченко.
- 109. Васылый Шаренко, жена его София, сыны их Трофим, Роман, дочери Евгения, Татияна.
- 110. Филип Войтенко, жена его Улияна, сын их Данило, жена его Параскевия, деты их: сыны Григорий, Косма, дочери Марфа, Матрона, работник его Тихон Пахненко.
- 111. Игнат Бондарь, жена его Марына, сыны их Иван, Семион, Никифор.
- 112. Никита Бондаренко, жена его Ефимия, дочери их Ефросиния, Евдокия.
- 113. Корнылый Бондаренко, жена его Параскевия, работники его Конон Яценко, Данило Запорожець, жена его Агафия.
- 114. Игнат Хамелко, сын его Моисей, жена его Ефросиния, сыны их Василый, Дамиян, дочь Настасия.
- 115. Иван Хамелко, жена его Улияна, сын их Иван, дочь Евдокия.
- 116. Иван Хамелко, работники его Моисей Хамелченко, Иван Вороненко.
- 117. Григорий Шулженко, жена его Евдокия, дети их: сын Андрей, дочери Анна, Пелагия.
- 118. Косма Заярный, жена его Татияна, дети их: сын Данило, дочери Ирына, Агрипина, Фекла.
 - 119. Трофим Плинда, жена его Домникия.
- 120. Васылый Зубченко, жена его Мелания, дочь Ирина, работник его Григорий Светлишненко, у него

- проживающий Петр Оныщенко, дочь его Марта.
- 121. Алексей Сухоставский, жена его Параскевия, сын их Федор, браты его Алексей, Иван, мать их Евдокия.
- 122. Моисей Щербатый, жена его Ефимия, дети их: сыны Яков, Артем, дочерь Агрипина.
- 123. Григорий Ивангородскый, жена его Евдо-
- 124. Сыдор Ивангородский, жена его Устина, сыны Иван, Терентий.
 - 125. Илия Ивангородскый, жена его Агрипина.
- 126. Яков Ивангородскый, жена его Зеновыя, сыны их Иван, Федор.
- 127. Прокофей Василенко, жена его Феодосия, дочери их Пелагия, Евдокия.

при речке Ейской в селении Бурлацком броду

- 128. Михайло Мещанын, жена его Евдокия, работник его Михаил Батожиленко.
- 129. Еремей Батожилно, жена его Дария, дети их: сын Моисей, дочь Параскева.

при речке Ейской в селении Каневском

- 130. Яков Пащенко, сын его Филип, жена его Катерина, дочь их Марта.
- 131. Петр Пащенко, сыны его Гавриил, Фёдор, брат его Михайло.
- 132. Алексей Паламаренко, жена его Евдокия, дети их: сыны Димитрий, Иван, Андрей, Василый, дочь Ксения.
 - 133. Стефан Пономаренко, жена его Наталия.
- 134. Косма Грищенко, жена его Улияна, дочери их Ефросиния, Ксения.
- 135. Павел Грищенко, жена его Настасия, дочь их Агрипина.
- 136. Марко Панченко, жена его Марина, сыны их Стефан, Роман, Михаил, дочери Улияна, Евгения, Доминикия, племяник его Димитрий.
- 137. Григорий Мусеенко, жена его Мария, сын их Андрей.
- 138. Павел Мусеенко, жена его Фёкла, сын их Павел, дочери Феодора. Вера.
- 139. Кондрат Моисеенко, жена его Параскевия, дочь их Евдокия.
 - 140. Семен Мусеенко, жена его Матрона.
- 141. Моисей Кобыляцкий, жена его Агафия, сын Алексей, дочери Параскева. Мелания, Феодосия.
- 142. Моисей Тихий, жена его Улияна, сын их Иван.
- 143. Григорий Левченко, жена его Агафия, сыны Самойло, жена его Варвара, дочь их Евдокия, Иван, жена его Наталия, дочь их Марта, Прокофий, жена его Настасия.
- 144. Иван Щербаченко, жена его Анна, сын их Гавриил, дочери Феодосия, Ксения.
- 145. Васылый Пащенко, жена Его Анна, дети их: сыны Клим, Петр, Даниил, Игнат, дочери Варвара, Фекла.
- 146. Васылый Волик, жена его Ксения, сыны их Мартин, жена егор Васса, дети их: сын Иуда, доче-

ри Зеновая, Анна, Фома, жена его Евдокия, сын их Фёдор, дочь Ирына.

- 147. Евстафий Шевченко, жена его Дария, дочери их Настасия, Матрона.
- 148. Иван Олейник, жена его Ирына, сын их Васылый, дочь Марта, брат его Григорий.
- 149. Васылый Гребеник, жена его Дария, дети их: сыны Петр, Кондрат, дочери Гликерия, Варвара.
- 150. Ефим Талалай, сын его Михаил, дочери Ирына, Анна.
- 151. Семён Скляренко, жена его Елена, сын илия.
- 152. Тихон Козненко, жена его Акилина, сын их Васылый, дочери Стефанида, София.
- 153. Моисей Максюк, жена его Улита, дети их: сыны Пантилимон, Макар, Прокофий, дочери их Евдокия, Васса.
- 154. Герасым Черницкий, сын его Максым, жена его Ирына, сын Афанасей, дочерь Марья.
- 155. Филип Житненко, жена его Евдокия, сын их Леонтий, дочери Марта, Параскевия.
- 156. Гордей Тригубенко, жена его Улияна. сыны их Антон, Иван, Никита, Максим.
- 157. Максим Роща, при нём живущая вдова Агрипина, дети её: сыны Максим, Григорий, дочь Фекла, работник её Данило Плахотниченко.
- 158. Филон Горобець, дочери его Ирина, Онисыма, брат его Артём, мать его Васса.
- 159. Леонтый Летюк, браты его Василый, Димитрий, Ефим, сестра Параскева, мать их Анастасия.
- 160. Степан Холод, жена его Татияна, дочь их Анастасия.
- 161. Стефан Мирошниченко, жена его Мелания, сыны их Михаил, Данило.
- 162. Григорий Вынокуренко. жена его Зеновыя, сыны их Евдоким, Козма, мать его Матрона.
- 163. Максим Кравченко, жена его Ирына, сын его Николай, дочь Марья.
 - 164. Зосим Василченко, жена его София.
- 165. Иван Николенко, жена его Феврония, сыны их Павел, Максим, Василый, Харитон.
- 166. Павел Прихидко, жена его Катерина, дочь их Параскевия.
- 167. Алексей Прихидко, жена его Васса, сын их Григорий, дочери их Анна, Домникия.
- 168. Иван Прихидко, жена его Мария. сын их Иван.
- 169. Афанасый Хихлун, сыны его Васылый, жена его Параскевия, Гавриил, жена его Ефимия, Иван, Стефан, Яков, жена его Гликерия, Сын Сыдор.
- 170. Григорий Олейныченко, жена его Пелагия, сын их Герасым.

при речки Ейской в селении Чорном броду

171. Иван Рубан, жена его Евдокия, сыны их Стефан, Андрей.

Служившие от бывшего Запорожья.

Старшины, имеющие армейские чины, не имеющие своих домов.

при речки Бейсуги у Васья Зенковского

Полковой хоружий, армии прапорщик Емелян Зенченко, сын его Лука.

козаки:

Иван Похил, Федор Чорний.

в войсковом правительстве:

Димитрий Соколовский.

в Екатеринодаре:

Иван Малый.

в селении Каневском Ивана Комлика: Семен Волга.

при Кубанских гирлах, Некрасовском кордоне:

Семен Сухина.

у Фанагории у Фанасия Юрченка:

Григорий Сухий.

в селении Костянтиновки у Моисея Тарана:

Григорий Горбенко, Яков Костриченко, Василь Родзяенко.

на Долгой косе в рыбном заводе у полковника Высочина:

Дмитрий Чабан.

Старшины, не имеющие армейских чинов. в Фанагории футоре у полковника Савы Белого:

Полковой хоружий Петр Чорный.

Служившие не от бывшаго Запорожья, а из вольных поступившие козаки

в городе Екатеринодаре в курене:

Демко Щербына, Радион Таран, Степан Чуприна, Юхим Деденко, Никита Зенченко, Мартин Малый, Антон Животовский, Василь Крутофал, Семен Лепетя, Степан Цвет, Гордей Кирпа, Лукян Белый, Иван Малый, Дмитрий Чорный, Мартин Плохий, Дмитрий Зелений.

при Черкеском кардоне:

Кондрат Щербина, Роман Белый, Федор Деинеченко, Тихон Коваленко, Аврам Сема, Емелян Лопата, Аврам Дерека, Тимофей Приимак.

в Чолбасах в Сидора Кухаренка:

Василий Чумайло.

в Чолбасах в полкового асаула Романа Белого:

Григорий Лупинос, Сидор Низкоштан, Дмитро Гаркуша, Константин Лях.

на Ейской в Чорном броду:

Степан Кешинский, Григорий Омеляненко.

в селении Каневском у кущивского Михаила Губы:

Никита Стриченко.

у полковой Ейской паланки:

Филип Таран.

12

на Ейской косе при заводе капитана Писменного:

Герасим Гаркуша.

на Долгой косе у Трофима Догтяренка: Супрун Копеченко

> в Ейской паланки у полковника Писменного:

Моисей Ченчик.

при Кубанском гирлу Некрасовском кардоне:

Степан Рябченко, Тарас Комишник, Тимофей Небесной. Онисым Ходеенко, Яков Бондаренко. Прокофей Сызионенко, Григорий Олтанский, Иван Белый, Самойло Безбаченко, Гаврило Жиденко Василий Пискун, Петр Соловей, Михайло Карайка, Яков Остронко, Иван Тараненко, Емельян Мороз, Давид Редкобороденко, Каленик Горобец, Павел Кулик, Федор Таран.

у футора Котляревского:

Петр Гайдабура.

при лымане Афтенизском в войскового асаула Кордовского:

Данило Вербицкий, Кондрат Чуйко.

при Темрюцком лимане для рыбной ловле: Кирило Малый, Иван Рудый.

На комишеватой косе в рибном заводе Ивана Ягелы:

Андрей Шмалоус, Иван Байда, Петр Диброва, Василий Найда.

на Долгой косе в рыбном заводе в полковника Высочина:

Алексей Кропенко, Иван Петренко, Влас Петренко, Ефим Салтан, Василый Савченко.

на Комышеватой косе в заводе в полковника Высочина

Григорий Каманда.

при войсковом заводе в Очуеве:

Сава Высочин, Федор Долгий.

в Очуеве рыбном заводе у порутчика Высочина

Осиф Бондарь.

за протокою в Чёрном ерку в рабном заводе:

Иван Топал.

на Очуевской рыбной косе в рыбном заводу Василия Прискоки:

Илия Безредный.

при Бейсугском Лебижем лимане Михаила Какунки:

Сергей Белый, Степан Левченко.

при Лимане Темрюцком в заводе Николая Бирюка:

Данило Куцый, Петр Заборский, Никифор Похил. при лимане Кизилташском в порутчика Паливоды:

Евстафий Алексеенко

на Долгой косе в рыбном заводе в подпорутчика Ивана Радича:

Самойло Семененко, Михайла Сторчак, Конон Дедченко.

на Очуевской косе при Талгирском ерку у Лаврентия Джуры:

Иван Сопа, Николай Луга, Алексей Зенченко, Григорий Ведмедь, Захарий Дрибасенко.

на Ейской косе в полковника Письменного:

Григорий Мавицкий.

при Сукуровом лимане в куренном рыбном заводе:

Косма Дыкий, Семен Придибайло, Димитрий Нир, Павел Фариненко, Роман Дудник, Тимофей Вовченко, Онисым Колесниченко, Федор Лалым, Григорий Дейнега.

при Темрюцком лимане дядкивском заводе:

Матвей Мул.

Не служившие от бывшаго Запорожья: при Бейсугском Лебежем лимане в Артёма Чорного:

Степан Яшник, Трохим Бруштым.

на Долгой косе в рыбном заводе в полковника Высочина:

Стефан Таран,

в Кучугурах при Азовском море в кошового в рыбном заводе:

Афанасый Тищенко.

в Чорном ерку в рыбном заводе у Федора Косаря:

Федор Котелявець.

Не от Запорожья. а из вольных поступившие: на Чорноморском кардоне:

Федор Скороходенко, Федор Чорненко,

на Воронежском кордоне:

Михайло Новенький. Василый Скочок, Петр Бойко.

в Захарьевке на заработках:

Матвей Шинкаренко.

в Костянтиновки:

Павел Летючий.

в речки Бейсуге:

Трохим Онищенко, Осиф Холуенко, работник его Павел Шевченко.

в речки Чолбасах полкового асаула Романа Белого:

Евстафий Совенко, Гаврило Белый, Алексей Белан, Иван Гаркуша.

в прапорщика Шепелявого:

Самойло Литвин.

в Григория Тихолоза:

Иван Трава, Марко Низкоштан, Прохор Куцюбенко.

у Филипа Плохого:

Макар Чавака, Гордий Скромажин, Никита Малый.

в селении Каневском Ивана Кимлика: Иван Белый.

в селении Каневском у Кирила Копици: Максим Литвин.

в селении Каневском на заработках:

Иван Иваненко, Иван Гадюченко.

в селении Каневском в козака Уманского Данила Манжелеевского:

Димитрый Короткий, Макар Шевченко.

у Албашского лимана у поповичивского Никиты Чумака:

Василь Рябокинь, Иван Степаненко, Ефим Шмарченко, Семен Чумаченко.

в Очуевской крепости:

Михайло Веремеев.

при Лебежем лимане Артема Чорного:

Иван Деденко, Михайла Гаркуша.

при Ейской поланки:

Моисей Хамелко, Семен Бондаренко, Корнылый Бондаренко, Федор Чорномазенко, Никита Мыроненко, Клим Пашенко, Павел Григоренко. Иван Могилат.

при Армейском кардоне:

Иван Василенко.

при Кубанском гирлу Некрасовском кордоне: Василый Верещака.

в речки Чолбасах у рогевского козака Дмитра Полового:

Яков Чабан.

в селении Каневском у тимошивского Дмитра Тернового:

Семен Уласенко.

в рыбном заводе при Ейском лимане в Григория Вербця:

Никита Пилипей, Алексей Махиня.

на Ясенкской косе в рыбном заводе в подпорутчика Салотовки:

Борис Луденко, Семион Фролов.

на Камышеватой косе в заводе в полковника Высочина:

Андрей Гаркуша, Никита Коляда.

в Фанагории при лимане Сукуровом в козака Савы Лёгкого:

Васылый Кучук.

при Афанизском лимане у Мырона Зеленского:

Дамиян Бублиевский.

на Долгой косе в войскового писаря в рыбном заводе:

Терентий Сыленко, Сидор Нагерненко, Никита Марков, Никита Хотененко, Федор Жалко, Лукян Матвеенко.

на Ейской косе в заводе майора Чепеги:

Прокофий Хупавець, брат его Павел.

на Долгой косе в рыбном заводе в полковника Высочина:

Петр Галушка, Евстафий Цыплин, Андрей Сосницкий, Онисым Жадан, Роман Сахненко. Василый Приименко, Стефан Табунчик, Кирыло Павлюченко.

на Долгой косе в заводе в бунчукового товарища Великого:

Иван Зачвока, Максим Южик, Фирс Козакин. на Очуевской косе в заводе в бунчукового товарища Великого:

Тихон Сытченко.

при Азовском море в Кучугурах в заводе кошового:

Емелян Мусеенко,

Григорий Романенко.

при Азовском море в Кучугурах в рыбном заводе кошового:

Никита Коваленко, Нестор Ключенко, Онисым Скочко, Иван Кравченко, Фёдор Колнснисенко, Павло Мылченко, Трофим Чернявский, Николай Чижевский, Ефим Герасыменко.

при войсковом рыбном заводе в Очуеве:

Иван Гевратенко, Павло Колесниченко.

у Чорного ерка в рыбном заводе в Федора Косаря:

Петр Нестеренко, Федор Седый, Матвей Сердиченко, Андрей Яценко, Матвей Михаиличенко.

на Долгой косе в рыбном заводев Якова Кундруцкого:

Иван Сюсюра, Яков Клименко, Тимофей Гусаченко.

в Кучугурах в рыбном заводе прапорщика Куцюбынского:

Лаврентий Коваль, Киприян, Воскобейнык. на Комышеватой косе в Савы Суходуба: Иван Котенко, Алексей Крыкун, Корней Степаненко.

на Долгой косе в рыбном заводе в подпорутчика Ивана Радича

Окым Ляшок, Андрей Барвенков, Моисей Горбоконенко.

на Очуевской косе при Талгирском ерку в Лаврентия Джуры:

Зиновый Панченко. Прокоп Хоменко.

на Ейской косе в полковника Космы Белого:

Савва Галитба.

на Ейской косе в рыбном заводе полковника Писменного:

Сергий Белый, работники его Максим Шинкаренко, Алексей Близник, Иван Пашковец, Сергей Савченкою, Данило Козиренко

при лимане Темрюцком в дядковском куреном заводе:

Афанасей Демченко, Тимофей Бойко, Никифор Иванченко.

в Ангелинки у Якова Герасименка:

Иосиф Камисаренко, Савва Верещака.

Валерий КОСТРОВ

МЕМУАРЫ КАНЕВСКОГ КАЗАКА

оспоминания Максима Ивановича Недбаевского, родившегося 22 января 1870 года — уникальный источник исторических сведений о жизни станицы Каневской в конце XIX века.

Род Недбаевских уходит своими корнями в Запорожскую Сечь. Дед Максима Ивановича, Иван Матвеевич, появился на свет в 1792 году. Он служил в Егерском полку на Кавказе, и на Тереке его поразило обилие вина: «В корчмах вино продавалось не на меру, а от брюха, то есть, сколько может выпить человек и вместить его брюхо, а платили от брюха пять копеек». В 1830-м году он женился, а через год у него родился первый сын, отец Максима Ивановича - Иван Иванович.

В конце 1840 года дед Недбаевского поселился на хуторе, располагавшемся на реке Большие Челбасы, выше станицы Каневской верстах в двух-трёх. Это место и курган затем назывался Недбаево хуторище и Недбаева могила. «Жители станицы изрыли весь курган, ища в нем клады деда, но труды их были напрасны, так как никаких кладов дед там не зарывал», - вспоминает Максим Иванович.

Мать Недбаевского, Дарья Яковлевна, родилась в 1841 году и до замужества училась в частном пансионе у вдовы священника в станице Брюховецкой. Об отце Максим Иванович вспоминал как о человеке верующем, который никогда не давал и не брал взяток. Как образцовый офицер, по назначению начальства, а потом и по выбору народа, он был станичным атаманом в Каневской. «При нем было весьма понижено воровство», вспоминает Недбаевский. Жизнь в станице в то время была довольно безопасной, убийства и грабежи случались крайне редко.

Люди прислушивалась к мнению Ивана Ивановича. По его совету были построены школы на окраинах, открыта сельскохозяйственная школа. Он советовал вымостить улицы, на базаре построить крытый рынок - многое осталось неосуществлённым, но многое было сделано.

Максим Иванович пишет, что в церковные праз-

дники в храме всегда был образцовый порядок, который водворил отец, и священники были этим довольны.

Отец, как и все родители, рассказывал сыну сказки, а лет с 10-11 – о житье-бытье казачества в старые времена.

Из весьма почетных и уважаемых казаков станицы Каневской Максим Иванович вспоминает Нестеренко, Шевченко, Крамаря, Гриня, отца и сына Сучков, Башмака, майоров Ольшанского и Калери, хорунжих Царицанского, Бурноса.

Упоминает он и генерала Прокофия Ивановича Черника, инженера по образованию, построившего Кубанский войсковой собор в городе Екатеринодаре и получившего за это степень академика. Один его брат, Николай, сослуживец Недбаевского по Ейскому полку, тоже был генералом, а другой, Андрей, полковником. Все Черники числились казаками станицы Каневской. Три или четыре земельных участка, принадлежавших им, находились возле хутора Недбаевских.

Казаком станицы Каневской был и Пётр Павлович Бурсак, внук известного войскового атамана Черноморского казачьего войска Фёдора Яковлевича Бурсака. Дом Бурсаков находился в станице Каневской, в юго-восточном углу Церковной площади. «Семья Бурсаков бывала частыми гостями, в особенности летом, в доме моего деда на берегу Азовского моря, где теперь находится город Ейск», - вспоминает Недбаевский. Он пишет, что настоящая фамилия Бурсака – Антонович. Дед Петра Павловича, Фёдор Яковлевич, учился в Киевской Академии. При Академии имелась гимназия с пансионом, который называли бурсой, а учеников – бурсаками. Позже это прозвище было перенесено и на студентов Академии.

Трехпрестольная церковь в станице Каневской была первым кирпичным храмом на Кубани. В нашей станице издавна было два священника. Старший отец Константин Евменьев, старый приятель отца Максима Недбаевского — Ивана Ивановича, умершего 27 июня 1905 года, он же и отпевал его. Вторым священником был отец Павел Олейников, из казаков.

Новое кирпичное здание станичного правления построил за свои средства майор Калери, взамен старого, сгоревшего от недосмотра в 1880 году. Во время пожара погиб и большой местный архив...

Министерская школа в Каневской была открыта в 1870-х годах и помещалась рядом с домом и магазином купца Александра Ивановича Губырина. Обучались в школе и мальчики и девочки, но девочек училось мало. Отношения между учителями и учащимися были хорошие. Редко когда учитель тянул за чуб ученика или ставил на колени, поэтому учились охотно.

В церкви пел хор учеников. Учителя – братья Иван и Василий Дмитриевичи Бровченко и еще несколько любителей – для густоты хора. Пением руководил регент Бондаревский, казак нашей станицы, ранее певший в придворной капелле.

Иногородних в нашей станице было в то время мало, в основном – торговцы, ремесленники и сезонные рабочие, преимущественно – косари, приходившие сначала из Украины, а потом – из других губерний – Курской, Воронежской, Орловской, Тамбовской и Рязанской. Недбаевский пишет, что эти приезжие рабочие были слабее наших казаков и не так выносливы. В детстве ему приходилось слышать истории, что такой-то казак нанял пять-шесть косарей, а потом сам становился первым косарем и выполнял основную работу.

Ни клубов, ни собраний в то время не было, и торговцы проводили свободное время друг у друга. Торговля шла целый день, не прерываясь ни на обед, ни на выходные, ни на праздники, за исключением Рождества Христова, Пасхи и Троицы.

В степях было много птиц, зверей - волков, лисиц, сайгаков. Максим Иванович вспоминает: «Зимой на наш участок как-то раз забрел медведь. На медведя отец собрал не только своих, но и соседних калмыков (пастухов), вооруженных кольями. Подбил же медведя из двуствольного ружья казак нашей станицы Нелюба, за что и получил медвежью шкуру, а добили зверя — калмыки. Это было в 1876 году».

В школьные годы Максима Ивановича в зимнее время волки разгуливали по станице, как у себя дома, а на хуторах нужно было держать ухо востро не только зимой.

Весна, лето и осень проходили в трудах, а в зимнее время, особенно после Рождества Христова, ездили друг к другу, пили, ели, танцевали. Особенно казаки веселились во время свадеб. Свадьбы гуляли перед Великим постом, тогда веселье длилось неделями.

Во время Рождественских праздников дети и молодёжь щедровали и колядовали. Длинными зимними вечерами женщины шили, пряли, ткали полотно, а старые люди читали жития святых и вспоминали про старину.

Рассказывая о кубанских нравах, Недбаевский приводит слова генерала Юденича, обследовавшего наши земли по приказу царского наместника на Кавказе графа Воронцова-Дашкова:

«Я был поражён тем достоинством, с каким держались казаки со мною, не говоря уже о станичных атаманах и писарях, эти уже были буквально в своём обращении как сенаторы. Я, генерал, начальник штаба округа, чувствовал себя

маленьким перед станичным атаманом. Кабинет станичного атамана – как у министра, станичный сбор – настоящий парламент».

К одному большому чиновнику послали простого казака с каким-то поручением. Чиновнику чтото не понравилось, и он спросил: «Разве у твоего начальства не было умного казака, что они прислали ко мне такого дурака?» На эту грубость казак ответил достойно: «Умные казаки были, но их отправили к умным, а меня послали к вам».

Максим Иванович Недбаевский умер в эмиграции, в Югославии. Желающие могут подробнее ознакомиться с его воспоминаниями в № 4 журнала «Родная Кубань» за 1998 год. Кубанский писатель Виктор Лихоносов так сказал об их авторе: «Я очень любил читать его рукописные воспоминания. Знаете, пишет родственно, по-домашнему - для внуков и правнуков, для постаревших товарищей, которые могли что-то подзабыть. В кругу старозаветных казачьих семей должны были читать это…».

В истории станицы Каневской и Каневского района немало страниц, которыми можно гордиться, и нельзя их забывать. Нужно сберечь добрую память о наших замечательных земляках.

Елена ХМЕЛИДЗЕ

ОДЕДУШКЕ

ой дедушка Григорий Васильевич Мозговой родился в Воронежской области в 1903 году; в большой семье, где было 14 детей. У его отца Василия Степановича было крепкое хозяйство: мельница, земельные наделы, сельхозтехника, быки коровы, овцы, лошади. Бабушка вспоминала, что в книге расходов была единственная запись за месяц — 14 копеек на сахар. Остальные продукты были свои.

В 1937 году забрали всё. Даже детское одеяльце из-под младенца выдернули. Дедушку посадили на 10 лет с формулировкой «агитация против советской власти» — за то, что не сразу вступил в колхоз, решил присмотреться. Жену его, мою бабушку Марию Петровну, с четырьмя детьми приказано было ни в одном доме не принимать. Только одна соседка не побоялась — пустила к себе в подвал. Натаскали соломы — постель. Сын Иван заболел скарлатиной, повезли его в больницу, а там сказали: «Это сын кулака, мы таких не лечим». Ребёнок умер. Ели из котла черпаками из битых тарелок, найденных на улице. Дети просили милостыню. Пришлось бабушке ехать на Кубань — в станицу Стародеревянковскую, к родственникам. Жила на квартире, работала на маслозаводе.

Освободили дедушку в 1942-м, в Сталинграде. Просто вывели из подвала разрушенной тюрьмы несколько оставшихся в живых, не умерших от голода, арестантов и отпустили на все четыре стороны. Дедушка поехал в Ташкент: на Кубани – немцы, да и с пустыми руками к жене и детям возвратиться мог. Вернулся в 46-м. Построил дом, хоздвор, завёл большое хозяйство. Жить стало хорошо, о прошлых бедах не вспоминали – время было лихое, что тут поделаешь.

Люди крепко верующие со смирением принимали все испытания, посланные Богом. Только тяжело было смотреть в глаза вдовам – их мужья погиб-

ли, родину защищая, а дедушка без вины гнил в тюрьме. Рано утром он уходил со двора и возвращался затемно - помогал вдовам: заборы чинил, сараи строил, крыши крыл... Да разве всё перечислишь мужская сила во всяком дворе нужна. Потом пошёл работать на мельницу. Но видно и вправ-

На снимке Мозговой Григорий Васильевич, жена-Мария Петровна, внуки: Хмелидзе Лена и Кузнецов Григорий и племянник Иван Котляров.

ду Бог посылает испытания тем, кого любит.

Храм Вознесения в Стародеревянковской разобрали до войны, службы проводили в бывшей сторожке, но и ту решили закрыть, иконы сжечь. Не задумываясь о последствиях, невзирая на боязнь того, что припомнят прошлое, дедушка пошёл к председателю колхоза Алексею Петровичу Дикому просить подводу, чтобы хотя бы иконы спасти. Председатель не только дал подводу и коня, но и сам поехал. Часть икон разобрали по домам прихожане. Оставшиеся иконы, в том числе Параскеву Пятницу, привезли в Каневской храм Покрова Пресвятой Богородицы и спрятали в запаснике.

Иконы были у всех моих родственников, даже у нас в Грузии. Но когда открыли церковь в Стародеревянковской — в бывшей сторожке, много лет прослужившей магазином — мы вернули все иконы. Так же поступили все, взявшие их на хранение. Когда моя семья привезла иконы, чтобы вернуть, оказалось, что в этот день было освящение церкви, и случайно получилось торжественное шествие.

Есауль Ив. Яв Ніяшко.

именной списокъ

генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, старшинамъ, нижнимъ чинамъ и жителямъ

КУБАНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА

(бывшихъ Черноморскаго и Кавказскаго линейныхъ казачьихъ войскъ)

убитымъ, умершимъ от рахъ и безъ въсти пропавшимъ въ сраженіяхъ, стычкахъ и перестрълкахъ

съ 1788 по 1908 г.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ Типографія Кубанскаго Областного Правленія.

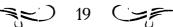

СПИСОК

казаков и жителей станицы Стародеревянковской Кубанского казачьего войска убитых, умерших от ран и без вести пропавших в сражениях, стычках, перестрелках с 1788 по 1908 годы

	C 1783 NO	15 00 10 401
<u>№№</u> n/n	Имя, фамилия, чин, какои строевои части	Когда и в каком деле убит
	179	00 г.
1	Каменецкий Емельян, казак Войска верных казаков Черноморских	20 ноября убит при разбитии турецкого флота под Измаилом.
2	Дядченко Иван 1-й, казак полка полковника Ив. Чернышева	11 декабря убит при взятии штурмом крепости Измаила.
3	Дядченко Иван 2-й, казак полка полковника Ив. Чернышева	11 декабря убит при взятии штурмом крепости Измаила.
4	Дядченко Степан, казак полка полковника Ив. Чернышева	11 декабря убит при взятии штурмом крепости Измаила.
5	Гончаренко Моисей, казак полка полковника Ив. Чернышева	11 декабря убит при взятии штурмом крепости Измаила.
6	Величко Павел , казак полка полковника Ив. Черпышева	11 декабря убит при взятии штурмом крепости Измаила.
7	Плохий Прокофий, казак полка полковника Ив. Чернышева	11 декабря убит при взятии штурмом крепости Измаила.
8	Пятак Онисим, казак полка полковника Ив. Чернышева	11 декабря убит при взятии штурмом крепости Измаила.
9	Самойленко Иван, казак полка полковника Ив. Чернышева	Умер от ран, полученных 11 декабря при взятии штурмом крепости Измаила.
10	Брехарь Михаил, казак полка полковника Ив. Чернышева	Умер от ран, полученных 11 декабря при взятии штурмом крепости Измаила.
11	Малый Даниил , казак полка полковника Ив. Чернышева	Умер от ран, полученных 11 декабря при взятии штурмом крепости Измаила
12	Бойско Аким , казак полка полковника Кондруцкого	11 декабря умер от ран, полученных при штурме крепости Измаила.
13	Тютюник Даниил , казак полка полковника Кондруцкого	11 декабря умер от ран, полученных при штурме крепости Измаила.
	180	94 г.
14	Тонконог Гавриил, казак 2-го конного полка	4 декабря убит в сражении с горцами при учинении репрессалии в земли закубанцев отрядом под начальством Войскового Атамана Бурсака.
	180	7 г.
15	Чуприна Василий , казак 3-го конного полка	28 апреля при нападении черкесов на разъезд в дистанции Елизаветинского кордона без вести пропал.
16	Орел Григорий, казак 6-го пешего полка	8 сентября при нападении черкесов на почту захвачен в плен.
	181	0 г.
17	Чернышев Самуил, казак 4-й сотни 2-го конного полка	11 июля убит черкесами при нападении на кордонную линию
18	Голубенко Иосиф, казак 2-го пешего полка	В декабре убит в сражении с шапсугами при наказании их за набеги на наши пределы.
	181	2 Γ.
19	Сирота Григорий, казак 8-го конного полка	25 мая взят черкесами в плен.
	181	3 г.
20	Кардашевский Павел Ефимович, зауряд-хорунжий 1-го конного полка	16 сентября убит в сражении с французами под г. Альтенбургом.
21	Сидоренко Иван, казак 2-й сотни 1-го сборного конного полка	Убит в сражении с французами в заграничном походе.
22	Сохач Михаил, казак 2-й сотни 1-го сборного конного полка	Умер от ран в сражении с французами в заграничном походе.

	181	.4 г.
23	Святенко Петр, казак 3-й сотни 1-го	25 января взят в плен французами.
	сборного конного полка	
	181	8 г.
24	Лемишка Илья, казак 9-го конного полка	12 февраля убит при прорыве большой партии горцев в дистанции Ново-Екатериновского кордона, желавших напасть на село Ивановское и отраженных полковником Кондруцким.
25	Подать Петр, казак 9-го конного полка	12 февраля убит при прорыве большой партии горцев в дистанции Ново-Екатериновского кордона, желавших напасть на село Ивановское и отраженных полковником Кондруцким.
	182	80 г.
26	Сыч Иван, житель	24 января убит в дистанции Ново-Екатериновского кордона при разграблении и сожжении черкесами 25 хуторов.
27	Лебедь Марья, жена казака	24 января убита в дистанции Ново-Екатериновского кордона при разграблении и сожжении черкесами 25 хуторов.
	182	22 г.
28	Бублик Моисей, казак 4-го пешего полка	17 апреля утонул в реке Кубани при переправе.
	· · ·	25 Γ.
29	Бабка Иван Сидорович, казак 4-й сотни 2-го конного полка	16-го февраля убит в сражении с черкесами в экспедиции за Кубанью.
	182	27 г.
30	Кикоть Клим, казак 4-й сотии 4-го конного	26 мая убит в сражении с персидскими войсками за
	полка	р.Араксом.
	182	28 г.
31	Чайка Аким, казак 1-й сотни 8-го пешего полка	26 августа убит в деле с черкесами за Кубанью.
	182	9 г.
32	Дудченко Федор Федорович , казак 4-й сотни 3-го пешего полка	5 февраля в сражении с черкесами на Смоляном посту при нападении их на Курчанские хутора без вести пропал.
33	Ляшко Влас, казак 6-го конного полка	19 мая при разбитии турок близ Туртукая убит.
34	Борт Петр, казак 2-й сотни 4-го пешего полка	6 июня умер от ран.
35	Ищенко Александр , казак 4-й сотни 5-го конного полка	4 сентября убит в сражении при взятии 3-х неприятельских батарей близ местечка Подали, оно же Инаскиой.
36	Шишацкий Евстафий Евтихиевич, казак 5-й сотии 6-го конного полка	4 сентября при взятии 3-х неприятельских батарей и при взрыве на них порохового погреба разорван и убит в местечке Подали, оно же Инаскиой.
37	Холоша Евтихий, казак 1-го пешего полка	Убит под крепостью Силистрией.
37	Воробьев Семен, казак 1-го пешего полка	Убит под крепостью Силистрией.
39	Иосиф Иона, казак 4-й сотни 1-го пешего полка	На основании приказа Главнокомандующего 2-й армией генерал-фельдмаршала графа Дибича от 7 ноября 1829 г. за № 597 исключен из списков находившихся в разных госпиталях за ранами и болезнями и не явившихся до сего времени в полк.
40	Маниховский Аким, казак 4-й сотни 1-го пешего полка	На основании приказа Главнокомандующего 2-ю армиею генерал-фельдмаршала графа Дибича от 7 ноября 1829 г. за № 597 исключен из списков находившихся в разных госпиталях за ранами и болезнями и не явившихся до сего времени в полк.
	102	оолезнями и не явившихся до сего времени в полк.
41	Хваль Влас Матвеевич, казак 5-й сотни 7-го конного полка	В январс убит в экспедиции за Кубанью в отряде генерала от кавалерии Эммануэля.
	·	31 г.
42	Шрам Дмитрий , казак 2-го конного полка	19 марта убит в деле с польскими мятежниками.
•	тырам дамитрии, казак 2-10 конного полка	то подрав усит в деле с польекный митежниками.

43	Тышения Патапы мами 2-го монило вози	19 марта убит в деле с польскими мятежниками		
44	Тыщенко Лазарь, казак 2-го конного полка Тимошенко Емельян Семенович.	26 июля без вести пропал в деле с польскими		
• •	казак 2-го конного полка	мятежниками.		
		32 г.		
45	Шевченко Гавриил, казак 9-го конного	18 декабря пропал без вести в дистанции Славянского		
	полка	поста.		
	183	34 г.		
46	Кантур Степан, казак 7-го конного полка	16 октября умер от ран.		
	183	36 г.		
47	Сирый Арсентий, казак 9-го пешего полка	28 октября убит.		
	1839 г.			
48	Шмалько Афанасий, казак 3-го конного полка	20 апреля убит в дистанции Смоляного поста.		
4 9	Бондаренко Потап , казак 4-й сотни 3-го конного полка	18 октября умер от ран.		
	184	В г.		
50	Орел Влас, казак 10-й батареи Черноморской	20 февраля убит черкесами у ст.Воронежской при		
	конно-артиллерийской бригады	преследовании их после грабежа жителей		
	10.	ст.Васюринской.		
Z 1		l5 Γ.		
51	Божко Клим, казак 3-го конного полка	12 августа убит горцами близ Байдачного поста.		
	T	18 r.		
52	Чуб Иван, казак 6-го конного полка	16 октября убит в деле с черкесами.		
		33 г.		
53	Кулик Никита , казак 9-го пешего батальона	4 октября умер от ран.		
		54 r.		
54	Теливец Пантелеймон , казак 3-го пешего батальона	6-го мая умер от полученных в деле с горцами 9 марта огнестрельных ран.		
		55 Γ .		
55 	Рожевский Филипп, казак 9-го конного полка	16 мая в дистанции Славянского поста убит черкесами		
56	Сохач Вакула, казак 9-го пешего батальона	Убит в деле с неприятелем.		
	186	б3 г.		
57	Лаврентьев Семен , казак 9-го пешего батальона	Убит в перестрелке с горцами.		
	187	77 г.		
58	Карась Кирилл, казак 1-го Ейского полка	21 июня убит в сражении с турками под Ардаганом.		
59	Марков Никита, казак 12-го пешего пластунского батальона	Убит при штурме аулов Цудахар и Согратль в Дагестане.		
	<u> </u>	78 г.		
60	Кириченко Никита Федорович, казак 1-го Ейского конного полка	Бсз вести пропал во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг.		
61	Лисица Аггей, казак 11-го пешего пластунского батальона	Умер от ран.		
	188	80 г.		
62	Дац Поликарп, казак 1-го Ейского полка	Убит в перестрелке с разбойниками на персидской границе.		
	188	37 г.		
63	Тараненко Иван, казак 1-го Ейского полка	Убит в перестрелке с разбойниками на переидской границе.		
	190	06 г.		
64	Иванюта Григорий, казак 1-го Ейского	2 января убит в перестрелке с гурийскими		
	полка	мятежниками у станции Ципа Кутаисской губернии.		

Подготовил Александр Дайневич

Наталья Дуленко (Сизова)

Родилась 20 декабря 1987 в городе Новая Ляля Свердловской области. В станицу Каневскую (малую родину моей мамы) родители привезли в возрасте двух лет. Окончила среднюю школу №1. Учусь на пятом курсе заочного отделения Краснодарского государственного университета культуры и искусств на кафедре Музееведения и охраны памятников. Работаю в Каневском районном историко-краеведческом музее смотрителем. Занимаюсь научно-исследовательской работой, касающейся истории церкви Святителя Николая и храма Сошествия Святого Духа на Апостолов станицы Каневской.

ЦЕРКОВЬ «ВО ИМЕНОВАНИЕ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ»

сенью далёкого 1793 года куренной атаман Осип Басыстый привёл первый отряд запорожцев Каневского куреня к месту слияния трёх рек Большого, Среднего и Сухого Челбасов, и было основано поселение, которому потом и предстояло стать станицей Каневской.

По старой доброй традиции первопоселенцы станицы Каневской вместе со строительством куреней, а скорее — землянок, принялись строить православную церковь. Естественно, самое видное, ровное место определялось под первую площадь. Поскольку заселение станицы шло буквально от берега реки, то самой древней частью станицы является участок, ограниченный нынешними улицами Береговой, Гагарина, Черноморской и Нестеренко. Таким образом, в центре куреня сформировалась площадь, бывшая сначала местом сбора, потом - богослужения. Молились прямо под открытым небом.

Издавна для постройки храмов казаки выбирали самые красивые и открытые места в куренях.

«Пусть красуется храм Божий в небесной высоте, и пусть святые молитвы несутся от нас от земли до престола Господа Бога», - писал известный историк запорожского казачества Д.И.Яворницкий.

На этой площади и было определено место для постройки церкви.

В фондах Государственного архива Краснодарского края хранятся уникальные документы – «Рапорт войскового протоиерея Романа Порохни войсковому атаману Т.Т. Котляревскому о количестве церквей в Черноморском войске» от 3 января 1799 года, из которого мы узнаём, что в Каневском курене к тому времени «заложить повелено..., но не заложены по невистачению [недостаточности] материалов...» церковь «Во именование Святителя Николая».

Однако, церковь всё же была построена, о чём мы можем судить из другого документа — «Ревизской сказки января 1816 года...о священно- и церковнослужителях и их семьях...» [7-я ревизия]. Согласно данному документу «в селении Каневском при бывшей по 6-й ревизии двухприходной ныне трёхприходной Николаевской церкви» содержался штат из 10 священнослужителей.

По другому документу, составленному протоиереем Димитрием Грузиным в 1831 году — «Список церквей на территории Черноморского казачьего войска», на тот момент в Каневском курене числится одна церковь — Николаевская. Была она небольшая однопрестольная деревянная.

Самые почётные места были выделены священнослужителям. И всегда потом жили они близко от церкви.

Есть скупые сведения о том, что обязанности священника исполнял один из казаков, бывший грамотным человеком.

Известно, что первым священником Каневского куреня был казак Соболь. Сохранился выразительный документ, в котором упоминается имя этого казака-священника, — письмо от 2 но-

ября 1796 г. кошевого атамана Захария Чепиги епископу Феодосийскому Гервасию по поводу кандидатов в священники: «Ваше Преосвященство, милостивый батько, для стола Вашего Преосвященства икры свежей два бочонка, балыков пар десять и часть визиги при сем посылаем и покорнейше прошу прислать архимандриту Екатерино-Лебяжьей пустыни Феофану в помощь иеромонаха и диакона, а подносителей сего кандидатов – диакона Григория Стрещенко, Алексея Волынского, Гавриила Куса, Ивана Сулиму и Федора Соболя святительским рукоположением во священников милостиво не оставить».

Немедленно в ноябре же, получен был ответ от Гервасия, что он получил подарки. Духовная консистория сообщила об этих кандидатах, «что все они с помощью Божиею пресвитерами отпущены при грамотах», Гервасий посвятил в иереи всех пятерых кандидатов. Обычно ставленники подвергались архиереем испытанию: их заставляли читать, писать, петь и излагать, как отправляется то или другое богослужение.

Уже в первые годы существования войска образовался значительный контингент казачьего духовенства. Так, в списке протоиерея Порохни за декабрь 1797 год значатся чисто казачьи фамилии, среди которых «по куреню Каневскому» значится священник Соболь.

Из вышеупомянутого документа ГАКК — «Ревизской сказки января 1816 года... о священнои церковнослужителях и их семьях...» [7-я ревизия], мы уже узнали, что «в селении Каневском при... трёхприходной Николаевской церкви» содержался штат из 10 священнослужителей. Теперь нам предстоит познакомиться поближе с фамилиями и судьбами духовных деятелей куреня Каневского.

К 1816 году при Николаевской церкви обязанности священника исполнял Алексей Барановский 41 года. У него была жена Аграфена Васильева и четверо детей: дочери Марьяна, Серафима и Улитта, и трёхлетний сын Никифор. Согласно ревизской сказке «О Духовенстве, служащем в Черноморском казачьем войске», составленной 28 февраля 1835 года, Алексей Барановский в 1834 году приказом Святейшего Синода был лишён священства и определён в Екатеринодарское Духовное Правление в сторожев-скую должность. Здесь же указано, что сын Никифор умер в 1816 году.

По 7-й ревизии священником также числится Григорий Савич 36 лет от роду, у него была 8-милетняя дочь Улиана. Умер священник в 1821 году.

По 6-й ревизии, согласно уже указанному документу, при церкви был диакон Михаил Якубовский [по другому документу фамилия Яблуновский] 33 лет, но он в 1815 году скончался. У него остались жена Параскева Семёнова и сын Лев. В 1818 году умер сын Лев. Диакон Михаил по ревизии 1835 года не числится, возможно, он умер ранее.

На 1816 же год при церкви значится диакон Исидор Новицкий 27 лет, при нём 4-хлетний сын Максим. Указывается, что в церковь диакон был «определён после ревизии 1815 года» из Новомосковского уезда, из селения Каменки. Однако в том же 1816 году сын Михаил умер, а диакон Исидор скончался четырьмя годами позже – в 1820 году.

По 6-й же ревизии значится дьячок Самуил Скидан 28 лет. Но в 1814 году он был произведён [переведён] в селение Минское во священника. В 7-й ревизии его фамилии уже не значится.

В вышеуказанном документе в должности дьячка записан Гавриил Зенченко 38 лет. У него были жена Варвара Григорьева и дети: сын Феодосий, дочери Татиана и Марьяна. Согласно ревизской сказке «О Духовенстве, служащем в Черноморском казачьем войске», составленной 28 февраля 1835 года, дьячёк Гавриил Зенченко продолжил службу при нововозведённой в станице к тому времени «Трёхкомплектной Святодуховской церкви» [храме Сошествия Святого Духа на Апостолов]. Его сын Феодосий был исключён из духовного звания в 1826 году. Умер Григорий в 1830 году.

При церкви было два пономаря.

Павелу Чернышеву было 28 лет, при нём по документу значились жена Татиана Семёнова и дочери Дарья и Настасия. Павел Чернышев так же, как и Г.Зенченко, продолжил службу при Духосошественской церкви. Но уже в 1831 году Павел скончался. В ревизии более позднего периода по Духосошественской церкви от 20 марта 1858 года указана «исключенного из духовного звания дьячка Самсона Чернышева дочь, девица Параскева» 19 лет. Смею предположить, что это потомок Павела Чернышева.

Пономарь Николай Дибров [по другому документу фамилия Дубров] родом был из «священнических детей». Определён в церковь после ревизии 1813 года. Николай продолжил с 1828 года службу при храме Сошествия Святого Духа на апостолов. Но вскоре, в 1831 году, скончался.

По 7-й ревизии при церкви указана и некая София 11 лет — «умершаго в 1810 году священника Сергия Савича дочь». Смею предположить, что до 1810 года Сергий Савич был священником сей же Николаевской церкви.

Согласно ревизской сказке «О Духовенстве, служащем в Черноморском казачьем войске», составленной 28 февраля 1835 года, в церковь Святителя Николая в 1826 году поступил из диаконов города Екатеринодара протоиерей Василий Владимирович Орда, вдов, при нём сын Афанасий 17 лет и одиннадцатилетняя дочь Анна.

В более раннем документе, «Ревизской сказке января 1816 года... Черноморского войска о священно- и церковнослужителях и их семьях [7-я ревизия]», хранящейся в фондах Государственного архива Краснодарского края, в статье о «четырёхприходной Соборной Воскресенской церкви» города Екатеринодара, в графе №9, мы находим упоминание о некоем диаконе Василие Орде. Указано, что Василий был принят из казаков, на момент 7-й ревизии ему было 28 лет «на лицо». У него были жена 25 лет Ефросиния Григорьева и сын Василий одного года от роду. Атаман Недбаевский М.И. часто в воспоминаниях ставит акцент на то, что Орда -«священник-казак», тем самым указывая на происхождение священнослужителя. Следовательно, в данной «ревизской сказке» был отмечен тот самый Орда, который впоследствии оказался в станице Каневской, и решил вопрос о строительстве храма.

Священник Василий Орда, благополучно достроив церковь, оставался несменным настоятелем её до самой смерти. «Его участок находился на правом берегу реки Средней Челбаски, как раз против нашего участка. Наследники Орды участок земли продали мещанам города Ейска не то Жердевым, не то Бахметам, хорошо не помню.», – вспоминал М.И. Недбаевский.

При Николаевской, а с 1828 года при Духосошественской церкви служил и некий священник Павел Фёдорович Корнилиев 33-х лет, «поступивший из детей умершего священника Фёдора Корнилиева куреня Уманского в 1823 году». В ревизии указана также жена священника – 28летняя Иулитта Григорьева, дети – сын Кириллий и дочери Анна и Фотиния.

Тут же значится и диакон Косьма Павлович Мищенко 25 лет, поступивший в 1829 году из казаков Войска Черноморского. Судя по ревизии 1858 года, Косьма Мищенко продолжил службу при церкви Сошествия Святого Духа на апостолов. Умер диакон в 1856 году.

Духовное сословие было создано народной массой под влиянием религиозных потребностей. Для этого сословия казачьи общины сами выделяли из среды своей лучших, излюбленных людей. Той же заботой о духовных нуждах обуславливалось строительство церквей, без коих

не могло жить всё население. Такие учреждения действовали в то время смягчающим образом на суровые нравы населения.

Простояла церковь не долго. Сгорела во время пожара. На её месте поселенцы построили небольшую каменную часовню. В часовне совершались богослужения, горели свечи и лампады. А в 1829 году состоялось освещение большого кирпичного храма «во имя сошествия Св. Духа, Благовещения Пресвятыя Богородицы и Св. Николая» построенной в 1828 году «на счёт капитала и имения умершаго Капитана Романа Белаго». Открытие его произошло на праздник Троицы, поэтому в народе храм носил называние Свято-Троицкого.

Здесь мы привели обзор лишь тех фамилий, которые нам довелось увидеть на страницах уникальных документов, хранящихся в Государственном архиве Краснодарского края. Сотни и тысячи страниц ещё ждут своих исследователей.

Список источников и литературы

- Воспоминания куренного атамана Недбаевского М.И. Копия с рукописи.// Архив Каневского районного историко-краеведческого музея. Инвентарный номер КМН 670. С.40, 41
 - ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 392. Л. 8-11.
 - ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1169. Л. 4-4 об., 7.
 - ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 982. Л. 29-32.
 - ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 512. Л. 91об.-92, 118 об.-119.
 - ГАКК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 4. Л. 14-16.
 - ГАКК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 30. Л. 101, 102 об. 106.
- Православная церковь на Кубани в конце XVIII начале XX в. Сборник документов. Краснодар: ЭДВИ. 2001. С. 171, 190.
- Щербина Ф.А. История кубанского казачьего войска. Т. 1. История края. Краснодар: Краснодарские известия. 2007. С. 617, 618, 630.

Валентин ЦВЕТКОВ

История с продолжением

24 ГОДА СПУСТЯ – О ПИСЬМЕ ИЗ 1911 ГОДА

середине апреля 2010 года в моём кабинете раздался телефонный звонок. Из Екатеринбурга. Как выяснилось, говорил уроженец станицы Каневской, а ныне житель Урала, полковник Валентин Иванович Овчаренко. Его заинтересовала моя публикация в районной газете 24-летней давности «Письмо из 1911 года». Собеседник попросил сообщить ему точную дату и номер газеты, в которой она увидела свет. Два вечера поисков в личном архиве дали положительный результат. Его я сообщил земляку и посчитал, что свою функцию выполнил, но Валентин Иванович позвонил ещё и ещё раз. О многом с ним говорили. В итоге он прислал мне результаты своего исследования по истории рода, которые одновременно можно считать продолжением моей давней публикации.

Однако, всё по порядку. Случай, о котором пойдёт речь, произошёл в Каневской в 1988 году. Я тогда работал редактором районного радио, и в один из дней в студию позвонила директор районного историко-краеведческого музея Анна Пантелеевна Коробицына и сообщила о необычном поступлении. Через несколько минут я был в её кабинете.

...Двойной лист в косую линейку, вырванный из середины ученической тетради, лежал, скрученный, в трехсотграммовой бутылке. В музей его принесли дети с улицы Советской.

Бережно держу в руках бутылку дореволюционного производства, тетрадные листы. Корявые буквы образуют неровные строчки послания "для передачи тому, кто разберётъ сей домъ...". А нашли бутылку с запиской в юго-восточном углу дома № 56 по улице Советской его жильцы Борис Хачизефович и Нина Васильевна Боус.

Здание это тогда, в 1987 году, принадлежало управлению домами. Впервые (дом построен в 1911 году) решили сделать капитальный ремонт. Домкратами подняли крышу, укрепили стены, фундамент, заменили столярные изделия. Тогда-то и было обнаружено послание.

Первые сорок куреней на Кубани, в том числе и Каневский, как известно, были основаны в 1794 году. Строили их по общепринятым правилам и существовавшим традициям: обязательно у реки, с площадью и прямыми улицами. Селились компактно, учитывая военное время.

В центре куреня, вокруг площади, в разные годы были построены правление, трехпрестольная Духосошественная церковь, школа, лавки, пивные, дома духовенства и казачьей знати.

В ста метрах от площади поставил свой дом и Афанасий Гаврилович Святной. О нем ни у кого ничего узнать не удалось, но, судя по записке в бутылке, можно предположить, что жил он зажиточно для своего времени (дом возводил наемный строитель), имел и обучал в школе детей (письмо написано на ученической тетради).

В конце XIX-начале XX века дома в Каневской строили преимущественно из местных строительных материалов – глины, камыша, соломы, хвороста. Афанасий Святной использовал при строительстве саман — сырцовый кирпич. О первоначальном покрытии крыши судить сейчас трудно, но,

вероятно, это был камыш – его много росло по берегам рек и лиманов.

Так что же было написано в письме из 1911 года? Текст послания таков: "Во имя Отца и Сына, Святого Духа сей домъ заложенъ 1911 году 10 мая казаком Афанасием Святным отроду 33 года пысавъ собственно ручно для передачи тому, кто разберётъ сей домъ". А на обороте тетрадного листа хозяин приписал: "Строителе Лука Маркович Лихошерстъ".

Об этой интересной находке и рассказали мы в 1988 году читателям нашей газеты. Корреспонденция заканчивалась так: «Письмо, адресованное будущим поколениям, попало в наши руки. Нельзя, прочитав его, такое, на первый взгляд, обычное, отложить в сторону и забыть. Ведь каждый неисследованный факт — белое пятно в истории. А заполнять их достоверными знаниями — задача зачитересованных и увлеченных людей».

Тогда, 24 года назад, дополнить чем-либо полученный факт истории станицы Каневской, к сожалению, не удалось. Но эти звонки и письмо из Екатеринбурга стали достойным продолжением интересной и загадочной истории. В. И. Овчаренко в шести коленах воссоздал родословное древо, корни которого идут от Гавриила Елисеевича Святного и его супруги Марии Петровны Святной (в девичестве – Царицанской).

У этой супружеской четы было восемь детей. Одна из дочерей – Наталья – являлась бабушкой Валентина Ивановича Овчаренко, а один из сыновей – Афанасий – хозяином того самого дома на улице Советской, в основании которого и была найдена закладная записка.

«Семья Гевриила и Марии Святных была зажиточной, владела земельными наделами, сельхозинвентарём и техникой, лошадьми, крупным рогатым скотом и прочей живностью, – пишет из Екатеринбурга наш земляк. – К революции 1917 года все дети уже были взрослые и имели свои семьи.

Одна из пяти дочерей Святных Наталья Гавриловна — моя бабушка. В 1913 году она вышла замуж за Максима Титовича Бычкаря и родила троих девочек: Анну, Веру и Елену. До революции эта семья имела свой надел земли в поле и приусадебный участок в 40 соток, свой большой дом под красной черепицей, лошадей, коров, овец и прочую живность, а также молотилку, жатку. Трудились, не покладая рук. Жили зажиточно. Пришла пора, и встал вопрос о раскулачивании. Максим Титович был отличным плотником, пчеловодом, умел чинить сельскохозяйственные машины, а вновь создаваемому колхозу нужен был такой разносторонний специалист, и дедушку исключили из списков лиц, подлежащих раскулачиванию. Благодаря нему

семья избежала высылки и осталась в своём доме по улице Краевой, 13, но всё, чем она владела – инвентарём, живностью, – отошло колхозу.

Максим Титович не пережил голод первых лет коллективизации, умер в 33-м, похоронен в Каневской. Наталья Гавриловна на тридцать три года пережила мужа, выдала замуж всех дочерей, испытала тяготы войны, воспитывала внуков. Я тоже вырос на ёё руках...».

Далее В. И. Овчаренко рассказывает о судьбе своих родителей и о своей биографии. В 1952 году в Каневской он окончил семь классов средней школы и оставил отчий дом. Учился в Ейском техникуме механизации сельского хозяйства, работал на целине в Кокчетавской области Казахстана. Лучшие годы своей жизни посвятил службе в армии. Окончил Первое Ленинградское артиллерийское училище, там же — артиллерийскую академию. В 1987 году, после тридцати лет службы, в звании полковника ушёл на заслуженный отдых.

Другим детям основоположников рода – Гавриила Елисеевича и Марии Петровны Святных – судьба досталась намного тяжелее. Все они были раскулачены и высланы за Урал и в Сибирь. Несколько иначе сложилась жизнь Федота Гавриловича – перед революцией он служил в гвардии, охранял в Зимнем дворце царскую семью, а после смены власти попал на Соловецкие острова, где и сгинул.

Старшего из сыновей — Афанасия Гавриловича, в чьём доме была обнаружена закладная записка, с которой я начал рассказ, и всю его семью — жену Екатерину, детей Марию, Марфу и Степана — также раскулачили и выслали в Сибирь. От холода и голода кто-то умер в пути, остальные — на новом месте жительства. Чудом удалось выжить лишь одной его дочери — Марфе Афанасьевне. «Она вырвалась из-за колючей проволоки в момент бунта в лагере и расстрела репрессированных, — пишет далее в своём письме В.И. Овчаренко. — В этой суматохе ей удалось убежать в лес. Она блуждала двое суток, пока измождённая и голодная не набрела на лагерь заключённых. Она приглянулась начальнику и стала ему женой, родила двоих сыновей.

Когда началась Великая Отечественная война, мужа отправили на фронт, там он и погиб. В период хрущёвской оттепели Марфа Афанасьевна с сыновьями посетила Каневскую, погостила у тёти — сестры своего отца Натальи Гавриловны и на память оставила ей свою фотографию, копию я вам высылаю.

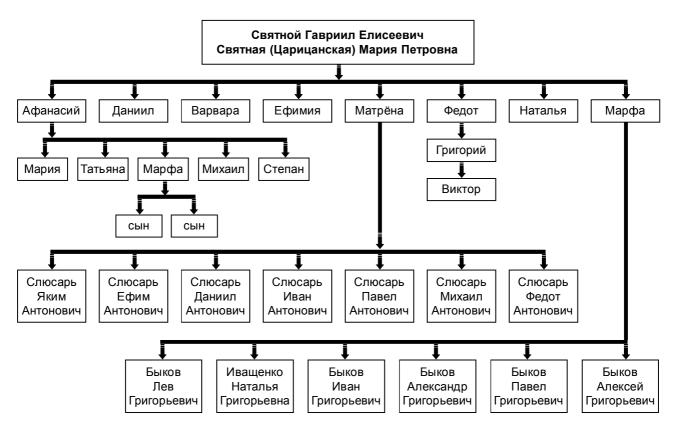
О чём она говорила с Натальей Гавриловной, моей бабушкой, я не знаю. И сам визит, и содержание разговоров держались в тайне, чтобы не бросить тень на родственников...».

В конце своего письма Валентин Иванович приписал: «Если в процессе подготовки вами статьи к публикации я сумею добыть ещё какие-то сведения, то обязательно сообщу. В Краснодаре мой двоюродный брат Владимир Григорьевич Суржик тоже занимался родословной и общался в Каневской с родственниками, когда я горел на службе за тридевять земель. Сейчас его вдова Ольга Алексеевна по моей просьбе разбирает его архив, и, возможно, откроются какие-то неизвестные факты...».

Будем ждать. Возможно, тему эту удастся продолжить позже.

На снимках: дочь Афанасия Гавриловича Святного Марфа с сыновьями; В. И. Овчаренко (фото 1976 года).

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО СВЯТНЫХ

Кроме того, у Даниила Гаврииловича Святного было две дочери, у Варвары Гаврииловны — сын и дочь, У Натальи Гаврииловны — три дочери (Анна, Вера и Елена). У Ефимии Гаврииловны своих детей не было, они с мужем брали на воспитание Володю и Веру Верещака.

«КАЗАЦЬКОМУ РОДУ НЭМА ПЭРЕВОДУ...»

Александр ДЕЙНЕВИЧ

Дейневич Александр Васильевич, учитель, краевед, Заслуженный работник культуры Кубани (1998), Почётный работник общего образования Российской Федерации (2006). Член Союза журналистов РФ с 1999 года.

Родился 29 августа 1954 года в ст. Новодеревянковской. В 1971 году окончил среднюю школу № 43. Основы профессионального учительского образования получил в Адыгейском педагогическом училище им.Героя Советского Союза Х.Б.Андрухаева (г. Майкоп), а в 1982 году окончил факультет художественной и технической графики Кубанского государственного университета. В 1973-1975 гг. проходил действительную срочную службу в рядах Советской Армии.

С 1983 года работал учителем в новодеревянковских средних школах № 43 и № 44, в 1990-2008 гг. — директором средней общеобразовательной школы № 44 им.Ф.А.Щербины. Создатель школьных музеев Истории народного образования (СОШ № 43, 1986 г.) и Ф.А.Щербины (СОШ № 44, 1999 г.).

Публикуется на краеведческие темы в местных и краевых СМИ с 1984 г. Около тридцати лет занимается изучением жизни и популяризацией деятельности историка кубанского казачества, уроженца ст. Новодеревянковской Ф.А.Шербины.

«...ВАШ СТАРЫЙ ДІД ЩЕРБИНА»

Кто написал «Историю Кубанского казачьего войска»

Пока музыкы гралы, -То й нас уси зналы. А грать пересталы, То й лайяты сталы...

Из старинной казачьей песни

Забытые имена: премьер Крамарж, король Александр, генерал Шиллинг, академик Кондаков... Имена, даты, судьбы, столь разные и столь схожие...

В нише, под самым сводом, еще одна черная плита. Надпись на чешском языке: «Кубанский казак профессор Федор Андреевич Щербина...»

Здесь, вдали от Родины, в крипте белокаменного храма Успения Пресвятой Богородицы на центральном Ольшанском кладбище столицы Чехословакии, более семидесяти лет покоился тот, чье имя когда-то знала не только вся Кубань, но и Россия.

едор Андреевич Щербина родился 25-го (по старому стилю 13-го) февраля 1849 года в станице Новодеревянковской Черноморского казачьего войска. Прадеды его были настоящими сичевиками, а деды – старыми запорожцами, прибывшими на Кубань по Указу Екатерины Великой в числе первых переселенцев.

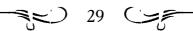
Отец Федора – Андрей Лукич Щербина, казак Переясловского куреня, рано остался без родителей и по приговору сбора, как обладающий прекрасным

голосом, был отдан в Екатерино-Лебяжий монастырь, учиться на дьячка. Через несколько лет службы был переведен священником в Рождество-Богородицкую церковь ст. Новодеревянковской.

– Казаки любили моего отца, – вспоминал Ф.А. Щербина, – не только потому, что он сам происходил из казаков, но и, главным образом, за его беспримерную работу и теплое отношение к их горю и нуждам. Он никогда и ни в чем необходимом не отказывал прихожанам, раз это, по его мнению, входило в его обязанности: шел на зов каждого, шел немедленно, вставал если требовалось, из-за стола, не окончивши еды, отправлялся на требы среди глубокой ночи, в дождь, в грязь и холод, к умирающему, чтобы исповедовать его, ходил пешком, когда не было на чем ехать... Если же он замечал в семье нужду, то не только отказывался от всякого вознаграждения, но и помогал нуждающимся.

Андрей Лукич имел большую библиотеку церковной литературы и, по словам матери, просиживал дни и ночи над книгами. Этот пример самообразования отца прочно отложился в памяти Федора и заставил его в свое время задуматься о необходимости продолжения обучения.

Умер отец Андрей в возрасте тридцати шести лет от чахотки, когда сыну было три года и все заботы по содержанию семьи и воспитании легли на плечи матери. После смерти мужа на руках у матушки Марины Григорьевны – дочери новощерби-

«КАЗАЦЬКОМУ РОДУ НЭМА ПЭРЕВОДУ...»

новского священника Белого осталось пятеро детей: дочь Доминикия и сыновья Тимофей, Василий, Федор и Андрей.

До глубокой старости сохранил Федор Андреевич Щербина теплые чувства и к своей матери, и к своей малой родине: «Не могу отделить любви к матери от любви к Деревянковке». Чтобы прокормить семью, матушка Марина содержала большое хозяйство. Она сама была трудолюбивой и воспитывала трудолюбие в детях. «Моя мать находилась в тяжелых материальных условиях. Будучи обременена большой семьей, жила бедно, работала много и во многом нуждалась. Часто не было необходимой суммы денег, чтобы купить фунт сахара и четверть фунта чаю; нередко мы терпели нужду в приличной одежде и ходили босиком...»

Старший брат Федора – Тимофей, учился в Кавказской духовной семинарии, в Ставрополе. Дома он появлялся редко, так как матери нечем было оплатить его проезд. В семинарии он считался одним из лучших учеников. В семье очень любили старшего сына и гордились им. Но надеждам на то, что он станет священником в Новодеревянковской не оправдались – на последнем году учебы Тимофей умер от чахотки.

Учительскую стезю выбрал брат Василий и младший брат Андрей – неизменный спутник совместных игр и приключений.

Большую роль в жизни Федора сыграла его старшая сестра Домочка. Она была первой помощницей матери по хозяйству, хорошо умела шить и кроить.

Под влиянием деда Белого и его приятелей, родных, идеализировавших «стари козачи звичаи», Щербина рано впитал демократические взгляды. Отец Юрий (Георгий) был священником Новощербиновского прихода. Старого священника любили и уважали в Новодеревянковской. Со всеми он имел равные отношения: и с рядовыми казаками, и с панами. Он всегда отстаивал свою точку зрения, если был убежден в ней и всегда говорил людям правду в глаза. В особых случаях за советом к отцу Юрию обращались и станичные власти, и громада. Мать отца Юрия - Шишчиха, прабабушка Федора, в течение двадцати лет жила среди запорожцев на Днепре, еще до уничтожения Сечи. Она внушила Феде любовь и уважение к идеалам Запорожской Сечи, к матери-Украине и к Кубани.

Первое знакомство мальчика со станичною громадою — казачьим сходом для решения насущных вопросов, произошло в 1855 году, когда ему было шесть лет. Шла Крымская война. Часть английской эскадры прошла из Черного моря в Азовское и обстреляла город Ейск. Гул доносился до Новодеревянковской. Казаки сразу же поспешили на сход, который проходил во дворе станичного правления, рядом со двором Щербины. Именно тогда маленького Федю поразила воинственность казаков, стремление сражаться за родную землю. На расположен-

ной рядом церковной площади проходили проводы казаков на кордонную службу. Федор вместе со станичниками провожал своих земляков служить верой и правдой за Родину, веру православную. Чувство единения со своими земляками наложило отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. С детских лет уяснил он роль и значение казачьего самоуправления в жизни громады.

Юный Щербина долго не учился, - считалось, что отец умер, перестаравшись в познании богословских книг - «от усиленных занятий наукою» и только в одиннадцать лет Марина Григорьевна отдала сына в учение к станичному дьячку Харитону Захаровичу Стражеву. Харитон Захарович считался очень грамотным человеком не только в станице, но и по всему Ейскому уезду. За сто верст к нему приезжали казаки, чтобы он составил прошение Наказному атаману, а то и в Петербург. Потому и учителем он считался первостепенным. Но попытка эта оказалась неудачной - потрясенный дикими нравами, царившими в местной школе, мальчик в первый же день занятий сбежал из «учебной команды» и под впечатлением увиденного тяжело заболел. Благодаря дедушке Белому, Федор преодолел свой страх перед изучением грамоты и с помощью старшей сестры Домочки научился читать, а начальное образование он получил в Екатеринодарском Черноморском духовном училище, куда к великой радости матери его приняли на казенный счет.

Именно в детские годы в станице Новодеревянковской под влиянием родных и близких, друзей и всей окружающей атмосферы станичной жизни сформировался характер будущего летописца казачества, были заложены такие качества как доб-

«казацькому роду нэма пэреводу...»

рота и бескорыстие, сила воли и мужество, стремление к справедливости и сострадание, любознательность и впечатлительность.

До конца своих дней сохранил Федор Андреевич Щербина любовь к своей малой родине: «Я не могу представить себе своего детства без Деревянковки, а Деревянковки без отцовского дома, реки, степей, церкви, людей и, главное, без моей любящей матери, давшей мне жизнь в Деревянковке... Мне казалось, что лучше Деревянковки нет места в мире».

Екатеринодар того времени мало походил на город. «По улицам прекрасно видны были в разных местах болотца или чернеющая грязь вперемешку с сухими кварталами, – вспоминал Щербина. – В больших дворах виднелись крошечные хатки и незатейливые постройки; всюду почти и хаты, надворные строения покрыты были камышом, кой-где бросались в глаза колодцы с журавлями при них... И хаты, и постройки, и колодцы, и тротуары, и улицы всюду осенялись высокими и развесистыми деревьями, большей частью акациями, реже тополями и дубами».

В одной из таких хаток, неподалеку от Дмитриевской площади и был определен квартировать 12летний Федя.

Тяжело было впервые остаться одному среди чужих людей. Тоска по родному дому и близким, по друзьям, оставшимся в далекой станице и детским играм настолько овладели сознанием мальчика, что он начал готовиться к побегу из Екатеринодара. И, наверное, такой «уход на волю» состоялся, если бы не событие, свидетелем которого оказался Щербина. Осматривая окрестности города с целью выбора лучшего пути для осуществления своего замысла, у казачьего поста через реку Кубань он натолкнулся на два окровавленных трупа - черкес напал на двух казаков, несших службу и, зарезав одного, сам был убит другим оборонявшимся. Увиденное произвело такое сильное впечатление на беглеца, что он сразу же оставил мысль о побеге и начал со старанием учиться.

После окончания училища в 1866 году Федора, как лучшего ученика, переводят в Ставропольскую Кавказскую духовную семинарию. В семинарии царил дух вольнодумства, который принесли с собою прибывшие сюда молодые профессора Казанской духовной академии, известной своим свободомыслием. Здесь молодой семинарист знакомится с Всеволодом Лопатиным, брат которого - революционер-народник и друг К.Маркса, - впервые перевел на русский язык «Капитал» основоположника научного коммунизма. Лопатин, а также преподаватели семинарии Н.П.Кувшинский и А.И.Васильев оказали большое влияние на формирование народнического мировоззрения Щербины. Чтение крамольной литературы - сочинений экономиста Прейфера, Бехера, произведений Чернышевского, Белинского, Писарева, которыми была богата Ставропольская публичная библиотека, укрепило Щербину в намерении осуществить призыв Бакунина «идти в народ», пробуждать в нем социалистическое сознание. Чтобы быть полезным народу, не оказаться среди крестьян чужаками, Щербина с группой единомышленников создает производственную артель для овладения основами ремесла, где артельщики по вечерам учатся столярничать, шить сапоги, овладевают переплетным делом.

Приобретя коня с повозкой, группа кубанцев после трех лет учебы, тайно покидает семинарию, оставив карьеру священнослужителей и решив на практике осуществить «хождение в народ». Охваченные стремлением перестроить родную Кубань друзья-студенты Федор Щербина, Григорий и Яков Попко, Василий Архангельский, Кирилл Грачев отправляются в станицу Бриньковскую Ейского уезда Кубанской области — родину К.Грачева — и создают здесь, на земле местного священника-единомышленника Петра Яковлевича Станицкого, земледельческую ассоциацию — одну из первых «коммунистических» земледельческих артелей интеллигентов.

Именно работа в земледельческой ассоциации закалила характер, а тяжелый физический труд укрепил здоровье Щербины, помог победить начавшийся туберкулезный процесс в легких – болезнь, от которой преждевременно умерли отец и старший брат Тимофей.

Бриньковчане, как и новодеревянковцы, довольно прохладно отнеслись к затее семинаристов осуществить на практике идеалы хозяйствования на принципах коллективного труда, считая ассоциацию опасной блажью ученых паничей, нанявшихся непонятно для чего «в робітники до попа». Просуществовав два с половиною года и не получив одобрения и поддержки среди казачества, земледельческая артель прекратила существование.

Практическая работа на земле приводит Федора к мысли о необходимости сельскохозяйственного образования. Но средств для учебы не было. Помог случай. Находясь дома, в станице Новодеревянковской, наблюдая за жизнью и бытом земляков, в том числе и подверженных пьянству, Щербина посылает в областную газету статью «Из станицы», в которой предлагает ряд мер по упорядочению продажи спиртных напитков в общественных кабаках, могущих бы дать доход в общественный капитал и, одновременно, повлиять «сдерживающе на нарушение законов и на уменьшение соединенных с этими нарушениями преступлений».

Опубликованная в двух номерах газеты «Кубанские областные ведомости» за 1872 год статья, своими практическими предложениями заинтересовала не только редактора Гегидзе, но и обратила на автора внимание Наказного Атамана Кубанской области.

«казацькому роду нэма пэреводу...» 🥒

Аудиенция у генерала М.А. Цакни позволила осуществить мечту о продолжении образования. Ф. Щербине представлялась возможность поступить в славившуюся тогда Петровско-Разумовскую земледельческую и лесную академию в Москве в качестве стипендиата Кубанского казачьего войска, что само по себе было событием исключительным - до этого времени войсковая стипендия воспитанникам духовного ведомства не назначалась.

Прием Щербины Наказным Атаманом Кубанской области и назначение ему стипендии для учебы, вызвало, по шутливому выражению Федора Андреевича, «настоящий переполох» в Новодеревянковской. Он моментально превратился из «Хведьки» в «Хведіра Андрійовича»:

-Близко знакомая с моим успехом публика говорила о том, что по окончании курса наук в академии меня произведут прямо в чин сотника, минуя чины урядника и хорунжего... Некоторые из духовных лиц, неодобрительно относившиеся к тому, что я, первый ученик, живший в квартире у самого ректора семинарии архимандрита Исаакия, тайком удрал от него и вместе с другими товарищами сорганизовал какуюто ассоциацию чернорабочих земледельцев, узнавши о получении стипендии, вдруг переменили тон и стали превозносить меня «до небес» как писателя. Богатые казаки, неблаговолившие ко мне, как к стороннику казачьей бедноты, двусмысленно хвалили меня, что я додумался наконец до хорошей мысли о том, что лучше учиться и чины хватать, чем быть у попа батраком. Сам станичный атаман есаул Федор Степанович Завадовский, косо глядевший на меня, как на вольнодумца, решил сверх всякого ожидания последовать моему примеру и написал какую-то курьезную статью для «Кубанских областных ведомостей», чтобы обратить тем и на него, как на меня, благосклонное внимание высшего начальства...

Петровская академия принадлежала к числу передовых учебных заведений того времени и отличалась демократизмом и свободомыслием. Среди профессоров, у которых учился Ф.А. Щербина, были известные физиологи К.А. Тимирязев и А.И. Бабухин (послуживший И.С. Тургеневу прототипом Базарова в романе «Отцы и дети»), профессор земледелия и сельского хозяйства И.А. Стебут, профессор политической академии и статистики И.И. Иванюков, зоолог К.Э. Линдеман, математик Я.Я. Цветков...

Федор Щербина и его сотоварищи - студентыкубанцы Григорий Попко, Иван и Евгений Победоносцевы, ставропольцы Петр Ульянов и Иван Смирнов сразу же попали в среду демократически настроенного юношества, где вели активную пропагандистскую работу известные в ту пору вожаки революционной молодежи Войнаральский, Ковалик, Мышкин. Знакомый с опытом «хождения в народ» Щербина отверг предлагавшуюся ими идею насильственного переустройства общества, предпочитая бунтарствующему радикализму бакунинского направления, путь мирных последователей Лаврова, позволявший «проводить здоровые начала легального в области печати и устного слова».

В Москве Щербина проучился менее двух лет и за поступок, недопустимый в академии - инициативу обращения к министру государственных имуществ по поводу неудовлетворительного питания студентов, вынужден был учебу оставить. Не желавший скандала директор академии Ф.Н. Королев устраивает ему перевод на физико-математический факультет Новороссийского университета в Одессе. Вместе со своим вожаком покидают Москву и его земляки Г. Попко, братья Победоносцевы, П. Ульянов.

Войсковой стипендиат Щербина с увлечением продолжает учебу в престижном учебном заведении Юга России. Он посещает лекции таких видных ученых, преподавателей университета, как И.М. Сеченов, И.И. Мечников, А.О. Ковалевский и др., работает в библиотеках. К этому времени относятся первые публикации Федора Андреевича на экономические темы в «Киевском телеграфе» и «Кубанских областных ведомостях».

В Одессе Ф.А. Щербина и его земляки жили на квартире в башне большого частного дома Новикова на улице Карантинной. «Башенцы» создали народнический кружок мирного лавристского направления, выработали устав, по которому члены кружка обязывались вести пропаганду «где и как можно» и постоянно работать над повышением своего умственного и нравственного уровня. В разное время в состав кружка входило до двадцати человек. Студент Щербина знакомится с революционерами-народниками А. Желябовым, С. Перовской, М. Фроленко, Е. Заславским (руководителем созданного в 1875 году «Южно-Российского Союза рабочих») и ведет революционную пропаганду среди одесских рабочих.

Происходят изменения и в его личной жизни. Он встречается с Ксенией Семеновной Шаповаловой, которая становится его женой.

В Одессе Федору Андреевичу суждено было пережить и первый арест «за пропаганду в народе» и «вольные разговоры «со станичниками». Несмотря на конспирацию и стремление товарищей уберечь Щербину, «так как одна голова его стоит десяти наших голов», последний был выслежен рабочим В. Тавлеевым и выдан царской охранке. Двухмесячное заключение не сломило Щербину, жандармы не смогли добиться от арестованного ни одного факта о деятельности революционной организации в Одессе и 3 апреля 1876 года Щербина был отпущен под поручительство и денежный залог тестя.

После убийства осенью того же года провокатора Тавлеева, студент Ф. Щербина, как один «из самых деятельных пропагандистов», был арестован вторично и после месячного заключения в одиночке, был выпущен.

Вместе с Ксенией Семеновной он отбывает на родину.

«КАЗАЦЬКОМУ РОДУ НЭМА ПЭРЕВОДУ...»

23 мая 1877 года Особое присутствие Сената рассмотрело дело «О распространении молодыми людьми книг социально-революционного содержания и о пропаганде их в народе. О Евгении Заславском, Сергее Наддачине, Федоре Щербине...» и признало их политически неблагонадежными. Не сумев доказать участие Ф.А. Щербины в «Южно-Российском Союзе рабочих», но считая, что он «хотя и чрезвычайно осторожный, но тем более «опасный пропагандист», власти решили ограничиться его высылкой в одну из северо-восточных губерний империи. За «горячее содействие революционному делу» и «вредное влияние на одесское общество» Федор Щербина подвергается административной ссылке под надзор полиции в Вологодскую губернию.

Одесский период жизни Ф.А. Щербины оказал непосредственное влияние на эволюцию его взглядов. Анализируя это время, историк Б.А. Трехбратов делает вывод: «...по складу своего характера и наклонностям он, судя по всему, больше тяготел к научным занятиям. Став на какое-то время народником-пропагандистом, Щербина вынужден был делить себя между учебой, наукой и революционной деятельностью. После арестов, изнурительного следствия и высылки из университетского города он практически целиком сосредотачивается на научной работе, а в общественно-политических воззрениях переходит на позиции либерального народничества».

В ссылке Ф.А. Щербина изучает народную жизнь, публикует в 1879 году в журнале «Отечественные записки» первую большую статью «Сольвычегодская земельная община», а в 1880 году при содействии С.Ф. Шаповалова издает «Очерки южно-русских артелей и общин артельных форм». Наблюдения за жизнью крестьян, собственный опыт, позволяют будущему ученому сделать вывод о преимуществе общинной формы развития крестьянского хозяйства.

В начале 1880 года Ф.А. Щербина возвращается на Кубань. Жизнь среди народа натолкнула его на исследование экономических отношений между сельским населением. Он устраивается на работу в Кубанский областной статистический комитет, сотрудничает с историком Е.Д. Фелицыным, занимается научной деятельностью. Четыре года изучает Щербина жизнь кубанского казачества, его общественный и экономический уклад, публикует работы по истории земельной общины, казачьего самоуправления, редактирует «Одесский листок».

В 1884 году Ф.А. Щербину как экономиста приглашают на работу в Воронежское губернское земство. Здесь Федор Андреевич организует статисти-

Ф.А.Щербина в войсковом музее. 1909 г. Екатеринодар

ческое бюро и работает в качестве его заведующего восемнадцать лет. Именно в Воронеже в полной мере раскрылся ученый дар кубанца.

Он составил и издал под своей редакцией около ста работ по статистике, открыл новую область науки — русскую бюджетную статистику и по праву считается ее основоположником. Ряд его трудов удостаивается высоких наград: «Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду» (1887 г.) — большой золотой медали Императорского географического общества, «Сборник оценочных сведений по крестьянскому хозяйству 4-х уездов Воронежской губернии» (1889 г.) — премии имени князя Васильчикова, «История Воронежского земства» (1891 г.) — премии Императора Александра II от Российской Академии Наук...

Однако, «главное достоинство бюджетных исследований Ф.А. Щербины заключалось не столько в ценных работах самих по себе, - отмечал биограф ученого С.Федоров, - сколько в образовании научной закономерности, которую Щербина назвал законом средних потребностей в трудовых крестьянских хозяйствах...»

Открытый Ф.А.Щербиной «закон средних потребностей», известный экономистам еще и как «закон Щербины», показывая взаимосвязь бюджетов государственных с бюджетами мелких крестьянских хозяйств и их взаимозависимость, противоречил марксистской теории первоначального накопления материала, чем вызвал резкую критику со стороны молодого В.И. Ленина, а в дальнейшем и толкователей ленинского учения.

«Федор Щербина усиленно шельмовался Владимиром Лениным (в его книге «Развитие капитализма в России» и в ряде других опусов), — отмечает В.Р. Тихомиров. — Беспристрастность статистических изысканий ученого не состыковывалась с исступленной «партийностью» идеолога, подгонявшего факты под

«казацькому роду нэма пэреводу...»

свою доктрину». Используя исследования статистика как важнейшие источники для доказательства капиталистического пути развития России, будущий основатель Советского государства вместе с тем не мог не дать высокую оценку его трудам: «...данные у г. Щербины так обширны и ценны, что дают возможность сделать правильные выводы...» Книги Ф.А. Щербины «Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду» и «Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии» побывали с пролетарским вождем в ссылке, за границей, и до недавнего времени хранились в библиотеке квартиры-музея в Кремле.

Кроме отдельных изданий работы ученого публикуются в журналах «Русская мысль», «Дело», «Устои», «Северный вестник», «Сотрудник», «Юридический вестник», «Экономический журнал», в газетах «Русские ведомости», «Кубанские областные ведомости» и др.

Живя и работая в Воронеже, Ф.А. Щербина при активной помощи и содействии секретаря Кубанского областного статистического комитета Е.Д.Фелицына в короткий срок составил и напечатал сборник «Кубанское казачье войско.1696-1888». Сборник был преподнесен в Екатеринодаре императору Александру III, принимавшему участие в юбилейных торжествах по случаю 200-летия Кубанского казачьего войска и вызвал Высочайшее одобрение «изяществом издания и обилием фототипий». Царь наградил редактировавшего сборник Е.Д. Фелицына золотыми с бриллиантами запонками, а автора перстнем с бриллиантами. Высочайший подарок поставил Щербину «в смешное и фальшивое положение», так как он не добивался такой оценки своего труда. Но произошедший позже курьезный случай заставил его изменить отношение к подарку.

Биограф Щербины – С.Федоров рассказывает, что когда Щербина поехал в Москву, то утром «после прописки его паспорта в полиции, в гостиницу явился молодой и бойкий полицейский чиновник, без церемонии отворил в номер Щербины дверь и с грозным видом напустился на Щербину: «Как Вы посмели въехать в Москву, когда по распоряжению министра внутренних дел Вам воспрещен въезд в обе столицы?»

Щербина молча достал кольцо с документом, пока полицейский распекал его, затем, надевши кольцо на палец, он поднес его почти к самому носу полицейского чина.

- Что Вы тычете мне в нос перстень, крикнул рассвирепевший чиновник. У какого дурака Вы достали его?
- У Государя Императора, ответил Щербина и дал полицейскому чиновнику для прочтения документ.

Полицейский чиновник, прочтя документ, чуть не упал перед Щербиною на колени.

– Простите, ради Бога, меня, – залепетал он. – Я не знал, что это царское кольцо. Мне строго приказано выдворить Вас немедленно из Москвы. Я сейчас же доложу начальнику участка, что меня поставили в ложное положение.

 Идите, доложите, – сказал Щербина, и полицейский чин исчез».

Так царский подарок снял со Щербины полицейский надзор и дал возможность свободно ездить в Петербург и Москву.

По книге Щербины и Фелицына учился наследник престола будущий царь Николай II и, когда уже в его царствование, возникла необходимость провести статистическое исследование степных областей Казахстана, самодержец назначил Щербину главой экспедиции.

Экспедиция, в состав которой вошли землеустроители, почвоведы, этнографы обследовала территории 12 уездов Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей, по площади равных площадям таких стран как Австро-Венгрия, Бельгия, Дания, Греция, Португалия и Швейцария, вместе взятых.

Это было первое широкое статистическое изучение территории современного Казахстана, которое дало 13 томов материалов, не утративших своего значения и до наших дней.

Перерабатывая накопленный материал, Щербина приходит к выводу, что дальнейший подъем сельскохозяйственного производства зависит от изменения политических условий в стране. Будучи назначенным председателем комиссии Воронежского сельскохозяйственного комитета, он, впервые в России, открыто высказался за конституцию. Проведя анализ помещичьих и трудовых крестьянских хозяйств, Щербина на заседании Воронежского губернского комитета связывает подъем сельскохозяйственного производства, повышение его продуктивности с обеспечением законодательным актом свобод личности и всех присущих ей прав.

Весть о необходимости конституции произвела эффект разорвавшейся бомбы. Министр внутренних дел России В.К. Плеве срочно затребовал произвести «расследование о революции в Воронеже» и против Щербины «принять меры, которые положили бы предел его дальнейшей противоправительственной деятельности». Созванное спешно в Петербурге Особое совещание рассмотрело дело Федора Щербины и обвинило его в посягательстве на государственные устои: «кубанский казак Щербина вовлек в революционный заговор воронежских дворян во главе с губернатором». Ф.А. Щербина был объявлен политически неблагонадежным и 14 марта 1903 года выслан под надзор полиции «в принадлежащее ему в Черноморской губернии близ Геленджика имение «Джанхот» с правом отлучек в пределах Кубанской области и Черноморской губернии».

Хуторок Джанхот, раскинувшийся в горной щели под селом Дивноморским Геленджикского района и сегодня считается одним из прекрасных уголков Черноморской курортной зоны Кавказа. Корзиной, «наполненной густой зеленью» назвал в свое вре-

«КАЗАЦЬКОМУ РОДУ НЭМА ПЭРЕВОДУ...»

мя это живописное место друг Щербины писатель В.Г. Короленко.

Федор Андреевич Щербина стал владельцем земельного участка в урочище Джанхот в конце XIX века, когда царское правительство, озабоченное проблемами экономического освоения края, в качестве одного из путей осуществления целей освоения пустых мест, использовало розыгрыш земельных участков по лотерейным билетам. В числе выигравших оказалась и супруга Щербины — Ксения Семеновна.

В 1892-1893 гг. Ф.А. Щербина первым из поселенцев построил здесь капитальный дом с флигелем, разбил обширный сад с виноградником. Окончательное возвращение на Кубань позволило Федору Андреевичу деятельно развернуться на своей земле. Основатель хутора Джанхот сыграл большую роль в экономическом и духовном возрождении Черноморской губернии. При его активном участии было основано Новороссийское товарищество виноградарей и виноделов «Санэ» - общество с хозяйственными и просветительскими задачами. Вина из имения «Джанхот» были удостоены медалей различных выставок. Кроме виноградников, дававших 30 000 ведер вина в год, Щербина владел рыбными промыслами на побережье и торговой купальней с читальным залом, куда поступали всевозможные газеты и журналы. Им была проложена первая дорога от Джанхота к селению Фальшивый Геленджик (сейчас Дивноморское)...

На родину Ф.А. Щербина возвратился как известный в России земский ученый-статистик. Он был избран действительным членом Воронежского отдела

Московского сельскохозяйственного общества, действительным членом Кубанского статистического комитета, действительным членом Вольного экономического общества, действительным членом Западно-Сибирского отдела Российского географического общества, почетным членом общества любителей изучения Кубанской области...

В 1904 году в хутор Джанхот приходит телеграмма об избрании Ф.А. Щербины членом-корреспондентом Императорской Академии Наук. Это было высокое признание отечественной наукой заслуг ученого-кубанца.

Революция 1905-1907 гг. активизировала общественную деятельность Ф.А. Щербины.

Осенью 1906 года в Екатеринодаре по Высочайшему разрешению впервые после

1792 года собирается Войсковая Рада для выработки общих положений казачьего землепользования. Избранный председателем Рады Федор Андреевич провел решение об объединении четырех войск: Черноморского, Старолинейного, Новолинейного и Закубанского в единое Кубанское войско. То были, пожалуй, самые счастливые часы в жизни старого казака, мечтавшего о возрождении обычаев былого «товариства».

В 1907 году Ф.А. Щербина избирается депутатом Второй Государственной Думы от Кубанской области и Черноморской губернии, а в Думе — председателем казачьей фракции. К.С. Щербина писала мужу в Петербург, что за его речами «весь Геленджик следит с большим интересом»: перед отъездом в столицу жители Геленджика вручили своему депутату наказ «стоять полной открытой грудью за свободу, волю и землю».

В годы реакции хуторок Джанхот стал приютом для многих неблагонадежных лиц.

«Доношу Вашему Превосходительству, что 5-го сего февраля прибыл во вверенный мне округ из г.Сухума состоящий ныне под гласным надзором полиции сын фельдфебеля Михаил Федоров Фроленко и направился в имение г.Щербины близ села Прасковеевки, где за ним учрежден будет мною полицейский надзор.

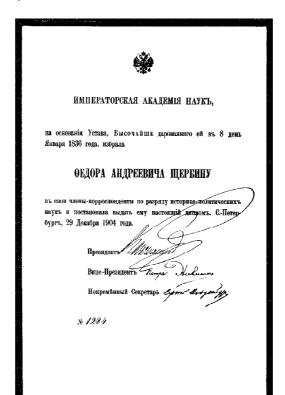
Фроленко – бывший государственный преступник, содержался в С-Петербурге в крепости за принадлежность к партии «Народной Воли», участие в 1879 г. в подкопе под Одессой для взрыва ИМПЕ-РАТОРСКОГО поезда и в 1881 г. в подкопе на Ма-

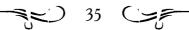
лой Садовой улице в С-Петербурге для покушения на цареубийство...»

(Из донесения Начальника Новороссийского округа Черноморскому губернатору. 1907г.)

Здесь, в доме Щербины, скрывались от полиции участница народовольческого движения П.С.Ивановская. В числе его «надежных помощников» состоят А. Щербинин – организатор первого комитета РСДРП на Кубани и политически неблагонадежный учитель С. Петлюра, будущий антигерой Гражданской войны.

В Джанхоте кубанский казак Федор Андреевич Щербина начинает работу над почетным заказом — составлением «Истории Кубанского казачьего войска». С группой помощников он разбира-

«казацькому роду нэма пэреводу...»

ет тысячи документов, хранящихся в войсковом архиве, объезжает кордоны, укрепления, станицы.

В 1910 году в г. Екатеринодаре выходит первый том «Истории ...», рассказывающий об истории края с древнейших времен до начала заселения, а в 1913 году — второй том — история войны с закубанскими горцами. Оценка этого капитального труда Щербины в разное время была неоднозначной. Но, несомненно одно: при всей полярности мнений труд Ф.А. Щербины не превзойден до сих пор. «После него в учебных заведениях Кубани числились профессора, кандидаты исторических наук, но историка не существовало ни одного», — констатирует В.И.Лихоносов.

После событий 1917 года Ф.А.Щербина принимает деятельное участие в работе возродившегося казачьего парламента — Кубанской войсковой Рады, избирается в состав Кубанского войскового правительства, Председателем Кубанского Верховного Суда, членом Верховного Круга Дона, Кубани и Терека...

Именно ему, хранителю седой казачьей старины поручила Рада при полном параде войска 10 октября 1917 года вручить атаманскую булаву полковнику А.П. Филимонову, первому свободно выбранному Атаману Кубани. «По старому запорожскому обычаю старейший кубанский казак Ф.А. Щербина помазал мне голову землею, для того, чтобы я помнил свое демократическое происхождение и не зазнавался», – писал на чужбине бывший атаман...

О чем думал в те дни на вершине своей земной славы Федор Андреевич Щербина? Вспоминал ли он босоногое детство в далекой Деревянковке, милую его сердцу мать, братьев, Домочку, которые не могли уже порадоваться за своего Федю, ибо отмерено им было другою мерою... А может привиделись ему давние годы и Михаил Аргирьевич Цакни, разглядевший искру таланта в деревенском хлопчике и направившем его на стелю учености?..

Трижды за смутные годы гражданской братоубийственной войны выполнял Щербина свою почетную обязанность, вручая знаки атаманской власти еще и в 1919 году генералу Н.М.Успенскому, а после его преждевременной кончины — генерал-майору Н.А. Букретову. Именно эта запорожская традиция и позволила впоследствии большевикам обвинить «контрреволюционера» Щербину в насаждении на Кубани власти атаманов.

Приветствовавший, как и многие демократы-социалисты Февральскую буржуазную революцию, Ф.А. Щербина крайне отрицательно отнесся к революции пролетарской и к большевикам, разогнавшим Учредительное собрание.

Когда большевизм докатился до Кубани, Щербина, будучи 70-летним стариком, в составе Рады проделал «Ледяной поход». После изгнания большевиков из Екатеринодара, Кубанская краевая Рада на осенней сессии 1918 года воздала должное своему старейшему казаку: Награждение Радою Ф.А. Щербины

Краевая Чрезвычайная Рада в воздаяние заслуг перед краем известного историка Федора Андреевича Щербины 30 ноября постановила: преподнести ему установленный за Кубанский поход знак 1-й степени, выдать от войска особую грамоту, учредить стипендию его имени и повесить во всех школах его портрет.

(«Вольная Кубань», 2 декабря 1918 г.)

Он, никогда не служивший в армии, был произведен в почетный чин войскового урядника.

Историк продолжает публицистическую деятельность, издает ряд экономических и статистических трудов, работает над третьим и четвертым томами «Истории Кубанского казачьего войска», пишет героическую поэму «Петро-Кубанец», предугадав в ней кровавую вакханалию вспыхнувшей братоубийственной войны. Принимает самое непосредственное участие в открытии на Кубани первого высшего учебного заведения - Кубанского политехнического института, где состоит профессором.

Но дни Рады были сочтены. Под ударами частей наступающей Красной Армии, войсковое правительство принимает решение о спасении от большевиков исторических регалий Кубанского казачьего войска. Для сопровождения ценного груза за границу была назначена комиссия, в состав которой вошли генерал-майор П.И. Кокунько (председатель комиссии), генерал-майор С.П.Звягинцев, полковник В.П.Белый, войсковой старшина Я.В. Семикобылин и профессор Кубанского политехнического института, член краевой и законодательной Рад Кубани Ф.А. Щербина.

Утром 28 февраля 1920 года Федор Андреевич на пароходе «Константин», вышедшем из Новороссийского порта, с сыном и сестрой покойной жены навсегда покинул Россию.

Последний период жизни кубанского историка и ученого характеризуется активной научной, общественной и литературной деятельностью. «Кубанский Мафусаил», как порою называла Федора Андреевича эмигрантская молодежь, в полной мере старался использовать время, щедро отпущенное судьбою.

Переехав в 1921 году из Югославии в Чехословакию, ставшую подлинной столицей культурной эмиграции, он работает профессором статистики переместившегося сюда из Вены Украинского Вольного университета, избирается деканом факультета права и общественных наук, ректором и проректором этого высшего учебного заведения, давшего образование и путевку в жизнь не одному поколению эмигрантов.

Одновременно, с 1922 года Ф.А. Щербина – профессор Украинской сельскохозяйственной академии в Подебрадах, курортном городке, неподалеку от Праги.

«КАЗАЦЬКОМУ РОДУ НЭМА ПЭРЕВОДУ...»

Трудно перечислить все звания и должности, в которых пребывал пользующийся непререкаемым авторитетом «старый Кубанський Дід Щербина»... Он являлся бессменным председателем Общества изучения казачества, почетным членом Союза кубанских писателей и журналистов, действительным и почетным членом десятка различных организаций.

Еще в Югославии Федор Андреевич пишет свою последнюю на русском языке работу «Законы эволюции и русский большевизм», которую издает в 1921 году. Не принимая большевизма, который «с его деятелями получил характер катаклизма, благодаря условиям, созданным самодержавием», Щербина, однако, не считает его следствием учения К.Маркса. Представляя последнего в ранней работе «одним из самых основательнейших и талантливейших европейских исследователей», Щербина пытается отделить учение Маркса от российских большевиков: «Большевики не переставали и не перестают кричать о том, что одни они законные наследники Маркса и творят его волю. Разумеется, это - самозванство... Большевики сначала вывернули марксистскую шубу, надевши ее наизнанку, а затем и лично переродились до мозга костей, заколотивши крепкими гвоздями в глухой ящик и идеи демократизма, и учение Маркса, и заветы Великой Французской революции... Что может быть общего между человеком, который верил в светлость человеческой личности и величие прогресса человечества, нерушимое в своих основах, и людьми, променявшими в погоне за властью и личными вожделениями, эти идеалы на поругание личности, осквернение гражданской войною идеалов социализма и на веревку палача?»

Оставаясь до конца своих дней непримиримым противником российского коммунизма, Щербина, подводя страшные итоги гражданской войны, предрекал: «Когда перед судом истории большевики сядут на скамью подсудимых, то суд, основываясь на объективной экспертизе статистики, огласит им решительный приговор: «да, виновны».

Живой свидетель и непосредственный участник многих событий российской истории, Федор Андреевич стал сам олицетворением этой истории для почитателей его таланта, устраивавших торжества по случаю юбилейных дат его жизни и деятельности. Привыкший к ежедневному труду, профессор Щербина и в преклонные годы продолжает писать статьи, читает лекции, работает над поэмами «Черноморцы», «Богдан Хмельницкий»... Написанные на украинском языке – дань «материнской мове», - они, за недостатком средств, так же как и четыре тома воспоминаний «Пережитое, передуманное и осуществленное», остались неопубликованными.

Кубанский старожил прожил долгий по человеческим меркам временной отрезок жизни. Родившийся еще до отмены крепостного права в России, он умер в год принятия Всесоюзным съездом Сове-

Профессор Вольного Украинского университета в Праге Ф.А. Щербина. Портрет работы художника Сергея Мако

тов Великой Сталинской Конституции победившего социализма. Излечившись в юношестве тяжелым физическим трудом от преследовавшей их род чахотки, он пережил своих братьев, любимую сестру Домочку, милую Ксению Семеновну... Все они остались на далекой кубанской земле, горсть которой Федор Андреевич хранил до самого смертного часа.

Доживая последние дни с больным сыном в маленькой комнатушке на Коларова 8/10, страдая от катаракты и глухоты — «не добачав, не дочував», Федор Андреевич до последнего часа сохранил ясность мысли и бодрость духа, стараясь не обременять окружающих заботой о себе.

30 октября 1936 года радио и центральные пражские газеты известили о кончине патриарха кубанского казачества.

Федор Андреевич умер вечером 28 октября 1936 года в общем отделении больницы милосердных сестер на Малой Стороне Праги III, в присутствии сына Григория Федоровича.

Похороны духовного вождя казачества состоялись в понедельник 2 ноября 1936 года на Ольшанском кладбище города Праги в присутствии Высокопреосвященнейшего архиепископа Пражского и Всея Чехословакии Савватия и многочисленных друзей и последователей покойного. У гроба множество венков, среди которых особо выделялся возложенный д-ром В. Курганским от земляков Федора Андреевича — новодеревянковцев.

В этот день «плакало и небо», говорится в репортаже о печальном событии для Кубани и казачества. «В священной тишине усыпальницы, в которой лежали кости тысяч юго-славянских воинов, почивших в Чехии во время мировой войны, на грудь

«КАЗАЦЬКОМУ РОДУ НЭМА ПЭРЕВОДУ...»

Кубанського Діда кладет д-р Федоров от имени Вольного Казачества — казаков-националистов Священную Землю казачью, с обещанием перенести и самого Діда на Родную Землю Кубани...».

Долгое время шаманы от коммунистической идеологии и их сподручные держали под запретом имя Ф.А. Щербины. Труды его изымались из библиотек, уничтожались. Только за хранение «Истории Кубанского казачьего войска» можно было запросто угодить на перевоспитание в сталинские лагеря. Непременным атрибутом вынужденных упоминаний о кубанском историке и его трудах, был набор

штампов: «кубанский самостийник», «отравленное перо», «демагогия», «с пеной у рта», «гнусные опусы», «свод грязной антисоветской клеветы»...

Выросли поколения, не только не читавшие книг Щербины, но и не слышавшие его имени. Да и в самой Новодеревянковской о великом земляке знало не более десятка людей, да и те считали за благо молчать.

И только через полвека после кончины Ф.А. Щербины впервые в новейшей истории писатель В.И. Лихоносов со станиц краевой молодежной газеты «Комсомолец Кубани» призвал вернуть доброе имя и труды ученого кубанцам.

Не сразу, а постепенно, с окриками и оглядкой на вчерашний день стали появляться публикации о Щербине, издаваться его труды, в том числе знаменитая «История Кубанского казачьего войска», презентация репринтного издания которой состоялась в Новодеревянковской 31 мая 1992 года. Имя Щербины увековечено в названиях улиц в станицах Каневской и Новодеревянковской, в городе Краснодаре... Оно присвоено и старейшему общеобразовательному учебному заведению станицы Новодеревянковской — средней школе № 44, где в 150-ю годовщину рождения ученого был открыт музей.

Администрацией сельского поселения был заказан проект восстановления мемориальной усадьбы по улице Красной, в котором родился и провел свое босоногое детство Ф.А. Щербина и благоустройства бывшей церковной площади. Воодушевленные новодеревянковцы с помощью кубанцев и доброхотов построили часовню на месте старого храма - усыпальницу для упокоения праха своего великого земляка...

15 сентября 2008 года на аэродроме Краснодара Кубань встречала своего великого сына. В Свято-Троицком соборе города в присутствии первых лиц края прошла поминальная служба. А 16 сентября Федор Андреевич обрел вечный покой в родной кубанской земле.

Прозрение, хотя и запоздалое, пришло. Федор Андреевич Щербина вернулся сегодня на родную Кубань. И к нам, сегодняшним, обращены написанные им много лет назад строки:

«Сердечно благодарю всех вспомнивших меня казаков и не казаков... Поддерживайте же и Вы славу своих отцов и дедов.

Ваш старый дід Щербина».

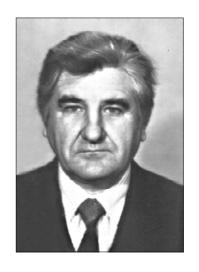

Виктор АНДРЮЩЕНКО

13 марта 2010 года не стало Виктора Карловича Андрющенко. Его семья любезно предоставила нам материалы, которые готовил к изданию Виктор Карлович в последние годы.

ДЕТСКИЕ ИГРЫ

аблюдая за играми современных детей, можно заметить, что арсенал их игр довольно скуден. Чаще всего дети играют в фантики или бесцельно бегают, или просто сидят по лавочкам. Исчезли зажигающие, требующие ловкости и сноровки игры детей послевоенного времени.

В послевоенные годы дети знали большое множество игр, как на воздухе, так и в комнате. В станице было много пустых дворов. Это были памятники сталинских опытов над людьми: коллективизации, раскулачивания, расказачивания, искусственно организованного голодомора и так далее. Была уничтожена примерно третья часть подворий и только небольшие холмики на пустых планах напоминали о том, что эти места когда-то были обжиты. И эти памятники страшных издевательств были для детей того времени своеобразными стадионами и спортплощадками.

В семьях не было ни телевизоров, ни радиоприёмников и дети находили удовлетворение своим скудным потребностям на улицах и во дворах.

В играх принимали участие и маленькие дети, и подростки и взрослые. Игры были для всех возрастов, отдельно для девочек и отдельно для мальчиков, только для детей и только для взрослых, а были игры, в которые играли все, кто хотел.

Ниже будут описаны несколько игр самого разного вида. Скорее всего, игры моего детства уже не вернуть. Но люди, организующие досуг детей вполне могут использовать их, слегка переделав их, сочинив новые слова, вложив в них современные увлечения детей. И так, приступим к описанию некогда очень известных и неправо забытых детских игр.

҈ИГРА «В ГЫЛКЫ»

Эта игра очень напоминает русскую лапту. Была она самой популярной для всех возрастов и полов.

Перед началом игры два лидера — самые сильные и самые умелые — «намерялись». Проходило это следующим образом. Один из них произвольно подбрасывал вверх специальную палку — «гылку» и ловил её налету. От того места, которое находилось за рукой, лидеры попеременно перебирали палку до её конца. Тот, кто оказался на самом конце палки первым брал в свою команду игрока, потом выбирал игрока другой и так далее, пока оставались самые маленькие или пока уже никто не хотел играть.

Затем лидеры опять «намерялись», чтобы узнать, кто будет «бить», а кто стоять в «поле». Потом уточняли территорию площадки для игры. Обычно по границе втыкали высокие камышинки. Площадки чётких размеров не имели и устанавливались играющими в зависимости от их возраста. Но соблюдалось такое правило — длина «кона» примерно вдвое больше ширины . Площадка называлась «коном». Потом «верхи» оставались на одном краю площадки, а «низы» рассредоточивались по всему «полю».

Команда стоящих в «поле» выделяла одного игрока, который должен был «сдавать». То есть подбрасывать мяч чтобы бьющий мог ударить его «гылкой» - деревянной битой. Сюда выделяли тоже опытного игрока, почти всегда взрослую девушку, так как от неё многое зависело. Тут же договаривались о числе ударов каждым бьющим игроком, иногда договаривались о добавочном ударе. Назывался этот удар «на выручку».

«КАЗАЦЬКОМУ РОДУ НЭМА ПЭРЕВОДУ...» 📞

Бьющий должен был послать мяч как можно дальше, но не очень высоко. Стоящие в «поле «должны были мяч поймать налету. Тогда команды менялись местами. Если первый бьющий бил по мячу обычное число раз и стоящие в поле не поймали его, он отходил на границу поля и ожидал, когда второй бьющий посылал мяч подальше и старался добежать до другой границы поля. Если его во время бега побьют мячом, команды меняются местами. Если бегущему удалось добежать до конца, он мог сразу же бежать назад или, если опасность быть побитым мячом была реальной, остаться на другой границе «поля» ожидая удачного удара, чтобы возвратиться назад. Если его на обратном пути побили мячом, то команды менялись местами. Благополучно добежавший назад, занимал место среди бьющих. Если кто-то из стоящих в «поле» ловил мяч налету, команды менялись местами.

Если случилось так, что все бьющие уже были на другом конце кона, а последний бьющий уже ударил нужное число раз и не выручил своих товарищей, то команды менялись местами, Если заранее договаривались о дополнительном мяче на выручку, то последний бьющий пользовался этим ударом стараясь ударить по мячу или сильно, или послать его в сторону.

И здесь происходило своеобразное соревнование между бьющим и сдающим, Нужно было, не нарушая правил помешать бьющему или заставить его послать мяч высоко вверх, чтобы товарищи по команде в «поле» могли его поймать налету.

Престижнее считалось быть бьющим, и поэтому каждая команда старалась продержаться в этой ипостаси, как можно дольше. От стоящего в поле требовалось умение поймать мяч налету и уметь метко бросать мяч, чтобы запятнать бегущего.

На каждом станичном краю были свои знаменитые бьющие, свои умелые сдающие, свои быстрые бегуны и «снайперы». Их старались заполучить в свою команду. Нередко было так, что в воскресный день прямо с утра начинают играть самые маленькие, потом подтягиваются более взрослые, а к вечеру среди играющих было уже немало дядек и тёток, не забывших своё детство.

Любая игра заканчивалась речёвкой победителей: «Мы набылысь, нагулялысь, а вы в поли настоялысь».

В «ЯРОК»

В эту игру играли только мальчики. Число играющих не ограничивалось. Но, как правило, человек пять. Если ребят было много, то создавалось несколько обособленных команд. Для игры выбирали неширокую ровную площадку и прочерчивали палочкой линию. На ней каждый играющий вы-

бивал босой пяткой небольшую круглую ямку – ярку. Ярки располагались на одинаковом расстоянии друг от друга, примерно на 10 – 12сантиметров. Намерялись или договаривались, кто будет начинать игру. Первый играющий катил по земле мячик, бросал, стараясь, чтобы он попал в ярку. Мяч мог попасть в ярку, а мог не попасть. Если попадал, хозяин ярки выхватывал его и старался запятнать кого-нибудь из играющих. Если не попадал, игра продолжалась, если попадал, то запятнанный начинал катать мяч и игра продолжалась. Если ведущий никого из ребят не запятнал, то продолжал катать мяч. Формального победителя этой игре не было, Но «героем» чувствовал себя тот, кто чаще других попадал мячом в ярку.

В «КУЦОЙ БАБЫ»

Играли в эту игру зимой в комнате, а летом под каким – либо навесом, играли все желающие независимо от возраста и пола, но, как правило, дети и подростки. По предварительному уговору одному из играющих завязывали платком глаза и ставили посреди комнаты. Это и была «Куцая Баба». Играющие становились вокруг «Бабы» на некотором расстоянии и начинался диалог:

- -Бабо,бабо! На чём ты стоишь?
- -На камини.
- -Шо ты продаешь?
- -Квас.
- -Ловы девок, а ны нас, та по лавочкам ны лазь! «Баба», широко расставив руки, старалась поймать кого- нибудь из играющих. Те старались увернуться, а когда «Баба» шла к окну или горячей печке все кричали: «Бабо! Жар!» Кого поймали, становился «Бабой» и игра продолжалась. Победителя в этой игре не было, но лидером считался тот, кто меньше других был «Бабой»

В «ЗОСКЫ»

Как правило, играли в неё мальчики среднего возраста. Зачастую весной и осенью на школьных переменах, до и после уроков. Для игры нужна была «зоска». Изготавливлась она так. Из старой кожи вырезались несколько мягких кружочков диаметром примерно три сантиметра. Между кружочками вшивалась либо большая пуговица, либо большая монета. Игра заключалась в следующем. Ребята занимали очередь. В порядке очереди каждый играющий подбрасывал «зоску» и потом бил её внутренней стороной стопы до тех пор, пока она не улетала в сторону. Здесь вёлся счёт и победи-

«КАЗАЦЬКОМУ РОДУ НЭМА ПЭРЕВОДУ...» 🔍

телем считался тот, у кого число ударов было наибольшим. Иногда договаривались до какого-то числа и, кто первым набирал положенное число, тот и считался победителем.

B «3ABO3A»

В эту игру играли все желающие независимо от возраста и пола. Для игры выбиралась ровная площадка или участок улицы. Выбирали ведущего, как правило, самого сильного. Он кричал: «Становись» и ребята быстро строились в одну шеренгу, стараясь не оказаться последним. Играющие брались за руки.

Ведущий, с нарастанием скорости бежал по дороге, потом делал поворот и резким движением тянул шеренгу на себя. Последнему нужно было не только очень быстро бежать, но ещё и удержаться на повороте. Частенько такая игра заканчивалась разбитым носом, содранными коленками, но игра продолжалась.

В «ГУСЭЙ»

В эту игру играли дети самого различного возраста. Но больше всех любили её, конечно, малыши.

По общему согласию выбирали «маму» и «волка», а остальные становились «гусями». Выбирали площадку для игры. «Мама» оставалась на постоянном месте, «гуси» отходили на некоторое расстояние, а «волк» прятался где-нибудь неподалёку.

Между «мамой» и «гусями» состоялся такой диалог:

- Гуси, гуси!
- Га-га-га!
- Есть хотите?
- Да, да, да
- Ну, летите.
- Мы не можем,
- Почему?
- Волк за горою.
- Шо вин робэ?
- Гуску скубэ.
- Яку?
- Сиру, билу, волохату.
- Так тикайтэ диты в хату.

«Гуси» бежали к «маме», а «волк» старался когонибудь из них поймать. Если поймал, то этот «гусёнок» становился «волком» и игра продолжалась.

Если никого не удалось поймать, то «волк» оставался в той же должности и игра продолжалась. Престижно было, как можно реже быть «волком», а официального победителя в этой игре не было. У маленьких ребятишек эта игра была одной из самых любимых.

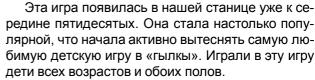

В «НИРЦЯ»

Это обычная игра в пятнашки с той лишь разницей, что играли в неё в воде, во время купания. Все игроки становились в воде в шеренгу и по очереди ныряли на дальность. Когда эту операцию выполняли все - находили «слабака», который и становился «нирцём». Игроки плавали недалеко от «нирця», а он должен был кого-нибудь запятнать. Запятнанный становился «нирьцём» и игра продолжалась. Были здесь и свои правила. Нельзя было далеко отплывать от круга играющих. Победителя конкретного не было, но лидером считался тот, кто за всю игру ни разу не стал «нирцём».

→ В «ЗНАМЕНИ» →

Для игры выбиралась большая ровная площадка, оговаривались её границы. Потом площадка делилась на две равные части и проводилась линия. На дальних границах площадки устанавливались «знамёна» каждой команды, которые надо было охранять.

Ребята любым способом делились на две команды и располагались по обе стороны от «границы» друг против друга. Задача была – добежать до «вражеского» знамени и принести его на свою территорию. Если прорвавшегося на чужую территорию запятнали, он должен был стоять на этом месте пока кто-то из своих его не выручит – не запятнает.

Если знамя удавалось похитить, команды менялись местами и игра продолжалась. Победительницей считалась та команда, которая большее число раз похитит «вражеское» знамя.

В этой игре от ребят требовалось умение быстро бегать, выносливость, умение обманными движениями увильнуть от запятнания.

Э В «КИТЬКА»

В эту игру играли на Пасху. Было два варианта её. Один очень простой. Два игрока брали крашеные яйца и стукались более узкими сторонами. У кого яйцо лопалось, тот считался проигравшим. Надо сказать, что перед игрой «авторитетная комиссия» осматривала яйца и не допускала никакого подлога. Другой вариант её был сложнее. Здесь играло небольшое число ребят – человека четыре - пять. В земле вырывалась неглубокая ямка по количеству яиц. Яйца укладывались в ямку и игроки по очереди катали яйца в сторону ямки.

«казацькому роду нэма пэреводу...»

Их расцветка запоминалась. После первого пуска яйца игроки собирались возле ямки и смотрели, чьё яйцо было разбито. Хозяин разбитого яйца или отдавал яйцо выигравшему и выбывал из игры, или клал новое яйцо. Победителем считался тот, кто собрал большее число яиц. Правда, выигранные яйца зачастую. здесь же коллективно и съедались.

Здесь приведены описания нескольких игр. Кроме перечисленных, большой популярностью пользовались игры в «Терентия», «жута», в «цуркы». в «кобылкы», в «царства», в «стенки» и ещё множество других игр. Понятно, что реанимировать все эти игры невозможно, но некоторые стоило и возродить.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПРАЗДНИКИ

Ещё несколько десятков лет назад, когда станичные хаты освещались керосиновыми лампами, а о телевизорах и радиоприёмниках люди и понятия не имели, а зимние вечера были такими длинными, молодые люди находили для себя множество развлечений, к сожалению, уже забытых.

Долгожданными и любимыми были рождественские праздники, рождественские гадания. Задолго до этого молодёжь собиралась у какой-нибудь бабушки и та рассказывала, как нужно гадать, разучивала бабушка с ними колядки, щедровки, христославия, посевания, хождение со «Звездою», «з Мыланкой», «з козою»! Рассказывала о старинных обрядах. Иногда разучивала с девушками обрядовые свадебные песни, учила другим премудростям.

Рождественские гадания в каждой станице проводились по-разному. Гадали и в ночь под Рождество, и под Новый год. Виды гаданий были многочисленными. Гадали и отдельно девушки, и отдельно юноши, и совместно.

Несколько слов о гадании на улице. Молодые люди собирались группами и ходили спрашивать «як мою жинку звать» или «як мого мужыка звать». Они по очереди задавали эти вопросы под окном, а хозяева им отвечали. Надо сказать, что заранее подбирались оригинальные женские и мужские имена: Хивря, Ялосовэты, Патрыкий, Омэлько и другие. Групп таких ходило много, и на улицах до позднего вечера стоял хохот.

Когда надоедало спрашивать об именах своих будущих мужей и жён, подростки. меняли забаву. Они небольшими группами подходили к изгороди и каждый с произвольного столба отсчитывал определённое число столбов, и все рассматривали этот столб. Каким был столб, таким должен быть и будущий муж или будущая жена. Надо сказать, что в послевоенные годы станичные заборы представляли собой жалкий вид. На огорожу шли любые столбы и высокие и маленькие, и толстые и тонкие, и немного обрубленные и с остатками сучьев, новые и уже покрывшиеся мхом, горбатые и прямые.

Молодые люди подходили к забору и договаривались, какой столб был чьим и считали. Представьте себе когда кому-то попадался согнувшийся столб или толстый, или ещё с каким уродством. И опять хохот, опять веселье. Такое гадание неоднократно повторялось, и, естественно тут же и обсуждалось. Рассказов об этих гаданиях хватало до лета.

В ночь под Рождество парубки гадали и таким образом. Снимали сапог и бросали через хату. Если сапог подбирала девушка, то считалось, что она и будет его женой. Случаи были самые невероятные. Чей-то сапог оставался на крыше, чей-то подбирал проходящий шутник и забрасывал его ещё дальше, на чей-то набрасывались собаки и их приходилось отбивать, чей-то поднимала проходящая безлетняя старуха.

И опять хохот, веселье на всю ночь. Но предание гласит, что были случаи, что парень женился на девушке, которая подобрала его сапог.

ГАДАЛИ И В КОМНАТАХ

После уличных походов молодёжь группировалась как бы по интересам. Если группа была смешанной, то гадания могли происходить, например, так. В хату приносили несколько куриц и петухов по числу гадающих. Девушки выбирали себе петухов, а парни куриц. На полу ставили зеркало, насыпали немножко зерна и ставили плошку с водой. Сонные куры сразу некоторое время осматривались, потом шла потеха. Чей-то петух не отходил от зеркала, чейто набросился на зерно или воду, чей-то уходил в тень и там тихонько подрёмывал. Так должен был вести себя и будущий муж или жена. А он оказывался или драчуном, или очень прожорливым, или любитель выпить, а то и позёром.

По-разному вели себя и курицы. То затевали между собой потасовку, то норовили сбежать, то набрасывались на еду и на воду, а то и прихорашивались перед зеркалом. Всё это очень веселило молодёжь и запоминалось надолго.

БЫЛИ И ТАКИЕ ГАДАНИЯ

Лампу прикручивали и гадали в полутьме. Каждый гадающий мял в руках лист бумаги. Этот листик клали на перевёрнутую тарелку, подносили к стенке и поджигали. Лист корёжился, и на стенке появлялась его тень. Заранее каждый загадывал что-то своё сокровенное. В получившемся рисунке каждый старался увидеть то, о чём гадал. Понятно, что потом увиденное долго обсуждали. Понятно, что настроение каждого теперь зависело от того, что он увидел. В послевоенные годы часто гадали на погибших или пропавших без вести, и их воображение иногда совпадало с изображением на стенке. Кто печалился, кто радовался, а кто ещё несколько дней находился в недоумении, так как своё гадание так и не смог разгадать.

Особенно долгожданными и любимыми рождественские праздники были для детворы. Их ждали, к ним готовились и к каждому по-своему. В Рождественских Святках первым шёл сочельник, накануне Рождества Христова. В этот день почти с утра начинали готовить сочиво или на нашем диалекте кутью. Для этого отсеивали и немножко калибровали зёрна гарновки — яровой пшеницы. Их засыпали в ступку и долго толкли, поливая немножко водой, чтобы быстрее отстала шелуха. Потом зерна веяли и начинали варить. Когда они хорошо разварятся их аккуратно перекладывают в какието мисочки или тарелочки и украшают. Каждая хозяйка делала это по-своему и с большой любовью.

Кутью поливали сладким сиропом, обкладывали конфетным горошком, отваренными, специально засушенными ягодами и так далее. В тарелочку ложили маленькую ложку и всё это завязывалось в чистый узелок. Само дальнейшее действо называлось «носить вечерю». Носили её и маленькие дети, и подростки, и взрослые. И здесь была некоторая субординация. Сначала с этой «вечерей» шли к крёстным отцу и матери, потом к бабушке и дедушке, потом к родным тётям и дядьям, и потом уже к соседям, знакомым и просто к хорошим людям.

Принося эту «вечерю» в чью-нибудь хату гость обязательно говорил: «Папаня и маманя послалы вам вэчерю». Все члены семьи понемножку съедали кутьи, а потом добавляли свою и одаривали пришедшего или пришедших. Более близким родственникам и крёстникам подарки готовились заранее и подороже. Других одаривали пряниками, самодельными кренделями, конфетами и грецкими орехами. Иногда давали немножко денег. Уходя от хозяев, дети поздравляли их с наступающим праздником Рождества Христова и высказывали

самые добрые пожелания. Хозяева в свою очередь просили поздравить с праздником родителей и передать им свои пожелания.

На другой день было Рождество Христово. Мальчики и взрослые парни ходили христославить или по-местному — «рожыствувать». Ходили и в одиночку, и парами, и небольшими группами, но только мальчики и мужчины. Начинали ходить ещё затемно и заканчивали когда хорошо рассветёт.

Подойдя к окну, ребята громко кричали: «Пустить рожыствувать». Хозяева или отпирали дверь, или молчали, или отвечали: «Ничого давать». Зайдя в хату, они становились перед иконами и нараспев читали положенный стихзирь. В конце поздравляли хозяев и получали от них подарки в виде сладостей или мелких денег. Особого соблюдения родственных связей здесь не требовалось, можно было заходить в любую хату. В этот же день и в то же время мальчики и подростки ходили «Со Звездою». Для этого на невысокую палку прибивали картонную звезду. Обвивали её ленточками и другими украшениями. Текст христославия в этом случае был иной, чем при рожествовании. Поздравления и одаривания были одинаковыми.

Вечером этого дня девочки и девушки ходили с колядками. Обряд повторялся уже описанный, но тексты колядок были многочисленными и разнообразными. Эти тексты кочевали из станицы в станицу и предпочтения какому-то отдельному не было.

Под старый новый год девочки ходили со щедровками. Обряд подобный колядкам, но тексты песен были другими.

Щедровали только девочки и девушки. В этот же день ходили «З козою». Здесь «коллектив» был смешанный. Была «коза» — любого рода, был «дед Мехонос» и сопровождающие. Это было целое представление, участвовали в нём и более взрослые женщины. Ходящих «з козою» было немного, и их старались пускать все, к кому они постучатся. В этот же вечер девушки и девочки ходили «з Мыланкой». Одну девушку наряжали «Мыланкой», другую «Васыльком» и с ними было ещё четыре — пять человек. Они пели специальные песни, которых было несколько. Всё остальное было, как и на колядки.

Четырнадцатого января утром мальчики и мужчины ходили посевать, или по-местному — «посыпать». Зайдя в комнату, посевающие становились перед иконами и речитативом проговаривали небольшой текст. Затем поздравляли хозяев с Рождеством Христовым, с новым годом, «та з васылькамы». На этом праздники заканчивались. Дети ходили друг к другу в гости, рассматривали подарки, делились сладостями и вспоминали весёлые Рождественские праздники. После празднования Рождества Христова и Крещения Господня веселья затихали до самой Пасхи.

Виктор АНДРЮЩЕНКО

ОДЕЖДА КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

троевая одежда кубанских казаков уже неоднократно описывалась. Ниже пойдёт рассказ о повседневной и праздничной домашней одежде казаков и казачек. Надо сказать, что и в те далёкие времена (примерно начало 20-го века) существовали и традиции и моды. Казаки и казачки старались идти с ними в нугу.

Отличительной особенностью каждого народа является и одежда. В наши дни и в обычной обстановке очень трудно отличить человека по одежде к какой нации он принадлежит. Сейчас типы и виды одежды диктует в основном мода и материальный достаток человека. Во что же одевались казаки вне строя?.

Их одежда в основном мало чем отличалась от строевой, но как бы сейчас сказали – была немного стилизованной.

Переселившиеся на Кубань черноморские казаки одевались так же как и их предки — запорожцы. Носили шаровары « Чёрное море» Разноцветные свитки и сапоги. Головным убором была меховая шапка, напоминающая собой усечённыё конус. Со временем внешний вид казаков менялся. Они переняли у горцев часть их одежды. Стали носить черкески, узкие кавказские пояса, папахи со сплющенными верхами

Казаки так любили и берегли свой мундир, что и в запасе старались носить одежду, близкую к форменной. Сейчас демобилизованный солдат имает свой мундир, едва вступив в родной дом. И потом уже форму практически никогда не одевает. Чтобы подчеркнуть привязанность казаков к мундиру можно привести такой пример. Царь назначал наказными атаманами в казачьи войска исключительно армейских полковников или генералов, неказачьего происхождения. И служил этот генерал, не имея права в течение пяти лет надеть казачий мундир. Иногда он и переводился в другие войска в общевойсковой форме.

Казаки, находящиеся в запасе шили домашнюю одежду. Но это была обязательно черкеска с газырями, почти форменная папаха только без знаков различия. Шаровары шились для гражданской жизни, но обязательно с галунами. Произвольным был лишь цвет одежды и некоторая свобода в покрое. Бывший казак –кавалерист даже дома никогда не носил укороченную шинель пластуна. Это считалось неприличным.

Дома, особенно в летнее время, казаки носили обычные рубахи, соломенные шляпы, чувяки, Но это была как бы рабочая одежда, Выходя со двора казак обязательно одевал или мундир или одежду близкую к нему. А казак, который находился во второй очереди, в церковь, по вызову атамана, вообще в праздничные дни одевал только мундир с погонами и другими знаками различия. Таким образом, мундир казак носил в строю в течение четырёх лет действительной службы и ещё четыре года, находясь на льготе второй очереди. Но и казаки старших возрастов приходили в церковь или в станичное правление всегда аккуратно одетыми, выбритыми и с кинжалом на поясе.

Казачата – школьники ходили на занятия в одежде близкой к мундиру, но произвольного цвета, Старшеклассникам разрешалось носить так называемый « парубоцкий» кинжал. Это был кинжал с кривым лезвием. Такой же кинжал носили и казаки, не прошедшие полковой службы. Что касается одежды школьников — городовиков, то она для мальчиков была произвольной, а девушки — старшеклассницы носили форму, очень напоминающую современную.

Стоит сказать о серьёзном чинопочитании у казаков. Когда они были в гражданской одежде, то между собой называли себя по имени, по родству, по родственным отношениям, Но как только надевали мундир с погонами как бы сразу попадали в строй. Теперь они уже называли друг друга только

«КАЗАЦЬКОМУ РОДУ НЭМА ПЭРЕВОДУ...»

по званию. Чтобы подчеркнуть эту особенность можно привести такой пример. Отец и сын уже прошли полковую подготовку. Но сын состоит в запасе второй очереди, а отец, скажем, по возрасту уже переведён в ополчение. И, скажем, сын имеет чин урядника, а отец — рядовой. Дома у них обычные отношения. Отец может отругать сына, а то и подзатыльника отвесить. Но когда они в праздничный день шли в церковь и сын одет в мундир, отец называл его на «вы» и только по воинскому званию. За соблюдением такого этикета уже никто почти не следил, но соблюдался он неукоснительно.

Перед началом гражданской войны в Привольной доживал свой век дед Кукса. Никого из родственников у него уже не было. Свой пай он сдавал в аренду, а сам жил в основном тем, что давали соседи. Сердобольные женщины обстирывали его, убирали в хате.

У него было несколько боевых медалей, в том числе и « За походы в Среднюю Азию». Дедушка ходил в старой черкеске, старой шапке, но в праздничные дни шёл в церковь с ярко начищенными медалями. В 1920 году в Привольную входила какая-то большая красноармейская часть. Люди стояли по улицам вдоль проезжей части, наблюдая за движением пехоты, конницы и артиллерии. Был в толпе и дедушка Кукса. Он стоял, опираясь на палку, гордо выпятив грудь с боевыми наградами. Какой-то красноармейский командир соскочил с коня и хотел сорвать с деда награды. Но тот так сжал руку обидчика, что боевой краском чуть не взвыл от боли. Дед продолжал сжимать руку и сиплым голосом отчитывал его:

- Мини ци награды государь импиратор дав и тикэ вин може ийх знять. И ты, кацапэ, их ны трож!

Люди боялись за деда и начали упрашивать оставить краскома в покое. Дед отпустил, но с улицы не ушёл, продолжал с презрением наблюдать за непривычной его глазу оборванной армией.

Культ военной одежды воспитывался с раннего детства. Дети видели висящий на почётном месте мундир отца или старшего брата, а то и деда. Слышали множество рассказов от старших о войне с турками, японцами или горцами. Восхищались храбростью своих станичников, знали на перечёт всех станичных удальцов. Мальчикам с детства рассказывали о боевом друге – коне, о матери-бурке, о подруге шашке. И у детей воспитывалось трогательное отношение к казачьему мундиру. В казачьих семьях не только мужчины, но и женщины и дети неплохо разбирались в холодном оружии и конском снаряжении И хорошо знали, что шашку или кинжал можно поднять только на врага . Поэтому в казачьих станицах во время частых драк казак мог выдернуть из забора кол, или схватить занозу, но кинжал - никогда. И мальчикам с детства не только отцы, но и матери постоянно напоминали, что он казак, что сын такого-то или внук деда-героя. И это сказывалось в дальнейшем на моральном духе казака – воина.

А как одевалась прекрасная и слабая половина? Как одевалась, чем щеголяла? Здесь гармонично сливались и мода, и традиции и местные условия. Домашняя, рабочая и выходная одежда женщин сильно отличались.

На своих земельных наделах казаки сеяли не только зерновые культуры, но и лён. Примитивно обрабатывали его и на домашних ткацких станках ткали полотно. Но даже после тщательной обработки оно оставалось грубым. Тем не менее именно из этого полотна в основном готовилась вся летняя одежда, бельё, простыни, наволочки и так далее. Полученное в домашних условиях полотно иногда красили, используя для этого природные красители. Для верхней тёплой одежды полотно в основном покупалось на ярмарках или в местных лавках.

Таким образом, домашняя одежда была не очень выразительной. Но наши бабушки и прабабушки всёже оставались женщинами и им не чужды были и кокетство и соревновательность в шитье и отделке одежды.

В долгие зимние вечера девушки и женщины расшивали свои сорочки цветными узорами, вышивками, применяя для этого цветные нитки, бисер и другие подручные материалы. И молодые женщины и девушки носили длинные юбки. Причём нижняя, полотняная юбка по подолу отделывалась вышивками и кружевами. Сверху одевалась другая юбка, чуть короче, потом ещё и ещё. Число юбок на женщине говорило о её достатке.

В зимнее время женщины носили короткие и длинные шубы, тёплые вязаные платки, покрывались шалями даже если было не очень холодно. Для них шили специальные женские сапожки или покупали высокие ботинки со шнурками.

Придя в гости, девушки могли снять платок или косынку и щеголяли своими богатыми косами. Замужние и пожилые женщины обычно оставались и в хате хотя бы в лёгком платочке. Хотя на старинных фотографиях нередко можно увидеть казачку и без головного убора.

Особенно следует сказать о культе головного убора у казаков. Даже небогатый казак старался сшить пару хороших папах и разного цвета и для лета и зимы отдельно. Для их изготовления использовалось хорошее сукно и качественный каракуль. Чтобы защитить папаху, казаки даже вне строя в дождливую погоду носили башлыки. Частенько пожилой отец передавал свою папаху сыну и такими подарками очень дорожили, как и подаренным холодным оружием. В строю казаки не носили фуражек, а весь год носили папахи «тёплую» или

«КАЗАЦЬКОМУ РОДУ НЭМА ПЭРЕВОДУ...»

«зимнюю». Казачьи офицеры носили сюртуки и фуражки в летнее время, но только вне строя. И только в жару, во время уборки казак позволял надеть соломенную шляпу или лёгкий картуз. Казака, вышедшего на улицу без головного убора могли неправильно понять.

Кстати сказать, не выходила из моды почти до середины пятидесятых годов. Мальчики целое лето ходили босиком, в трусах и майках, но обязательно в фуражке. Посылая своего малолетнего сына в магазин или к соседям мать обязательно напоминала ему, чтобы одел головной убор. И только

когда в моду стали входить короткие причёски казаки сняли в тёплое время свои головные уборы. Примерно до этого времени соблюдалось правило снимать головной убор при встрече с пожилым человеком, учителем или священником. Хорошие были традиции

В старину у казаков считалось неприличным обнажать на людях своё тело. В любую жару казак работал в нижней сорочке ,ишь слегка подкатав рукава. О женщинах и говорить не приходилось. Отступление от общепринятых норм не только порицалось, но и наказывалось.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Писаных законов у наших предков — запорожцев не было. Когда они переселились на Кубань, то стали подчиняться Российским законам. Но в станицах и хуторах имели место и местные законы. Кто же следил в станице за соблюдением порядка, моральных устоев, охраной частной собственности и так далее. Следило само общество, атаман, его помощники, выборные, квартальные и конечно, церковь.

Родители строго следили за тем, чтобы дети уважали старших, выполняли их требования и всячески их почитали. В своих церковных проповедях священник напоминал людям о вере, соблюдении церковных праздников и порядочности.

За нарушение общественного порядка, воровство, посягательство против личности словом и делом наказывал станичный суд. За более мелкие нарушения атаман, а за крупные преступления казаки подвергались суду. Следует привести несколько примеров о нарушениях и наказаниях. Например.

Перед Пасхой помощники атамана объезжали станицу с трубачом. Останавливались на перекрёстках, собирали народ и предупреждали жителей о том, чтобы они навели порядок в своих дворах и возле дворов, поправили заботы, побелили хаты и так далее. Помощник атамана особо предупреждал, чтобы молодые люди шли на пасхальное богослужение или вечером сидели по домам и не собирались на игрища и посиделки. В ночь перед Пасхой ездили тыжневые. Увидев на улице пацанов и подростков, отсылали их домой. Несмотря на предупреждения многие молодые люди, думая, что все в церкви и выходили на улицу, чтобы попеть, потанцевать под балалайки, пообщаться. Был такой случай. Перед полуночью тыжневые ещё раз поехали по улицам станицы. Увидев сборище молодёжи, окружили их и приказали оставаться на местах. Девушек постыдили и отпустили по домам, а парубков под конвоем повели в станичное правление. Дежурный унтер-офицер очень строго поругал хлопцев, а потом решил примерно наказать их. Поставил их в затылок и приказал каждому взять впереди стоящего за уши и хорошенько их потрепать. Последнему уши драл тыжневой, а унтер-офицер наблюдал, чтобы парубки выполняли его приказ с пристрастием.

Но и этого ему показалось мало, Парубкам дали по оловянной миске и привели к церкви. Перед тем как выйти людям из церкви нарушителей поставили на колени в два ряда с мисочками в рукам и приказали изобразить нищих. Когда люди начали выходить из церкви, и родители увидели своих сыновей, то пережили шок. А унтер- офицер обратился к отцам с порицанием и требованием примерно наказать своих сыновей дома. Думаю, что горьким было разговение у этих парубков.

Станичный атаман мог наказать нарушителя поркой. Тыжневые казаки выносили специальную длинную скамью, нарушителя порядка слегка привязывали к ней и всыпали ему назначенное число плетей. И помогало, особенно то, что нужно было перед тем как лечь на лавку ещё и приспустить штаны.

Публично наказывали местных воришек, безнравственных женщин, а то и «ведьм». Иногда на провинившегося надевали одноместное воловье ярмо и водили по станице. И каждый мог ударить этого беднягу или плюнуть на него. Жестокими были наказания, но человек, прошедший через такое позорище надолго запоминал этот урок. Не нам судить о нравах наших предков. Время было более жестокое и наказания соответствовали ему.

Валерий КОСТРОВ

СИМВОЛ ПРИМИРЕНИЯ

акануне праздника Светлого Христова Воскресения 3 апреля 2010 года в станице Новоминской Каневского района Краснодарского края был открыт и освящён памятный камень на месте дома, где в годы гражданской войны жила семья Великой княгини Ольги Александровны.

На открытие памятника приехал правнук Великой Княгини Пол Эдвард (он называет себя Павлом Эдуардовичем) Куликовский-Романов. Потомок династии родился в Канаде, оттуда переехал в Данию, а два года назад — в Москву, где живёт и работает вместе с женой Людмилой — верной помощницей и переводчиком. Так получилось, что он посетил Новоминскую ровно через 91 год после Великой княгини — она приехала в станицу 2 апреля 1919 года, он — в тот же день 2010 года.

Павел Эдуардович назвал Тимофея Ящика одним из героев семьи Романовых. Посетить Кубань — его давняя мечта, и он воспринял свой визит сюда как паломническую поездку. «Для меня большая честь, что вы здесь собрались!» — так он выразил своё отношение к присутствовавшим на открытии.

Заместитель главы Каневского района Виктор Михайлович Терещенко отметил, что в любые времена кубанцы были патриотами, и жизнь Тимофея Ящика, оставшегося верным присяге и спасшего семью Великой княгини, подтверждает это.

О преданности и ответственности кубанского казака говорил и глава Новоминского сельского поселения Александр Викторович Плахутин, и родственники Ящика, и новоминские поэты, и директор 35-й школы Ярослав Ярославович Коркишко, назвавший открытие памятника и визит потомка Романовых символами примирения со своим прошлым, со своей историей.

После торжественного мероприятия высокого гостя ждала интересная экскурсия по памятным местам. Александр Викторович Плахутин и известный писатель-краевед, член Российского общества историков-архивистов Ноха Алаудинович Султханов рассказали об истории и сегодняшней жизни своей станицы. На следующий день Куликовский-Романов посетил станичный краеведческий музей и остался очень доволен увиденным.

Гость привёз альбомы по истории дома Романовых и книги Ольги Александровны, а в качестве ответных даров ему вручили литературу о Кубани

и диски с документальными фильмами о казаках и кубанскими песнями.

Особый интерес потомка Великой княгини вызвал весенний выпуск историко-литературного альманаха «Каневчане» и книги Султханова о Новоминской. Потомок дома Романовых пожелал краеведам Каневского района новых успехов, а журналу — стабильности и читательского внимания. Высокий гость был удивлён и обрадован, когда узнал, что в наших школах уже не первый год проводятся уроки кубановедения, где дети изучают историю своего края и родной станицы, хутора или посёлка. По отзывам преподавателей и учеников, информация из альманаха часто помогает им в подготовке к занятиям.

Куликовский-Романов во время посещения станицы остановился у ныне живущих там потомков древнего казачьего рода Ящиков.

Новоминской казак Тимофей Ящик родился 20 апреля 1878 года. В 1900 году он ушёл в армию. Сначала служил в Тифлисе, в Первом Ейском полку, затем — в конвое командующего войсками Кавказского военного округа князя Григория Сергеевича Голицына, а с 1904 года — в лейб-гвардейской Второй кубанской сотне собственного Его Императорского Величества конвоя.

В 1907 году он уволился со службы, пять лет прожил в Новоминской, а потом вновь был призван в Императорский конвой. С началом Первой мировой войны Тимофей Ящик ушёл добровольцем на фронт, однако царю понадобился квалифицированный телохранитель, и он вспомнил о бравом кубанце. Два года новоминчанин охранял Николая II, а затем — его мать, вдовствующую императрицу Марию Фёдоровну. За верную службу подхорунжий Ящик был награждён несколькими российскими, а также бухарской, японской и французской медалями.

После февральской революции 70-летняя Мария Фёдоровна и её дочери Ксения и Ольга с мужьями и детьми поселились в Крыму, в имении Ай-Тодор. Тимофей Ящик также перевёз туда свою семью.

«КАЗАЦЬКОМУ РОДУ НЭМА ПЭРЕВОДУ...»

Младшая дочь вдовствующей императрицы, сестра царя Николая, Великая Княгиня Ольга Александровна была замужем за полковником в отставке Николаем Александровичем Куликовским. У них был сын Тихон, и она ждала второго ребёнка.

Когда фронт приблизился, семья уехала в Ростовна-Дону, где находился штаб генерала Деникина, командовавшего Добровольческой армией. Ростов встретил их неприветливо. Деникин отказался принять Великую княгиню. «Мы рассчитывали, что он проявит к нам сочувствие, но он не захотел сделать этого. Генерал прислал ординарца, который сообщил нам, что в Ростове мы не нужны», – рассказывала она.

Верный телохранитель предложил уехать к нему на родину, в станицу Новоминскую. Из Ростова они выехали на поезде, потом пересели на подводу, а конечной цели достигли пешком.

«Новоминская показалась раем», — вспоминала Ольга Александровна. Через три недели она родила здесь второго сына, Гурия, который впоследствии стал дедушкой Павла Куликовского-Романова, посетившего Каневской район. Дочери Ящика нянчили царского племянника. В станице сестра царя ходила босиком, полола огород, пекла хлеб, стирала. Муж тоже работал, пахал землю, а оплату за свой труд получал продуктами.

Когда к станице подошли отряды красноармейцев, семье Романовых-Куликовских удалось через Новороссийск уехать за границу. Мария Фёдоровна и Тимофей Ящик в это время уже были в Лондоне, а затем переехали в Данию. Сначала они жили в королевском дворце Амалиенборг, а затем — на вилле Видере, рядом с Копенгагеном.

Тимофей навсегда остался в Дании. Вдовствующая императрица, скончавшаяся в 1928 году, упомянула его в завещании, и на эти средства он построил дом и открыл магазин в городке Валби.

Его первую жену Марфу Самсоновну, оставшуюся с детьми в Новоминской, расстреляли 17 мая 1922 года у стены конюшни в районе нынешнего стадиона, Девять детей остались сиротами.

Герасим Ксенофонтович Ящик, брат её мужа, был

помощником атамана, затем сражался в повстанческом отряде (так называемой «банде Дубины»). Марфу Самсоновну обвинили в его укрывательстве и убили вместе с другими десятью заложниками, в число которых входил и её брат Трофим Самсонович Сидоренко, и другой брат её мужа Андрей Ксенофонтович Ящик, который в 1916 году был станичным атаманом.

Павел Куликовский-Романов побывал на месте расстрела, где установлена мемори-

альная доска. Когда он поклонился памяти убиенных и прикоснулся к сохранившимся в стене следам от пуль, из его глаз потекли слёзы...

Впоследствии Тимофей женился на датчанке Агнесс Ааабринк, принявшей православную веру и получившей при крещении имя Нина, но не забывал своих детей, оставшихся на Кубани — присылал им письма, деньги и посылки. Он вёл дневник, изданный потом на датском языке. Ноха Алаудинович Султханов, благодаря которому мы узнали эту историю, по праву называет кубанского казака царским летописцем.

В 1946 году Тимофей Ксенофонтович Ящик скончался в возрасте 68 лет и был похоронен в Дании, на Русском кладбище. Для датчан он стал символом воинской верности присяге, его личные вещи хранятся в Военном музее Копенгагена.

В станицу Новоминскую уже приезжала Ольга Николаевна Куликовская-Романова — вдова Тихона Николаевича, племянника царя. Она посетила Россию, чтобы открыть в Москве выставку акварелей и живописи своей свекрови Ольги Александровны, спасённой нашими земляками от ужасов Гражданской войны. Кстати, очень приятно видеть на её полотнах виды Новоминской — белые хатки, цветущие деревья...

Некоторые из икон, написанных сестрой последнего российского императора, сохранились в Храме Христа-Спасителя канадского города Торонто. А ещё она вполне профессионально сочиняла стихи!

Датский журналист Иен Воррес, записавший воспоминания Ольги Александровны, так вспоминал о ней: «Самая последняя Великая княгиня, внучка, дочь царей, сестра царя, родилась, окруженная блеском и великолепием, которые нынче даже трудно представить себе. Она испытала такие невзгоды и лишения, которые редко выпадают на долю благородных дам. Несмотря на все это, она принимала жребий мало кому известной изгнанницы с врожденным тактом и кротостью, сумев сохранить веру незапятнанной перед лицом бед и несчастий».

Вот так переплелись судьбы царского рода Романовых и казачьего рода Ящиков из станицы Новоминской.

Зоя СИЗОВА

КУЕ ЗОЗУЛЯ

Куе зозуля... цилый дэнь куе...
- Скажи, зозулэ, скилькы мини жыты?
Скажи, чи стэрпэ сэрдэнько мое,
Навчи мэнэ: як жить и що робыты?..

Вжэ мынула вэсна окаций квитом, Як вышня отцвила и я сама. И скоро отпалыло вогнэм лито, Отплакала и осинь. Вже зима.

На двори завирюха, як скаженна. Знов витэр вые, плаче у стэпу. А я кудысь бижу, як оглашена, И всэ ныяк нэ выплачу Журбу.

Моя вэсна цвитэ тилькы в спомыни – У мриях своих сонячных ловлю: Мий мылый биля вышни коло млына, И я, як вышня, внэмлю соловью.

И мамо ждэ за завиской у хати, И дэнь для мэнэ, и квиткы в маю. Ах, мамо, мамо, мыла моя маты, Як бы ж ты знала про судьбу мою!

Як бы ж могла тоби я розказаты, Як я жила – цэ доси страшный сон: Зламалы вышню пид ногы топтаты, И душу розипьялы – тилькы стогн.

Змынулы дни, я старшала годамы. Душило, як удавкою, ярмо. Твои мы, мамо, мриямы, писнямы Умэрты мы надии нэ дамо.

Прыйдэ вэсна, позацвитають квиты, И на яру зазэлэныть трава. Забуду я про горэ и про лита: Я ще нэ вмэрла, я ж ище жива!

Ще сэрцэ любыть, тэплыцця надие, Що нужна ще комусь душа моя, Що сполныцця моя дивоча мрия: Полюблять и мэнэ – ны тилькы я.

Ныхай захит, як наче багряныця, И зла хурдэла знову завыва — Я буду жить, як ты, моя станыця, Як сонцэ кожэн дэнь встае знова.

И бильше вжэ нэ хочицця тужиты. Прыйдэ вэсна. Як гарно у гаю! Я буду жить и всэ кругом любыты, И Бог простыть мини журбу мою.

Владимир САЛЬНИКОВ

Имя на районной Доске почета

П.П. ЧУБОВ:

«Из песни слова не выбросишь»

Мы проговорили, сидя за столом во дворе его дома, добрых два с половиной часа. «Масла в огонь» воспоминаний сразу же в начале раз-говора подлили строки из письма, которое при-слала к нам в редакцию бывший животновод, а ныне пенсионерка Лидия Петровна Север из станицы Новодеревянковской, которые я про-цитировал своему собеседнику. Вот они: «Я точно не помню, сколько Пётр Прокофьевич Чубов проруководил районом, но при нём он преобразился. Все поняли: пришёл настоящий хозяин. Его можно было встретить в любое время дня и ночи на любой точке производства. Я работала на МТФ № 4. И вот как-то подъезжаю в 6 утра к ферме и вижу: какой-то незнакомый мужчина ходит около базов. Так состоялось моё первое знакомство с первым секретарём райкома партии нашего Каневского района...»

«УЧИТЬ РЕБЁНКА НАДО, ПОКА ОН ПОПЕРЁК ЛАВКИ ЛЕЖИТ»

- Петр Прокофьевич, вы извините, но откуда у вас эта хозяйская струнка? Где истоки той энергии, что позволили Чубову, как подчёркивают многие звонившие к нам в редакцию, за два десятилетия так поднять потенциал района, что он стал школой передового опыта во всём Советском Союзе?

- Мы ведь все родом из детства. А оно у меня, поскольку родился я в страшном для России 1930 году, можно сказать, роковое. Мама моя, которую я не помню, потому что было мне всего полтора года, умерла от голода. И я - приёмный сын у Чубовых, которых считаю родными. Отец был у меня чабаном в колхозе «Красный скотовод», что в бескрайних Сальских степях на границе с Калмыкией. Мать - рядовая колхозница. Но мои родители дали мне то, без чего, считаю, у человека не может быть хорошего жизненного стержня. Они смогли привить мне тягу к знаниям. В голодные послевоенные 1946-1949 годы я с отличием закончил сельскохозяйственный техникум, а затем с красным дипломом и сельскохозяйственный институт в Ставропопье.

Пётр Прокофьевич Чубов

Самой любимой поговоркой моего отца, помню, была такая: «Учить ребёнка надо, пока он поперёк лавки лежит». Сейчас вспоминаю, каких только тягот не приходилось переносить мне в студенческие годы (родители, простые крестьяне, не имели никакой возможности поддерживать хоть как-то меня материально), и грустно улыбаюсь.

Выгружали мы ночами со студентами вагоны на железнодорожной станции, брались за любой заработок. Но так ведь тогда многие пошедшие за знаниями из деревни жили. Поэтому из песни слова не выбросишь. Но у всех у нас была, это точно, настоящая трудовая закалка. «Плавать» по жизни мы учились, не оглядываясь на помощь родителей, и «маменькиными сынками» слыть никак не могли. Вот оттуда, наверное, у меня и характер, и истоки энергии, о которой вы спрашиваете. Молодёжь моего времени вообще рано взрослела. Я, к примеру, обзавёлся семьёй, учась на последнем курсе вуза. Моя Людмила была с Кубани, заканчивала иняз, поэтому я вдвойне был рад, когда узнал, что меня, как ветврача, распределяют в Староминской район. Когда его реорганизовали, я стал работать главным ветврачом, а потом и начальни-

ком управления сельского хозяйства в Каневском районе. Так мы росли и мужали.

«КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЁ»

- Можно я опять подолью немного «масла в огонь» ваших воспоминаний? Вот наш бывший фотокорреспондент Д. Г. Джура пишет: «Район при Чубове был большой строительной площадкой: строили животноводческие фермы, фруктохранилища, дороги, газопроводы, больницы, детские сады, школы, жилые дома...». А как вам всё это удавалось? Ведь и тогда бюджеты района были ограничены, и свои строительные сложности тоже были.

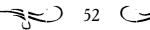
- Да ещё какие! Первым секретарём меня избрали в 1975 году. Но я до этого почти 10 лет проработал спе-циалистом, руководителем управления сельского хозяй-ства и знал уже досконально все болевые точки сельчан. Вот сейчас наши современные руководители всех уровней говорят: «Строительство - это локомотив, который создаёт новые рабочие места, новые производства, тянет за собой все другие отрасли». А мы это тогда уже знали на собственном опыте. И ещё я, к примеру, всегда знал, что один в поле не воин. Поэтому мы проводили чёткую кадровую политику.

В команде, в которой, благодаря судьбе, довелось мне работать, были люди высокого профессионализма, кремни, каждый из которых - личность. Возьмите В. Ф. Резникова. Ведь он первый в Советском Союзе на свой страх и риск, между прочим, внедрял и развивал в «По-беде» рыночные отношения. Получая сельхозпродукцию, в хозяйстве её сами перерабатывали и реализовывали. А тогда это сложно всё было. Звонили мне порой из высоких кабинетов и говорили: что там Резников спекулирует, продаёт яблоки и помидоры на Сахалин и на Камчатку... А я им в ответ: «Да он эти помидоры в первой построенной в крае теплице вырастил, а яблоки те в саду потом крестьян политы. Так что же здесь плохого?».

Новаторство легко не давалось, но у меня было на кого опираться. Вот вспоминаю: И. Г. Дьяконенко возглавил хозяйство из бригадиров, в современную «Ниву» и в её успехи много труда вложил, Н. И. Миренков и В. П. Мищенко были энергетиками, а стали умелыми руководителями «Дружбы» и «Кубани». А. Т. Кузовлев человек-глыба, славу «Колоса» не роняет и сегодня, А. Т. Кочегура - всегда с новаторским характером человек, которого никакие испытания не ломают. Его ЗАО «Привольное» тоже среди

1978 год П. П. Чубов вручает Почётную грамоту одному из лучших механизаторов района В. Г. Толокнову.

лучших хозяйств края и страны. А как не упомянуть И. Н. Переверзева, которого в Новоминской считают человеком-легендой, так много сделавшим для «Урожая» и для станицы.

Именно в 80-е годы мы сумели «разглядеть» и взяли вместе с Б. И. Репиным, председателем райисполкома и моим хорошим другом (который, к большому сожалению, ушёл из жизни), на работу в исполком Н. Д. Боеву. Лично для меня не было большим сюрпризом то, что она и в рыночных условиях стала толковым руководителем, возглавив одно из лучших перерабатывающих молочных предприятий в крае - фирму «Калория».

Я мог бы назвать десятки, сотни имён высококлассных механизаторов, животноводов, специалистов, с которыми мы работали рука об руку, активно укрепляя экономику района.

А строили мы тогда во многом тоже по-новаторски, порой на свой страх и риск. Так ведь какие кадры работали рядом со мной! Это и В. М. Дауров, тогдашний ру-ководитель управления сельского хозяйства, В. И. Земба - начальник отдела капитального строительства района, Н. И. Карпунин - возглавлял МСО, А. А. Куц - продвигал механизацию в районе. Риск заключался в чём? Все мы в крае работали в одинаковых условиях. Но край в целом планы по строительству не вытягивал. А мы смело за-кладывали объект за объектом. Ввязывались в бой, хорошо зная, что нужно жителям района, вовремя осваивая и сдавая объекты, получали плановое финансирование. К примеру, спортивный Дворец в «Победе», или здание редакции и типографии, или гостиницу и ресторан мы бы никогда не построили, не проявив инициативы. А взять Ледовый дворец. О нём вообще можно писать целую детективную историю. На Волжском трубном заводе у меня был руководителем близкий товарищ. Он нам и смонтировал всю металлическую часть Ледового дворца по чертежам такого же сооружения, которое мы «присмотрели» на заводе АЗЛК в Москве.

Ругали меня за этот Дворец тогда не раз. Впрочем, не только ругали, и не только за этот объект. В лихие 90-е я попал, как и 250 тысяч толковых управленцев по всей стране, под жернова российских хунвэйбинов. Хотели «пришить» даже дело, искали сберкнижки, которых никогда не было у меня. А был лишь этот дом, который мы с женой Людмилой Александровной приватизировали в числе, наверное, самых последних в районе. Ну да главное не это, а то, что всё построенное и сегодня работает для каневчан, и люди это помнят и ценят.

«У КАНЕВЧАН ОБЯЗАТЕЛЬНО БУДЕТ **ДОСТОЙНОЕ БУДУЩЕЕ!»**

- Но лихие 90-е прошли. Страна и край извлекли из них уроки. И вас они тоже не могли сломить. Вы возглавляете ассоциацию «Кубань молоко». Вам присвоено звание «Герой труда Кубани», вы стали первым Почётным гражданином Каневской. Жизнь - она не белая и не чёрная, она - разноцветная?

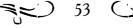
 Знаете, я по жизни - полный оптимист. И сегодня, с высоты прожитых лет, считаю, что у каневчан впереди только достойное будущее. Не может район с такими талантливыми, трудолюбивыми людьми быть где-то позади других. Внимательно слежу всегда за успехами родного района. Вот прочитал недавно в вашей газете: каневчане собрали лучший урожай в северной зоне края. Команду аграриев района, которую возглавлял на празднике Урожая в Краснодаре и. о главы района А. В. Герасименко, чествовали особенно тепло. Это и понятно. Ведь Каневской район собрал самое большое количество зерна среди районов Кубани, получив по 57,9 центнеров зерна с гектара. Радуют меня и преобразования к празднику района и станицы.

Вообще, основой всего и нашей российской нацио-нальной идеи в том числе, считаю, должна быть семья. Правильно, что у нас, на Кубани, сегодня крепко взялись за детский закон. Мы с женой Людмилой Александровной (которая не так давно, к моему горю, ушла от меня в мир иной), воспитали двух дочерей. У меня трое внуков и уже трое правнуков. Надеюсь, всё у них, как и у всей молодёжи района, будет хорошо.

А всем каневчанам я желаю добрых дел, добрых надежд и бодрости духа! Они многого стоят. Я вот по утрам обязательно делаю зарядку, не курю, и не мыслю себя без активной работы рядом с людьми. А это ведь и есть настоящая жизнь!

Снимки Д. ДЖУРЫ

Владимир САЛЬНИКОВ

□ Твои герои – Каневская!

ОПЕРЕДИВШИЙ СВОЁ ВРЕМЯ

е так давно, 5 сентября этого года, в станице Каневской, у бюста нашего прославленного земляка, бывшего председателя Каневского колхоза «Победа», дважды Героя Социалистического Труда, кандидата экономических наук Вадима Федотовича Резникова состоялся митинг общественности.

На нём было сказано немало добрых слов в адрес человека, ещё при жизни ставшего легендой. Поразительно, но всё сделанное В. Ф. Резниковым за свои семьдесят лет и сегодня не поддаются никакому измерению человеческих возможностей.

Однако феномен В. Ф. Резникова становится более понятным и близким, когда беседуешь с людьми, имевшим счастье и возможность видеть его в постоянных рабочих буднях, общаться с ним. Один из таких людей — ветеран войны и труда Василий Ильич Одновол. С ним мы и ведём наш неспешный разговор о Вадиме Федотовиче Резникове.

- Вы пришли в хозяйство чуть ли не в один день с Вадимом Федотовичем. Говорят, оно было тогда, в пятидесятых, отстающим в районе?
- Наше время и нынешнее не сравнить по накалу страстей. Я был тогда молодым скотарём, работал на ферме. Работы мы не боялись, поскольку пережили до этого страшную войну и радовались, что остались живы на фронте. Резникова в коллективе колхоза, помню, приняли хорошо. И за то, что поддержал наше предложение фронтовиков назвать колхоз мобилизующим словом «Победа», и за то, что по-человечески сказал, обращаясь к бывшему председателю Петру Петровичу Рева: «Я тебя не подвигал, не подсиживал, так там, на верху решили…»
- А был ли Вадим Федотович жёстким администратором? Что помогло ему сплотить коллектив и сделать «Победу» школой передового опыта в сельском хозяйстве всего Советского Союза?
- С высоты прожитых лет скажу так: «Резников человек, который, как бы у нас нынче выразились, сделал себя сам. Он обладал бесшабашной смелостью, которую воспитал в нём, думаю, фронт. Я ведь тоже фронтовик, и хорошо знаю что значит было заслужить в военном аду две медали «За отвагу».

А ещё у нас, среди фронтовиков, была добрая

Вадим Федотович Резников

зависть к его тяге к учёбе. Не каждый вернувшийся с фронта смог пересилить себя и сесть за учебники. А он взял да и пошёл учиться в Азово — Черноморский сельхозинститут, который успешно закончил в 1949 году.

- А как и в чём проявлялся у Вадима Федотовича талант организатора производства?
- Талант он ведь на дороге не валяется. Его надо было наработать. Вот Вы спрашивали про жёсткость. У Вадима Федотовича была особая жёсткость, экономическая. Он не воспитывал дисциплину криком, угрозами. За то мы все знали, почему в дополнительной оплате на каждый заработанный рубль у одного скотаря, или доярки стоит в ведомости 60 копеек, а у кого-то там 30. Экономика здесь была сугубо конкретной и зависела от надоев на ферме. Если я, к примеру, не отходил от доярок, пока они не окончат дойку и строго заботился, чтобы у бурёнок в стойле всегда было свежее сено, а кое-кто рубался в домино, как только доярки приступали к дойке, то и результаты ведь не могли быть, естественно, одинаковыми на фермах.

Вадим Федотович не терпел уравниловки в оплате труда. (А она, между прочим, и погубила, по большому счёту, экономику Союза!)

Не терпел он и «несунов», которые пытались украсть концкорма, или молоко. Но воспитывал он их при этом теми же экономическими методами: в милицию не сдавал, а лишал премии, или допоплаты.

- Большое видится на расстоянии, как сказал

бы классик. Талант организатора производства у Резникова состоялся ещё и потому, что он смело раздвигал привычные рамки и стереотипы существующей системы в сельском хозяйстве. Это так?

- Думаю, ему совсем непросто было это делать. По существу, в нашей «Победе» Резников на свой страх и риск, не боясь быть обвинённым в капиталистическом уклоне, опирался на рыночные отношения. Он одним из первых людей в Союзе понял, что колхозу экономически выгодней не просто производить продукцию, а её перерабатывать и реализовывать самим. Что сегодня является азбучной истиной.

А это как раз и помогло нашей «Победе» быстро подняться, стать многоотраслевым хозяйством с высокоразвитой культурой земледелия и животноводства. В каких только уголках страны не продавалась продукция полей и ферм колхоза «Победа»! У нас в коллективе ходила такая байка, что кое-кто за это Резникова называл даже спекулянтом. Но мы горой стояли за линию своего председателя, поскольку ощущали рыночные принципы руководителя на своих более высоких заработках, чем у крестьян из других хозяйств.

- А была ли гордость у победянцев за то, что у коллектива нашлась возможность и вносить, пожалуй, самый весомый вклад в социальную сферу в станице Каневской?

- Да она и сейчас есть, эта гордость. Мы, ветераны «Победы», когда собираемся вместе, часто об этом говорим. Не зря стоит в нашей станице памятник Вадиму Федотовичу. Посмотрите, сколько сделано им и коллективом «Победы» для людей! Это и жилые дома, и Дворец спорта, и Дворец культуры, и хуторские клубы, и лагерь труда и отдыха, и санаторий – профилакторий, и детский сад, и санаторий «Дружба» в Дагомысе.

По моему мнению, главный талант Резникова ещё и в том, что он никогда не замыкался только на производстве. Он был живой человек, со всеми присущими нам, людям, страстями и увлечениями. Очень любил кубанские казачьи песни. Это с его подачи организовался у нас казачий хор, в котором я сам пел более четверти века, пока позволяло здоровье. Причём, Вадим Федотович каждый год посылал нас обязательно на отдых в Дагомыс, чтобы мы и там попели, и отдохнули.

А как он увлекался футболом! Футболистов в команду ездил по полям и фермам собирать сам лично, агитируя их постоять за честь «Победы»! И ведь играли наши футболисты, как надо, гремели славой по всей Кубани.

Это при Резникове зародилась традиция поддержки ветеранов, пенсионеров в дни различных торжеств и юбилеев, которая живёт и поныне в хозяйстве.

Он прекрасно знал, что жизнь одним поколени-

ем не кончается и потому настоял, чтобы в коллективе у нас обязательно был свой музей. Он и нынче действует, и его всегда с интересом посещают люди, молодёжь.

Не скажу, что с Резниковым легко было работать. Но то, что интересно — это точно. Масштаб его личности как магнит притягивал к себе людей. Работать в «Победе» многие каневчане считали за честь. Скажу, к примеру, о своей семье. В «Победе» у меня более сорока лет проработала супруга Раиса Семёновна, здесь же трудятся трое моих сыновей, дочь Нина (сейчас ушла на пенсию).

Вадим Федотович прекрасно знал жизнь, производство, основы управления им. Не случайно рядом с ним выросли такие видные люди, как Виктор Григорьевич Чернов, работавший при Резникове главным инженером хозяйства, а потом руководивший районом, Виктор Петрович Тормашев, кому довелось работать главным бухгалтером в хозяйстве, а затем стать руководителем агрофирмы. Знаю, что и нынешний глава Каневского поселения В. Б. Репин тоже начинал при Резникове токарем, а потом был гидротехником в «Победе». Он, как и многие, всегда с благодарностью отзывается о производственной и жизненной школе Резникова.

Мы с Вадимом Федотовичем оба по возрасту — из 20-х . Но он рано ушёл из жизни. И я нынче понимаю почему. Нагрузки у него были колоссальные, многие связанные, как теперь говорят, с различными стрессами. Он ведь был не только выдающимся руководителем-хозяйственником, но и государственным деятелем. Шутка ли: четырежды избираться депутатом Верховного Совета СССР! Конечно же, думаю, что он видел, что там в верхах в последнее время образовался тот самый застой, и что его рыночный опыт в «Победе» не берётся широко на вооружение в стране. Поэтому и расстраивался. Да и перестройка, начатая Горбачёвым, по воспоминаниям П. П. Чубова, не вдохновляла В. Ф. Резникова.

- Надо дело делать, экономику преобразовывать, а они только болтают о каком – то ускорении, - говорил он в сердцах. – Доболтаемся, что и страну профукаем. Сегодня мы знаем, что, к сожалению, эти слова во многом оказались пророческими.

Думаю, что не только я поражаюсь вехам жизненной биографии В. Ф. Резникова. Вот смотрите: в семнадцать лет он уходит на фронт защищать Родину, в 24 года — учёный агроном, через два года — председатель колхозов «Новая жизнь», «имени Сталина», «Россия», директор Куйбышевской МТС.

А в возрасте Иисуса Христа, то есть в 33 года, становится председателем нашей «Победы», феномен которой ещё долго, считаю, будут изучать и нынешние, и будущие историки и аналитики.

Лариса Якименко

□ Наша гордость

КУБАНСКАЯ КАЗАЧКА – КОРОЛЕВА ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИНО

ародная артистка России, лауреат Государственной премии Людмила Зайцева – наша прославленная землячка – удивительная актриса. Всегда разная, и всегда восхищает, удивляет, радует. Умная, тонкая, глубокая актриса, виртуозно владеющая даром, очень сдержанно выражает самые напряженные моменты роли. Наверное, поэтому так запоминаются ее киногероини.

Малая родина Людмилы Васильевны – хутор Восточный Динского района, затем семья переехала в Усть-Лабинск. Ее родители работали в колхозе.

Зимой привозили кино из Новомышастовской. Это был огромный,

неведомый мир, и маленькая Люда смотрела фильмы Ивана Пырьева, влюблялась в героев экрана. Любимой актрисой тогда была Марина Ладынина. Так появилась мечта стать актрисой.

Несколько раз «штурмовала» Москву Людмила Зайцева. Возвращалась, работала на стройке в Таганроге, на заводе в Рязани и снова ехала поступать учиться «на артистку».

Потом стала студенткой, а в 1970 году закончила театральное училище имени Щукина при Вахтанговском театре, знаменитую «Щуку». С 1976 года в Театре-студии киноактера.

Для творческой манеры актрисы характерна пластичность внешнего рисунка, глубокая, хотя и неброская эмоциональность.

Самая первая картина — «А зори здесь тихие...», где Людмила Зайцева снялась в роли сержанта Кирьяновой, сделала ее знаменитой. Актрису снимали корифеи отечественного кинематографа: Станислав Ростоцкий, Василий Шукшин, Виталий Мельников, Ренита и Юрий Григорьевы, Владимир Венгеров, Витаутас Жалакавичус.

За фильм «Воскресная ночь» в 1977 году актриса получила приз Всесоюзного кинофестиваля.

Людмила Зайцева разборчива в выборе ролей – у нее гдето порядка сорока фильмов, но зато каких. Достаточно назвать «Здравствуй и прощай!», «Кадкина всякий знает», «Журавль в небе», «Я за тебя отвечаю», «Ливень», «Долги наши», «По следу властелина», «Ксения, любимая жена Федора», «Затерянные в песках», «Говорит Москва», «Маленькая Вера», «Транзит». Ее героинь зритель хорошо помнит и любит по телевизионным картинам «Цемент», «Строговы», «Дождь в чужом городе». Партнерами актрисы были Олег Ефремов, Георгий Бурков, Михаил Ульянов, Станислав Любшин, Владимир Самойлов, Борис Невзоров, Марк Прудкин.

Замечу, что в творческой биографии актрисы нет ни одной работы, ни одного фильма, за который было бы стыдно! Вот нет претензий к актрисе и человеку Людмиле Зайцевой, нет и все тут!

Героини Зайцевой – женщины с нелегкой судьбой, за внешней бравадой скрывающие душевную щедрость и трогательную беззащитность. Воплощение непримиримости видим в Шурке из картины «Здравствуй и прощай», исповедальную манеру игры у матери «Маленькой Веры».

Общепризнанно, что Людмила Зайцева является самой народной актрисой. Отличительная ее черта – достоверность. Настоящий артист служит народу. Даже имя, которое определяет сущность человека, как нельзя лучше подходит к актрисе. Людмила, в переводе со славянского, «милая людям».

Как большому художнику, Людмиле Васильевне присущи необычайные скромность и достоинство. Я лично знакома с актрисой в течении двадцати лет и знаю об этом не понаслышке. Даже свой юбилей великая русская актриса отмечает дома с родными и близкими. Увидев мужа актрисы, шедшего домой с букетом роз, и узнав о юбилее, популярный актер Стас Садальский в одной из московских газет дал поздравление Людмиле Васильевне с признанием ее актерского мастерства.

В 1986 году Людмила Зайцева за свою работу в фильме «Говорит Москва» стала лауреатом премии имени А. Довженко.

На первом фестивале «Созвездие89» в Твери актриса получила приз за художественное открытие нового социального типа за филигранно сыгранную роль матери в фильме «Маленькая Вера».

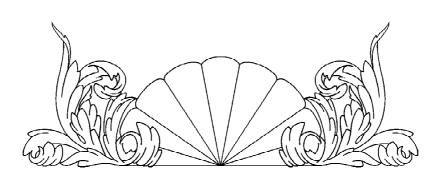
Людмила Васильевна Зайцева – выдающаяся русская актриса, самая русская по своему менталитету. Она – наша гордость, наша любовь. Имя актрисы вписано золотыми буквами в историю великого советского кино – лучшего в мире. Быть такой актрисой – Божий дар. У Зайцевой огромная популярность и любовь зрителей. И вместе с тем

полное отсутствие « звездной болезни».

Людмила Васильевна – прекрасно образованный, порядочный человек, личность яркая, мощная и вместе с тем тонкий, душевный человек. Человек, не торгующий принципами и убеждениями. Не торгующий именем и лицом. Не любит мелькать на экране, участвовать в тусовках. Считает невозможным сниматься в рекламе.

Муж Людмилы Васильевны – режиссер, сценарист, актер Геннадий Воронин – талантливый человек, снял прекрасные фильмы «Причал», «Два берега», «Баллада о старом оружии», «Мария Магдалина». Хорошо владеет пером. В картине «Праздники детства» сыграл роль мужа главной героини, в роли которой снималась Людмила Зайцева. За эту роль Марии (прообразом этой героини была мать Василия Макаровича Шукшина) в картине «Праздники детства» актриса была удостоена государственной премии СССР, а земляки Шукшина назвали ее «Алтайской Мадонной».

Как часто случается с актрисами, они повторили судьбу своих экранных героев: Людмила Зайцева и Геннадий Воронин стали мужем и женой в жизни. У них выросла дочь Василиса, закончившая ВГИК (мастерская Анатолия Ромашина — Виталия Соломина) и ставшая актрисой. Василиса Воронина тоже хочет пройти свой путь в жизни и в искусстве. Зять тоже актер, подрастает внук. Вполне возможно, будет преемственность поколений, что и радует, ведь талантливых людей должно быть больше, особенно в искусстве.

Валентин ЦВЕТКОВ

<u> К 65-летию Победы</u>

ПРИДОРОЖНАЯ ЖИЗНЬ

ван Петрович Сторчак нередко звонит или заходит ко мне в гости. Коренной каневчанин, он искренне интересуется историей своей малой родины, многое знает сам и увлечённо об этом рассказывает.

В детстве он жил недалеко от железнодорожной станции. В компании с такими же, как и сам, пацанами излазил все окрестности и считает, что слышал, видел и пережил значительно больше, чем «центровики».

Особые впечатления в памяти осели на всю жизнь о военном времени — отступлении и наступлении наших войск, фашистской оккупации, восстановительном периоде. И. П. Сторчак в долгих беседах со своими друзьями детства постарался восстановить небольшой кусочек истории станицы Каневской и, как сумел, расска-зал о нём. Детские воспоминания по-своему доносят до наших современников события тех дней и месяцев.

Стратегически важными объектами для воюющих сторон в Каневской были такие, как железнодорож-ная станция, элеватор, нефтебаза и машинно-тракторная станция. Все они находились недалеко друг от друга и привлекали внимание как инженерно-технических войск, так и авиации.

Под особым «контролем» местных пацанов были железнодорожные составы, следующие через Канев-скую в обоих направлениях. На север паровозы тянули за собой вагоны с личным составом и боевой техникой. Закреплённые на платформах танки, пушки, автомобили американского производства всегда были накрыты маскировочными сетками. Босоногие мальчишки встречали и провожали все поезда. Они угощали военных фруктами, овощами, а взамен получали от них то, что имелось в вещмешках - кусочки сахара, в редких случаях — конфеты, а то и карандаши, тетради.

На юг шли другие составы. В них большей частью были вагоны с обгоревшими каркасами. Баббитовые вкладыши колёс от высокой температуры обычно выплавлялись, и скрип был слышен издалека. На него-то и стягивались к вокзалу юные станичники, зная, что на платформах находится собранное на полях сражений оружие — винтовки с

обгоревшими прикладами, изуродованные пулемёты, автоматы. Те, кто был постарше, выбирали из кучи винтовки получше, даже патроны неиспользованные находили, и с трофеями убегали в сады.

Там детские игры в войну проходили почти повзрослому. Винтовку привязывали к дереву, от спускового крючка подальше протягивали верёвку и дёргали за неё. Если выстрел получался удачным, стреляли от плеча. Всегда обходилось без жертв. К счастью. Стреляли до тех пор, пока какая-либо из матерей, не услышав знакомую канонаду, не приходила на «полигон» и не разгоняла всех по домам. Изъятое оружие и боеприпасы женщины топили в туалетах. В стрелянных латунных гильзах от гаубиц, закопав их предварительно в землю, взрослые нередко хранили керосин. Из более мелких делали осветительные лампы.

Беженцев в военные годы в станице Каневской и районе насчитывалось много. Железнодорожные составы, проходящие на юг, были облеплены ими. Они сидели и внутри обгоревших вагонов, и на крышах уцелевших. Некоторые в силу различных обстоятельств — бомбёжки, отсутствия пищи, доброжелательного отношения местных жителей — дальше станций Албаши, Деревянковка и Каневская не ехали.

Один из ходовых маршрутов немецкой авиации пролегал по территории Каневского района над железной дорогой Староминская – Тимашевская. Летчики чаще охотились за составами, продвигавшимися на север, но не оставляли в покое и те, которые двигались в обратном направлении. Предпочитали бомбить поезда на железнодорожных станциях. Научившись по гулу двигателей различать самолёты свои и чужие, мальчишки в случае опасности быстро удалялись от железной дороги. Пассажирам – солдатам ли, беженцам – выбора не было, и они обычно убегали в лесозащитную полосу, что была западнее железной дороги. В первом заходе немецкие лётчики сбрасывали бомбы на пристанционные пути, во втором - в лесополосу, в которой прятались люди.

После очередной такой бомбёжки, оставшись без средств передвижения, сотни беженцев вынуждены были остаться в Каневской. В основном это были жители Ленинграда и спасающиеся от немцев евреи.

- Одна из пострадавших пассажирок с сыном Женей попросилась к нам, – вспоминает Иван Петрович Сторчак. – Вместе мы прожили до конца войны, а потом их нашёл муж и отец – офицер в морской форме, и семья, как оказалось – еврейская, уехала в город на Неве. Родители мои очень рисковали, конечно, укрывая таких беженцев, но иначе, видимо, поступить не могли. В пятидесятых годах эта семья приезжала к нам в Каневскую, бла-

годарила за спасение. Ответный визит в Ленинград совершили и мы, а в конце восьмидесятых годов еврейская семья перебралась в Израиль. Сначала переписывались, разговаривали по телефону, а сейчас к услугам знакомых — Интернет.

Отдельной страницей в серии воспоминаний стоит бронепоезд. Когда он появился на железнодорожной станции Каневская, радости мальчишек не было предела. Они не только ходили вокруг него, трогали руками, но и за «взятку» — фрукты и овощи — сумели попасть «на экскурсию» внутрь.

Во время налёта немецкой авиации бронепоезд уходил на перегон, отстреливался зенитными установками и, получив разного рода повреждения, оставался всё-таки на ходу. Последний его поход был от Каневской в сторону Стародеревянковской. Отстреливаясь на ходу, он набирал скорость, а мальчишки — босые, в одних трусах, сшитых матерями из военных плащ-палаток, — бежали вслед до переезда. Когда поезд скрылся за поворотом, все гурьбой рванули до больницы, чтобы оттуда наблюдать за поединком наземной и воздушной техники.

Десятки немецких бомбардировщиков, делая заход за заходом, сбрасывали и сбрасывали бомбы на бронепоезд. Досмотреть до конца неравный поединок ребятам не дали их матери — хворостинами разогнали по домам. Тем из них, кто пас коров за пенькозаводом, в районе железнодорожного моста, — Василию и Николаю Меркуловым, Степану и Григорию Дорошенко, Жоре Дубине «повезло» больше — они наблюдали трагическую картину до конца. Наш бронепоезд был уничтожен за железнодорожным мостом, ближе к станице Стародеревянковской.

Летом 1942 года, когда враг всё ближе подходил к административной границе Каневского района, поступило распоряжение — не оставлять немцам ничего ценного. Общественный скот перегнали в глубокий тыл, небольшие по объёму ценности закапывали в землю, остальное взрывали и сжигали. Мальчишкам оставалось лишь быть свидетелями деяний взрослых.

Основной их обязанностью был выпас домашних коров. Чаще всего бурёнок гоняли к реке Челбас в район железнодорожного моста. Там и трава была сочная, и воды много. Однажды к мосту подъехали два паровоза «Иосиф Сталин». Путевые бригады что-то непонятное для пастушков делали – стучали кувалды, работала сварка, тудасюда сновали люди. Потом сцепленные паровозы запыхтели, тронулись, волоча за собой на тросу самодельное металлическое приспособление, напоминавшее клин с двумя наконечниками-резаками. Ломавшиеся деревянный шпалы разлетались в разные стороны, рельсы гнулись.

Так был «вспахан» путь до самого переезда на Привольную, где агрегат сломался, и его отбросили на восточную сторону насыпи. По форме он напоминал трусы, и злые языки, ставшие в период оккупации полицейскими, шушукались: «Сталин потерял, убегая от немцев». На воздух, чтобы не служил захватчикам, взлетел и железнодорожный мост через реку Челбас, что между Каневской и Стародеревянковской.

- Немцы вместе с румынами в Каневскую вошли тихо, без единого выстрела, также и ушли, — рассказывал Иван Петрович Сторчак. — Был интересный случай в период второй пересменки. Немецкие солдаты на телеге, запряжённой парой лошадей, поехали за рыбой в Привольную. Отоварились, выпили хорошо, заночевали. Утром следующего дня вернулись в Каневскую, а на переезде их встретили уже красноармейцы...

Пятого февраля 1943 года мать разбудила Ивана рано: «Вставай, наши пришли!». Одела его потеплей и отправила к бабушке на соседнюю улицу. По привычке, выработанной во время оккупации, пошёл через огороды и сады по протоптанной тропинке. Когда зашёл на подворье Кваши, увидел советских солдат, кучкующихся у походной кухни. От котла шёл приятный запах, остановивший мальчишку. Солдаты пригласили его в свой круг, начали расспрашивать о житье на оккупированной территории, угощать кашей, но он засмущался и убежал к бабушке.

Непросто жилось каневчанам в военное время и в первые мирные годы. И.П. Сторчак хорошо помнит, что печи — летом на улице, а зимой в хате — топили всем, что горело: соломой, камышом, бодылкой кукурузной, шляпками подсолнечника, кураём. Самым ценным горючим материалом являлся, конечно, формованный и высушенный коровий навоз — он давал много тепла и жара.

Зимой, если огонь в печи затухал, надо было занять жару у соседей. Накладывали в ведро (кастрюлю, сковородку) мелких дровишек, кизяка и шли в ту хату, из трубы которой шёл дым. Если это дело поручалось кому-то из детей, они выбирали хозяйку не злую и не крикливую. Та совком из печи доставала горящие угли, насыпала в принесённую тару, и посол бегом возвращался домой. Печь быстро разгоралась, из трубы начинал валить дым, и уже на него заспавшиеся подольше шли за жаром для себя.

Курящие мужчины всегда имели при себе «крысало» – металлическую трубку с вложенным в неё фитильком из ваты, завёрнутый в тряпочку кусочек крепкой гальки — «кремень» и металлическую шину. С помощью этих предметов не без труда, конечно, приходилось добывать открытый огонь для прикуривания трубки с табаком.

- После освобождения Каневской через станицу на фронт какое-то время шли части многих родов войск, – рассказывал мой энергичный собеседник, Иван Петрович. – Солдаты ночевали в натопленных хатах на глинобитном полу, укрытом соломой. Рано утром по команде они быстро поднимались и шли дальше, а мы перебирали солому, в которой находили обронённые патроны, а иногда и целые обоймы, шомпола, карандаши и, что бывало совсем редко, – самодельные из гильзы зажигалки. Радость от находок была большой и искренней.

Мальчишки использовали мужской огневой набор для розжига костров. Сначала от фитиля загоралась бумажка, от неё — сухая трава, а потом и ветки. Технологию иногда упрощали, используя порох, изъятый из патронов и снарядов. Риск был и немалый, но об этом как-то не думали. Зато какой вкусной получалась запечённая в мундире картошка! Даже без соли, потому что и она была в дефиците.

Еду, если откровенно, перебирать не приходилось. Нечего было перебирать. Голод, который, казалось, никогда не проходил, утоляли тем, что попадало под руку. В степи находили молочай, стебли которого становились сладкими, если их покатать в ладошках. За милую душу шли семена калачиков, трава «козельчик», соцветия белой акации, внутренняя сладкая масса стрючков колючей

акации. На речках выдёргивали рогоз, и пищей становились сладкие корешки и стебли. В гнёздах водоплавающих птиц частично изымали яйца. Дома родители разнообразили рацион макухой — этот подсолнечный жмых распаривали и добавляли в кукурузные лепёшки. Ягоды тёрна, собранные в степи, сушили на зиму для компотов, варили также тростниковый мёд. Пойманные в водоёмах раки и рыба, коровье молоко — вообще были «праздничными» продуктами.

Когда линия фронта переместилась подальше от Каневской на северо-запад, потребовалась исправно действующая железная дорога. Но мост перед оккупацией был взорван, а путь от него в сторону райцентра повреждён. Выход, как это часто бывает в нестандартных ситуациях, нашли несложный по исполнению и недорогой по затратам.

Параллельно основной насыпи с восточной её стороны от железнодорожной казармы, что находилась за пенькозаводом, до реки Челбас, проложили временную железнодорожную ветку. Через водную преграду сделали деревянный мост (сваи в русле реки можно видеть и сейчас, спустя 67 лет), и на правобережье временный путь соединили с основной магистралью.

Эту грандиозную для военного времени стройку «контролировали» юные жители близлежащих

На снимке: компания друзей, 1955 г.

кварталов. Пасли коров, наблюдали за ходом выполнения работ, дискутировали в своём кругу, а вечерами новую информацию доносили до родителей. Те, в свою очередь, на следующий день делились ею с теми, кто работал рядом. Станичное «радио» всегда было оперативным и массовым.

На станции Каневская в годы войны всегда дежурил паровоз. Каждый раз он пристраивался в хвост составу, который шёл на север, и двойной тягой вагоны по временной ветке легко преодолевали крутой подъём на правом берегу Челбаса. На ровной местности толкач отцепляли, и он возвращался на место постоянной прописки.

Такими поездами в обоих направлениях частенько пользовались мальчишки. Они умудрялись на ходу садиться на платформу, доезжали до моста, спрыгивали, ловили раков - есть хотелось всегда и тем же способом с мешками-рюкзаками за плечами возвращались в Каневскую. В такие дни дома всегда был хороший ужин.

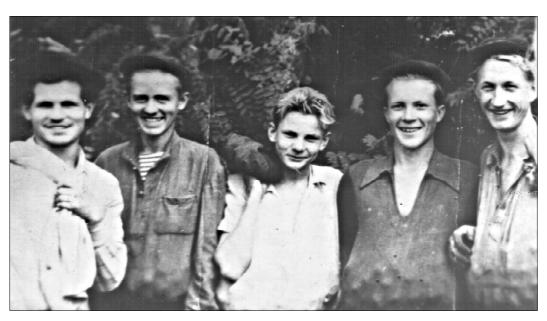
Тяга к учёбе у детей войны была всегда. Очень многие успешно окончили не только среднюю школу, но и техникумы, институты. Витя Тимошенко, Володя Нижник, Великодный (имя мой рассказчик, к сожалению, забыл) стали военными лётчиками. Великондый, кстати, окончил Ейское авиационное училище морской авиации и стал летать на одномоторном военном самолёте.

И.П. Сторчак и другие товарищи молодого и отчаянного лётчика хорошо помнят его встречи с матерью, которая жила на улице Таманской в районе лесного и угольного складов. Иногда Великодный прилетал в Каневскую и кружил над домом родителей до тех пор, пока мать не выходила во двор. Женщина поднимала голову вверх, приветствовала сына взмахом руки, он сбрасывал в свёртке подарок и улетал на аэродром.

Так повторялось несколько раз. Но однажды матери Великодного не было дома. На открытую площадку вышла соседка, посмотрела на пролетающий в очередном заходе самолёт и развела руки в стороны, мол, нет твоих дома. Он сделал отмашку – ничего страшного, сбросил очередной свёрток, убедился, что его подняли и полетел дальше. Мелочь вроде бы, а какая в этом поступке любовь к родителям, забота о них!

Дети войны, на себе испытавшие многие трудности человеческой жизни в экстремальных условиях, став взрослыми, не растеряли лучшие свои качества – доброту, любовь к ближним, уважение к старшим, честность, трудолюбие. Толя Мосьпан стал директором Тбилисского сахарного завода, Толя Перекотий – начальником цеха КИПа, а Гриша Кваша – сменным инженером Каневского сахарного завода. Газификацией станицы Каневской в своё время руководил Саша Проценко. Коля Шустов стал юристом, Саша Карпенко – агрономом. В сельскохозяйственных и на промышленных предприятиях трудились механиками Толя Краснов, Толя Карпенко и Гена Пугачёв, главным механиком – Иван Сторчак.

Все они и другие мальчишки, выросшие в Каневской рядом с железной дорогой, за исключением покинувших этот мир, - пенсионеры. Иногда встречаются, вспоминают нелёгкое своё детство и радуются нынешней жизни. Главное в ней – мир. Всё остальное – материальное благополучие, психологический комфорт – можно создать самим. Для себя, семьи и общества. Надо только, чтобы и общество к этому стремилось.

На снимке: второй справа – Гумбаров Анатолий Дмитриевич

Людмила КОВАЛЕНКО

поединок

между немецким снайпером мужчиной и советской девушкой-снайпером из Каневской

65 лет прошло с того памятного дня, когда закончилась Великая Отечественная война 1941-1945 годов. Но в памяти народа она будет жить долго. Старшее поколение, видевшие и участвовавшие в этой кровавой бойне, будут передавать своим детям, внукам и правнукам рассказы о том, как воевали, кто воевал, как жили и работали в то время. В числе воевавших было немало наших земляков-каневчан. Зинаида Марковна Яковенко (Иващенко) была одна из тех молоденьких девушек, которые встали на защиту Отечества в грозные годы войны.

Среди первых каневчан, а их было свыше 1200 человек, ушедших в первые дни войны, семнадцатилетней девушки Зины Иващенко не было. Как она не упрашивала ответственных работников на призывном пункте в Каневской отправить ее на войну с фашистами, Зинаида получила отказ. Тогда она попыталась сбежать на фронт. Не удалось. Отец вернул домой. Еще одна такая попытка тоже не увенчалась успехом.

Тогда не умеющая сидеть в унынии, активная, жизнелюбивая девушка вместе с сотнями других молодых каневчан пошла работать.

Заменив ушедших на фронт мужчин, они выполняли любую тяжелую работу: собирали урожай зерновых, овощей, фруктов, работали в мастерских.

А в свободное время женщины и девушки станицы вязали варежки, носки, перчатки, шили кисеты и отправляли посылки солдатам на войну. Зинаида Иващенко принимала в этих мероприятиях самое активное участие.

Заканчивался 1941 год. Враг продолжал наступать от севера до юга. Он рвался к южным месторождениям нефти и к лету 1942 года вплотную подошел к границам Кубани. К этому времени девушке исполнилось 18 лет. Ее все еще не покидала мысль уйти на фронт бить фашистов.

2 июня 1942 года ее желание исполнилось. Она добилась своего и добровольцем ушла на фронт. Боевой путь каневчанки начался на Северо-Кавказском фронте. Пройдя краткосрочные курсы,

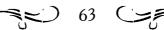
Зинаида Марковна Яковенко (Иващенко)

Зину направили в разведроту 883 стрелкового полка 295 стрелковой дивизии. Невысокого роста, хрупкая красивая девушка столкнулась с ужасами войны. Но ее задача была пока не бить фашистов, а доставлять их в штаб части, как говорится, брать «языков», совместно с другими разведчиками они привели таких несколько десятков. А прошло-то всего несколько месяцев.

Шел октябрь 1942 года. В одном из рейдов Зинаиду ранило. Ей пришлось лечь в госпиталь города Нальчика.

Залечив раны, боец Иващенко получает новое назначение – санинструктора в своем же 883 стрелковом полку. В окопах Зина не отсиживается, она всегда на передовой, там, где идут бои. Она вытаскивает раненых с поля боя, оказывает им первую помощь.

В одной из таких операций Зину снова ранило. И опять госпиталь, но теперь уже в Буйнакске. Здесь в госпитале судьба свела ее с Героем Советского Союза снайпером Людмилой Павлюченко.

И Зина решила овладеть искусством сверх меткой стрельбы. В марте 1943 года девушка стала курсантом снайперской школы Северо-Кавказского фронта.

Закончив курсы в июле того же года, Зинаиду направляют снайпером в 665 стрелковый полк 216 Краснознаменной дивизии 4-го Украинского фронта. Не прошло и полугода, как Зинаиду Иващенко в третий раз ранило. Опять госпиталь, опять залечивание новой раны.

Четыре месяца продолжалось лечение, и война, кровавая и жестокая, тоже еще продолжается.

Снайпер Иващенко получает новое назначение. В 5-й гвардейский стрелковый полк Волховаховской стрелковой

дивизии. В течение девяти месяцев ее полк сменил несколько фронтов: 4-й Украинский, 3-й Белорусский, 1-й Прибалтийский...

В Каневском историко-краеведческом музее имеются очень ценные экспонаты — уникальные документы военных и послевоенных лет на имя Иващенко Зинаиды Марковны. Это справки, удостоверения, анкета, карточки, автобиография и другие. Некоторые из них написаны красивым почерком самой Зинаиды Марковны.

Вот две пожелтевшие от времени справки от 16 сентября 1943 года и 27 ноября 1943 года. Они о том, что гвардии рядовая Зинаида Марковна Иващенко приказом по 665 стрелковому полку 216 Краснознаменной дивизии от 12 августа 1943 года награждена медалью «За отвагу».

Еще одна справка, написанная 17 октября 1944 года, сообщает, что красноармеец Иващенко Зинаида Марковна приказом от 26 сентября 1944 года награждена орденом Славы III степени. К сожалению, среди этих документов нет приказа о награждении, из которого мы могли бы узнать, за что девушка-снайпер получила эту военную награду. Но сохранилась официальная информация об одном очень интересном эпизоде боевых действий снайпера-каневчанки. Она описывает дуэль между немецким снайпером мужчиной и советской девушкой- снайпером, которая произошла в конце лета 1944 года.

...Полк, в котором служила 20-летняя Зинаида Иващенко, стоял в районе литовского города Шяу-

На снимке 3.Иващенко третья справа

ляй. На участке фронта появился вражеский снайпер. Немец был опытным стрелком. Он причинял нашим войскам немало бед. От его метких выстрелов ежедневно гибли советские воины: связные, командиры, наблюдатели.

Гвардии красноармеец Иващенко получает срочный приказ командования — уничтожить фашистского снайпера.

Снайперы всегда работали в паре — наблюдатель и стрелок. На этот раз у Зинаиды напарника не было. Командование доверило такое ответственное задание девушке- снайперу потому, что знало ее как очень меткого опытного стрелка.

Получив приказ, Зинаида стала готовиться к его выполнению. Два дня оборудовала позиции: вырыла шесть окопов, два из которых во весь рост. К каждому окопу проделала ходы сообщения. Тщательно выполнила маскировки позиций. В двух окопах установила парные чучела, имитируя тем самым якобы работу снайперских пар. Причем с помощью проволоки, чтобы сбить с толку вражеских снайперов, они выполняли несложные движения – небольшой подъем головы, руки. И вот все готово. Девушка приступила к наблюдению. Прошли сутки, результата нет. Немец как в воду канул. Видимо, он заметил некоторые движения Зинаиды и понял, что за ним стали охотиться.

Засечь снайпера, вернее, определить его место нахождения можно только по выстрелу. Для этого применялись различные ухищрения. Среди них главную роль отводили чучелам. Но фашист мол-

чал. Положение осложнялось еще и тем, что впереди росли кустарники, из-за которых видимость была очень плохая. Однако был приказ, и гвардеец Иващенко обязана его выполнять. Вторые сутки она не выходит из окопа, тщательно ведет наблюдение с раннего утра и до темноты.

Вдруг Зина заметила какое-то движение в предполагаемом месте действия немецкого снайпера. Показалась и тут же исчезла фуражка офицера противника. Потом он высунулся по пояс, держа в руке бинокль.

Сильно застучало сердце у советской девушкиснайпера. «Ага, попался», - молниеносно пронеслось у нее в голове, и она мгновенно нажала на курок. Когда же выстрел прозвучал, она поняла, что немец обманул ее. Это было чучело вражеского снайпера. Она выдала себя. Она понимала, что это нервы, напряжение, но простить себе проявленную оплошность не могла.

Наступило третье утро поединка. Низкое северное солнце выглядывало сквозь грязно-серые облака, подул зябкий сырой ветер, но девушка продолжала слежку. Она понимала, что враг силен, опытен и уж наверняка понял, что за ним идет охота. Она понимала также и то, что сейчас ей нужна предельная четкость действий, выдержка и терпение. Это заставило ее быть более решительной, настойчивой, осторожной.

Солнце поднималось все выше, разгоняя тучи. Начал стихать ветер. И вдруг совсем рядом, метрах в 50-60 слева от нее прозвучал выстрел. Вражеская пуля попала в каску чучела-снейпера в сменном окопе.

- Ну вот, - подумала Зина, - и фриц выдал себя.-Не выдержал.

Она посмотрела на часы. Шел 10-й час утра. Собрав свои силы, она пристально стала вглядываться туда, где только что прозвучал выстрел. Но там стояла тишина и не было никаких движений. Стрелок исчез.

Зина продолжала наблюдение. К вечеру за кустом что-то опять мелькнуло. На мгновение показалась голова врага. Зина затаила дыхание. Сердце застучало так, что казалось его слышно было во вражеском окопе.

- Выдержка, выдержка, - вспомнила она слова своей наставницы Павлюченко. И стала успокаиваться.

И тут во второй раз Зина увидела голову фрица. Теперь он задержался чуть дольше. Иващенко не стреляла. Прошло еще некоторое время, и немец в третий раз высунулся из своего укрытия. Теперь он держал в руках бинокль. И в это мгновение его настигла пуля девушки-снайпера. Это был

46-й уничтоженный Зинаидой Иващенко враг — опасный и коварный фашист. Так закончился поединок между снайпером-мужчиной из вражеской армии и снайпером-девушкой нашей землячки, защищавшей свою Родину.

Наступил новый 1945 год. Шел четвертый год жестокой войны. В одном из боевых действий Зинаиду ранило в четвертый раз. Лечение в госпитале продолжалось три месяца, а после него она стала командиром отделения 9-го армейского запасного полка 2-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта. В его составе снайпер из Каневской Зинаида Иващенко и встретила под Кенигсбергом долгожданный День Победы, а в августе 1945 года свою геройскую дочь встречали в родной станице...

7 июля 2010 года сотрудники Каневского районного историко-краеведческого музея организовали вечер памяти своей землячки Зинаиды Марковны Яковенко (Иващенко).

На этот необычный торжественно-печальный праздник были приглашены родственники, друзья, боевые подруги Зинаиды Марковны. Были на нем и представители совета ветеранов, отдела культуры, районного архива, средств массовой информации.

Вечер прошел в доброй душевной атмосфере. Большую помощь в его организации и проведении оказали главный специалист отдела культуры Наталья Николаевна Чекмарева, специалист архивного отдела районной администрации Валерий Павлович Костров, директор межпоселенческой библиотечной системы Светлана Витальевна Пархоменко, ансамбль казачьей песни парка имени 300-летия Кубанского казачьего войска «Играй, гармонь».

Вечер памяти девушки-снайпера из Каневской был широко освещен в районных газетах, на телевидении, на интернет-портале.

Сотрудники районного музея выражают отдельную благодарность дочери Зинаиды Марковны Галине Андреевне Кравченко, предоставившей о своей матери много интересных документов, которыми пополнился фонд музея.

Александр ДЕЙНЕВИЧ

O BETEPAHE

абота по организации музея истории народного образования в средней школе № 43 имени Героя Советского Союза П.Г.Гуденко, который в наступающем 2011 году отметит свое 25-летие, познакомила меня со многими замечательными людьми, бывшими в разное время выпускниками этого старейшего учебного заведения Новодеревянковского сельского поселения. Особый отдел этой музейной комнаты посвящен ветеранам Великой Отечественной войны, тем, кому в лихую годину испытаний пришлось с оружием в руках защищать от захватчиков родную землю.

Свидетельство об окончании неполной средней школы станицы Новодеревянковской, которое я держу в руках, уникально. И тем, что оно выдано 15 июня 1938 года, и тем, что «при отличном поведении» знания по всем двенадцати предметам оценены «отлично» и, главное, тем, что мы еще имеем счастливую возможность поговорить с его хозяйкой.

-Я и сегодня, 72 года спустя по окончании школы, с благодарностью вспоминаю своих учителей, говорит Клавдия Кирилловна Фомина (до замужества Грицай). — Они нас учили не только грамоте, но и труду, умению быть готовым к защите Родины. И дали нам такую путевку в жизнь, что мы смогли выстоять и пережить все трудности...

Свидетельство «с золотой каемкой», как тогда называли такой документ, давало право первоочередного получения профессионального образования и вчерашняя школьница поступает в Ростовс-

кий-на-Дону кооперативный техникум. Учеба давалась легко, но без друзей, без родной станицы было скучно и Клава пишет отцу: «Скучаю, хочу домой». Дмитрий Никитович, бывший в колхозе конюхом и прицепщиком, ответил: «Если хочешь учиться, то учись, а нет — так приезжай и будешь в колхозе коням хвосты крутить...-Работы хватит».

-Я тогда прижухла, - смеется Клавдия Кирилловна, - отбросила скуку в сторону, приналягла на учебу, стала заниматься спортом, ходила стрелять в тир, училась в санитарной дружине и везде была первой. Поняла, что надо в жизни самой место себе

пробивать.

Время в стране, строившей новую счастливую жизнь, летело быстро, и вдруг, как поется в известной песне, «о том, что началась война, сказал нам Молотов в своей известной речи...»

Война сломала все планы мирной жизни. Выпускники техникума быстро сдали экзамены и были распределены по работам. Клава попала в Волошинский райпотребсоюз на должность инструктора.

Шли первые месяцы тяжелой кровопролитной войны. Фронт приближался. Весной 1942 года Центральный комитет комсомола с призывом «Девушки! Вас ждет флот!», объявил набор комсомолок на Черноморский флот. Комсомолка Грицай обра-

щается в райвоенкомат с заявлением о зачислении в ряды Красной Армии и направляется на учебу в школу связи.

- Попасть в учебный центр оказалось не так-то просто, - вспоминает Клавдия Кирилловна. - Отбор проводился в Кабардинке, под Новороссийском. Кроме отменного здоровья и образования не ниже среднего, необходимо было иметь отличное зрение и прекрасный слух. Из более двух тысяч девушек-добровольцев были отобраны и зачислены в школу связи только 500 человек. Нас сразу же переодели в военно-морскую форму и коротко постригли.

7 июня 1942 года по прибытии в Анапу, где базировался учебный отряд, девушкам присвоили воинское звание «краснофлотец», а 28 июня в присутствии всего личного состава, они приняли присягу.

Так началась военная биография Клавдии Грицай. Вместе со всеми она прошла курс молодого краснофлотца, участвовала в боевых стрельбах, несла караульную службу. Девушки изучали уставы, военно-морское дело, флажный семафор, тренировались в приеме на слух, в передаче на ключе...

1 июля немецкие самолеты начали регулярную бомбежку Анапы. От бомб укрывались в бомбоубежище под камбузом. Мужчины краснофлотцы были направлены на фронт в действующие части. В конце месяца, в связи с продолжающимися бомбежками города, школа связи эвакуируется в Геленджик, а затем переводится в Батуми. Из Геленджика уходили ночью, прошли пешком 120 км. И в декабре 1942 года, уже в Кутаиси, учебный центр делает первый и единственный выпуск девушекрадисток.

Клавдия Кирилловна направляется связисткой службы наблюдения и связи на Главную военноморскую базу Черноморского флота:

-Мы обслуживали Черноморский флот и бере-

Май 1942 года

говые базы, обеспечивали связью защиту и освобождение Новороссийска и Керчи. А в конце 1943 года в составе флота принимали участие в поддержке нашей армии во время крупного десанта через Керченский пролив...

Этот десант, вошедший в история Великой Отечественной войны как Керченско-Эльтигенская десантная операция, привел к захвату плацдарма на Крымском полуострове, в результате чего с перекопского направления были оттянуты значительные силы противника и сорвано его намерение нанести контрудар по наступающим войскам Четвертого Украинского фронта. Захва-

ченный Керченский плацдарм был использован в дальнейшем при освобождении Крыма и героического Севастополя.

- Служба наблюдения и связи была под постоянным обстрелом немцев, - продолжает Клавдия Кирилловна. - Ведь мы обеспечивали командование связью и наблюдением за воздухом и морем, а своевременное обнаружение и оповещение флота о воздушном нападении противника и приведение всех сил флота в боевую готовность срывало планы гитлеровцев. Порою сутками и более, с большим напряжением, приходилось стоять на вахте, ибо от тебя зависели жизни сотен людей, сохранность кораблей и самолетов. Связисты Черноморского флота принимали участие в героической обороне Одессы и ее освобождении, защите легендарного Севастополя и изгнании из него немецких захватчиков, обороне Новороссийска и Керчи, освобождении их от фашистов, защите Кавказа, обеспечении десантных операций в Феодосию и Озерейку, на Малую Землю и в Николаев. И так до конца войны.

После разгрома Германии началась война с империалистической Японией, служба связистов на флоте была продлена и только в апреле 1946 года девушки-связистки попадают под демобилизацию.

Тяжело было терять боевых друзей и однополчан. Но еще тяжелее переживать гибель родных и близких людей. Младший брат отца Иван Никитович Грицай погиб в начальный период войны в декабре 1941 года, другой брат Дмитрий Никитович воевал, но пришел с фронта живым. А о смерти отца Клава узнает только в начале 1945 года из письма мамы Анны Поликарповны. Старшина 91-го гвардейского полка Кирилл Никитович Грицай погиб 21 апреля 1944 года в боях за освобождение города Севастополя.

-Самым обидным было то, что мы воевали рядом, на одном участке фронта, и не знали об этом. Я разрыдалась, и ко мне подошел старшина из другой части, спросил, что случилось, вытер мне своим платком слезы. Проявленная чужим человеком забота и теплота потрясли. За годы войны мы стали забывать о нормальных человеческих отношениях. Жесткая дисциплина, строй делали свое дело. Когда нас призвали, то сразу объявили: «Забудьте, что вы девушки. Вы матросы и пришли защищать Родину. А когда победим, у вас будет все: и танцы, и радости...» И не знала я тогда, что ко мне подошла сама судьба.

Старшина Фомин показался Клаве много прожившим, солидным человеком.

-Стою я на вахте, выполняю свое задание, а сама нет-нет, да и гляну, а где же Саша? А он увидит меня: «Ну, что, арапчонок (а я смуглая была,

загорелая, и он меня так поддевал), скоро поедем на Кубань, война кончается...» А я ему в ответ: «А вам что делать на Кубани?!». И оказалось, что онто старше меня всего на один год.

Когда уже наши сыновья стали взрослыми, он им сказал: «Ваша мама была гордой девушкой, два года я к ней присматривался, пока она дала согласие».

Дважды касалась старшину Александра Фомина смерть своим черным крылом: 14 мая 1942 года под Севастополем, когда при бомбежке тонул корабль и из тысячи матросов в живых осталось одиннадцать человек и 6 октября 1943 года, когда под Керчью фашисты пустили на дно три наших корабля.

Трижды в год мы потом так и отмечали день рождения Александра Георгиевича: 5 мая, когда он появился на свет, а 14 мая и 6 октября — дни, подаренные ему судьбой. Я и сейчас в эти дни проведываю могилу моего Саши, ношу ему живые цветы.

С Александром Георгиевичем Фоминым, окончившим после войны юридический институт и занимавшим высокие посты в системе МВД, Клавдия Кирилловна прожила полвека. Вырастили двух сыновей, которые пошли по стопам отца, подняли на ноги внуков Виталика, Сашу и Инну. Появилась первая правнучка Полина.

Сейчас Клавдия Кирилловна проживает в городе Ростове-на-Дону, в семье старшего сына Николая Александровича, подполковника МВД.

- Годы и здоровье не позволяют мне уже посещать места былых боев. А первый раз нас собрали только через 32 года после войны. На праздниках

всегда вспоминали девушек-санитарок, летчиц, а о нас забыли, словно мы и не служили. А тут в 1977 году пригласили на открытие памятника связистам в город Севастополь. Узнавали мы друг друга по фронтовым фотографиям в руках, и слезы, и смех, ведь столько уже лет прошло!... На флот нас всех привело огромное желание помочь Родине, чувство патриотизма. Учеба в морской школе, служба на флоте, на военноморских базах, отношение наших командиров и старшин – все это научило нас дисциплине, аккуратности, терпению и морской дружбе. И в мирной жизни нам, прошедшим такую закалку, легко было переносить все трудности. Много нас было тогда, а сегодня в Ростовс-

кой группе ветеранов связистов –морячек нас осталось только трое...

А как хотелось бы побывать еще и на родине, постоять на родном подворье на улице Ленина в станице Новодеревянковской, прикоснуться к стенам хаты дяди Дмитрия Никитовича, которая под камышовой крышей так и стоит в переулке, напротив крупорушки... Поговорить с родными: в станице живет племянник - сын моей двоюродной сестры Гали, а в хуторе Албаши, откуда родом мама, племянница Нина и двоюродные братья...

Время идет. Но оно бессильно умалить память человечества о мужестве и стойкости людей, поднявшихся на защиту своего Отечества, ради мира во всем мире.

Неоценимый вклад в победу над фашизмом внесли вставшие на защиту своей Родины советские женщины, в рядах которых доблестно сражалась наша землячка, казачка из станицы Новодеревянковской, краснофлотец Черноморского флота Клавдия Кирилловна Фомина (Грицай).

Ноха СУЛТХАНОВ

ОРЛЫ УМИРАЮТ В ПОЛЁТЕ

25 июля 1940 года. ст. Новоминская.

...Ударившись об угол сарая и оставляя на нем кровавую отметку, орел покатился по земле, махая крыльями, безуспешно пытаясь встать на ноги и вновь подняться в родную стихию.

- Зачем ты его? - с укором спросил Алексей подбежавшего с еще дымящим ружьем соседа. Ведь не трогала птица наших и ваших курчат?

Сосед молчал и с остановившимся взглядом смотрел на поверженного орла. Легкий ветер шевелил перья на голове гордой птицы, глаза ее были полуоткрыты. Вдруг орел вздрогнул, поднял голову. В его горящем взгляде был виден яркий огонь ненависти и злобы. Без ошибочно определив своего убийцу, орел, опираясь крыльям о землю, сделал попытку броситься на своего обидчика. Потом вновь, затем снова и снова, пока силы не покинули его . . .

Но птица была еще жива. Приоткрыв глаза, орел вдруг твердо встал на ноги, на секунду замер, а затем со всей силой запустил клювом в истекающую кровью рану и стал раздирать ее. Эта страшная драма продолжалась еще несколько минут, пока орел не глянул людям в глаза, а затем бездыханный рухнул на землю.

- Зачем это он? печально спросил пятнадцатилетний Алексей прибежавшего на выстрел своего отца.
- Гордая птица! Не хотел орел, чтобы его видели поверженным. Порода такая! сказал Василий Иванович и добавил: Ты, вот что, возьми заступ и схорони его, как бы кошки иль собаки не растерзали. Хоть похороним его, раз взяли грех на душу...

Вечером отец рассказал Алексею кавказскую легенду, которую услышал на базаре в Краснодаре от черкеса.

"...Было это давно, когда человек только изобрел ружье. В главном ауле округа собрались лучшие охотники со всего Кавказа помериться ловкостью и меткостью в стрельбе. Победителем оказался юноша из дальнего ущелья, который отличался не только меткостью, но и чрезмерным хва-

Есть разная любовь к земле родной:
Один красиво льет слова и слезы,
Над полем ржи, над спелой целиной,
Над вянущими листьями березы...
Другой не смог сложить красивых слов,
Но, не покинув замолчавшей пушки,
Он просто умер за свою любовь,
У неизвестной дальней деревушки...

Лев Ошанин

стовством. - Ни один зверь, ни одна птица не уходят от моей меткой пули, утверждал он, вызывая тихий ропот у местных болельщиков, в обычаях которых не одобрялось хвастовство.

И надо же такому случиться, что именно в этот момент над аулом пролетал орел, который устало двигался к своему гнездовью. Охотник, под возмущенные крики окружающих, вскинул ружье и послал в орла большую пулю, самодовольно усмехнувшись, уверенный, что попал в цель. Но орел продолжал лететь. Тогда горец второй раз поднял ружье. Но и после второго выстрела царь птиц продолжал свой полет. Ничего не изменил и третий выстрел, который хвастунишка послал вслед птице.

Тогда, взметнув к небу обе руки, охотник дрожащим голосом воскликнул:

- О, Всевышний! Ты направлял мою руку и на дальних расстояниях, ты приносил мне удачу в каждом выстреле. Что же случилось сегодня? Зачем ты покрыл меня вечным позором?..

В это же время слабеющий орел тоже взывал к небу:

- Ты, стихия, вскормившая меня, дай мне силы долететь до родной горной среды! Дай мне третий коготь, чтобы закрыть кровоточащие раны и задержать на мгновение живительную кровь...

У него хватило сил. На глазах изумленных людей он долетел до горной гряды и скрылся за ней.

И только после этого замертво упал на камни, так и не дав врагу восторжествовать победу..."

- Орел - гордая птица! - закончил Василий Иванович свой рассказ и уточнил: - Орлы не умирают на земле. Они погибают в полете...

13 февраля 1945 года. Венгрия.

В результате напряженных боев войска 2-го и 3-го Украинских фронтов закончили ликвидацию Будапештской группировки противника и овладели Будапештом. Смелые и удачные боевые операции

проводит в это время 4-й Гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус, в составе которого сражается новоминчанин Алексей Гусько.

После ожесточенных боев солдатам дают трехдневный отдых. Воины приводят себя в порядок, пишут письма родным, фотографируются на память...

26 марта 1945 года. Венгрия.

... Подъем объявили в пять часов утра. Командир сообщил, что получен приказ перебросить корпус в Чехословакию. Советские войска протягивали руку помощи братскому народу, поднявшемуся на освободительную борьбу с фашистами.

Алексей достал из полевой сумки недописанное письмо, пробежал глазами по строчкам. Подержал в руках фотографию, которую только вчера передал ему полковой фотограф. Размашисто подписал на обороте: "Сестре Любе от брата Леши. Венгрия, 26 марта 1945 года". Вложил в конверт.

Ему оставалось жить шесть дней.

Боевые действия советских войск в Чехословакии шли в тот момент, когда основные силы нашей армии вели активные наступательные бои на территории Германии и успешно осуществляли Берлинскую операцию. Немецко-фашистских захватчиков на чехословацкой земле в это время громили войска 2-го и 4-го Украинских фронтов. Кубанский казачий корпус при освобождении Чехословакии по-прежнему действовал в составе конно- механизированной группы Плиева, входившей в войска 2-го Украинского фронта. В период с 26 марта по 6 мая 1945 года корпус участвовал в Трнава- Брновской операции.

1 апреля 1945 года. ст. Новоминская.

Прасковья Дмитриевна проснулась еще до рассвета. Накинула на себя старенькое пальтишко и осторожно вышла на улицу.

На востоке загоралась заря. Стоявшие в весеннем цвету деревья, утопали в легком тумане. Все явственнее раздавалось вокруг щебетанье птиц.

"Благодать-то какая!" - подумала она и мысль тут же переключилась на сына Алексея. Где же он? Что с ним? Сохранил бы Бог от беды.

Непрошеные слезы побежали по ее морщинистым щекам. Сна смахнула их платком, поспешно оглянулась. Не хотелось, чтобы муж и дочери видели эти слезы.

В каждой семье были свои слезы, свое горе, своя боль и страдания. И семья Гусько не избежала их. Еще в 1943 году пришло извещение о том, что их сын Иван погиб смертью храбрых в боях под Сталинградом. Место старшего брата в воинском строю теперь занимали близнецы - сын Алексей и дочь Павлина.

Прасковья Дмитриевна торопливо прочитала

Фото 1915 г. Родители, брат и сестра Гусько. Василий Иванович и Прасковья Дмитриевна Гусько. Люба 1912 г., Иван 1910 г. – погиб в 1942 году.

молитву, перекрестилась: "Господи, сохрани жизнь моим детям!"

Ноет, грустит материнское сердце, болит по детям, которым только по девятнадцать лет.

Может, в то утро она почувствовала приближение беды? За несколько верст, отделяющих ее от Алексея, сердцем материнским ощущала надвигающуюся опасность?

Она предчувствовала беду, но еще не знала, что ее сыну оставалось жить только десять часов.

Весна сорок пятого... Сбивая вражеские заслоны, а порой вступая в ожесточенные схватки, части 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавкорпуса, входившего в 1-ю гвардейскую конно-механизирован-

ную группу генерала И.А.Плиева, настойчиво продвигались на запад, освобождая города и села древней славянской земли от фашистских поработителей. Уже далеко в тылу остались полноводные Нитра и Ваг, позади - окутанные дымом пожарищ Нове Замки, Бураны, Таланта... В ночь на 1 апреля Кубанский корпус получил задачу стремительным броском, не ввязываясь в бои на промежуточных рубежах ворваться в город Трнаву - опорный пункт обороны противника и важный узел дорог на подступах к Малым Карпатам и не допустить его разрушения.

Предутренняя мгла еще плотно укрывала землю, когда передовые отряды близко подошли к городу. Войти же в Трнаву в конном строю не удалось. Оборона гитлеровцев ощетинилась. Высвечивая подступы к городу, в темном апрельском небе висели ракеты. С окраины и насыпи железной дороги летели мириады трассирующих пуль, открыли огонь вражеские минометы, орудия. Завязался упорный бой. Но скоро подошли главные силы. Развернувшись в боевой порядок, казачьи и танковые полки двинулись в атаку. Прошло немного времени, и бой загремел уже на окраинах, а затем переместился в центр города. Противник, огрызаясь, начал медленно отходить.

Казалось, что Трнава уже в наших руках. Бой утихал. К городу потянулись коноводы, дымящие кухни, обозы. Одна за другой начали сниматься с позиций артиллерийские батареи... Собрав все имеющиеся силы и найдя брешь на стыке наших полков, фашистские танки, подминая стальными траками молодые сосенки и пробивающуюся на свет зеленую травку, пошли в контратаку. Танков, бронетранспортеров и машин с пехотой было более двух десятков. Понимая, что круг окружения вот-вот замкнется, гитлеровцы с удесятеренной силой бросились в прорыв...

Орудие, наводчиком которого был девятнадцатилетний сержант Алексей Гусько, покидало позиции последним в батарее. Только расчет начал сводить станины и натягивать чехлы, как вдруг изза посадки, что тянулась справа, выскочили два вражеских бронетранспортера-разведчика.

- К бою! - скомандовал сержант и, прильнув к панораме, быстро закрутил маховички наведения.

Первый же снаряд угодил в цель. Фашистская машина с черным крестом на борту задымилась. Но в этот момент на позицию артиллеристов обрушились вражеские снаряды. Один разорвался в нескольких метрах от орудия. Взрывной волной Гусько отбросило в сторону. Он был контужен.

- Давай, Алексей, в санчасть, посоветовал ктото из расчета. Мы без тебя отобьем фрицев.
- Нет, сейчас нельзя, ответил сержант. Он лег на траве неподалеку от орудия и лежа следил за ходом боя.

Издали сквозь канонаду послышался рокочущий рев моторов. Гусько встрепенулся и, поднявшись на локте, увидел, как из балки прямо на позиции ползли фашистские танки. Их было шесть, два тяжелых

К тому времени расчет понес большие потери: погибли другой наводчик, замковой, заряжающий, установщик, 1-й и 2-й подносчик снарядов, остался только один человек. Танки приближались. Гусько понял: если не встретить огнем, не уничтожить, они непременно пройдут через позицию, выйдут в тыл эскадронам, а тогда - беда. Превознемогая нечеловеческую боль, он поднялся и встал к прицелу.

Гвардеец принял вызов.

1 апреля 1945 года.

г. Трнава.

... Второй час идет бой. Вражеские снаряды с воем рвут землю, звонко и зловеще стучат осколки о станину и щит орудия, опустошают ряды защитников. Погиб почти весь расчет. Алексей Гусько контужен.

Надо встать, но от контузии кружится голова. Надо стрелять, чтобы враг не прорвал оборону и не смял стоящие во втором эшелоне пехотные подразделения, но расчета нет, хватит ли сил вести огонь одному?

Алексей вступил в неравный поединок. Его 76миллиметровое орудие, стоящее на открытой позиции, противостояло шести маневрирующим танкам.

После точной наводки Гусько удалось поджечь одного "тигра". Но враг наступает, осыпая позицию снарядами и роем пуль. Алексей дважды ранен навылет. В животе застрял небольшой осколок. Но некогда заниматься ранами. Надо стрелять, стрелять, стрелять, стрелять! Он хватает очередной снаряд, заряжает пушку, наводит и стреляет в серую замасленную броню второго "тигра".

Танк сразу вспыхнул. Фашисты дрогнули, отступили...

Но Алексей ничего этого уже не видел. Он лежал неподвижно, лицом вверх. Полные глубокой печали, широко открытые глаза его смотрели в синеву неба, губы вздрагивали.

- Хлопцы, прощайте! Отомстите за меня... Напишите моим, домой, на Кубань, - едва слышно произнес Гусько. Он уже не в силах был поднять голову. Всегда веселые, живые глаза его начала заволакивать серая туманная пелена. Веки тяжелели, сознание гасло. По обветренной щеке катилась одинокая слеза. Эта слеза не могла появиться прежде, когда человек был властен над собой.

Опустившись на колени, санинструктор Иван Мирошниченко расстегнул на Гусько ремень и под-

нял гимнастерку, чтобы перевязать рану, остановить кровь. Но все его старания были напрасны. Смерть уже брала Алексея в свои костлявые руки. Легкий ветерок принялся играть мягкими русыми волосами сержанта, забрасывая их на чистый мальчишеский лоб, на сомкнутые глаза. Было страшно видеть эти живые играющие волосы на каменном лице, а еще страшнее - видеть Гусько умирающим...

...Над землей шумят ветра. Они стирают следы людей, которые жили и творили на ней, засыпает пылью и песком творения рук человеческих. Уходят люди. Но на вечно живой земле остаются книги, машины и холсты, остаются песни, которые пели люди.

Пусть не все они известны нам. Пусть не обо всех расска-

жет история своим будущим потомкам. Но мы-то знаем, что они были. Пусть безымянные, неизвестные, неопознанные. Ведь это они создали наше будущее, чтобы сделать нашу жизнь свободной и прекрасной.

30 апреля 1945 года. ст. Новоминская.

Размеренным шагом идет по полю Василий Иванович, привычно разбрасывает семена. Теплый весенний ветерок приятно освежает лицо, хочется лечь на траву и долго лежать на земле, уставив взгляд в бескрайнее голубое небо...

Почтальоншу он увидел издалека. Осторожно, словно боясь спугнуть эту удивительную тишину, она ступила на край поля.

Василий Иванович немигающим взглядом смотрел на девушку и сжимал висевшую на груди брезентовую сумку с семенами. Он всё понял.

Ватными подгибающими ногами попытался шагнуть назад... Девушка-почтальон, пряча заплаканные глаза, молча протянула ему треугольник. Он почувствовал, как дрогнула ее рука, и по телу стала разливаться горячая волна ни с чем не сравнимой родительской боли.

Это была вторая похоронка в семье Гусько. Еще в 1943 году пришло извещение из военкомата о том, что их старший сын Иван, 1910 года рождения, погиб в Сталинграде. А несколько дней спустя принесли письмо от него, написанное ещё три месяца назад. Ваня писал родителям, что попал в самое горячее место, и вряд ли скоро выберет вре-

Гусько Алексей Васильевич в Венгрии 26 марта 1945 г. Последнее фото.

мени для следующего письма.

...Василий Иванович сидел на пашне и в дрожащих руках держал похоронку. Семья потеряла и младшего сына - Алексея. "Погиб смертью героя..." Здесь уже никаких сомнений, никаких надежд всё ясно.

Шесть детей: четыре дочери и два сына были у Василия Ивановича и Прасковьи Дмитриевны. Ивана и Алексея унесла война. Там, где рвутся снаряды и свистят пули, продолжает еще воевать дочь Павлина, родившаяся 20 мая 1925 года, в тот самый день и в тот самый час, когда появился на свет Лёша.

Не верилось в потерю, и не верить было нельзя. Нет больше Леши, того босоногого сорванца, который без конца готов был играть с мальчишками в войну, про-

падая на улице. Но в школе учился исправно и вел себя хорошо. Учителям нравился этот смекалистый и рассудительный паренек с умными и честными глазами, заводила ребят.

Последняя фотография Алексея пришла из Венгрии. На ней безусый молодцеватый парень уже не был похож на станичного Лешку. Это был сильный, мужественный воин. На груди старшего сержанта Гусько - орден Славы, медаль "За боевые заслуги" и гвардейский значок. "Сейчас у вас, наверное, начался весенний сев, писал Алексей родным. - Сейте побольше, а на уборку мы обязательно приедем..."

Не довелось Алексею убирать первый послевоенный урожай...

Василий Иванович долго читал письмо. Ошибки не было. Письмо ему, Василию Ивановичу Гусько, теперь потерявшему и второго сына. Друзья Алексея, те, которые в последнюю минуту его последнего боя оказались рядом с ним, написали:

"...Ваш сын, доблестный защитник Родины гвардии старший сержант Алексей Гусько погиб смертью героя". Письмо было обведено черной траурной рамкой простым карандашом. Дальше читать он не мог...

Над землей висело яркое веселое солнце. Степь пестрела всеми мыслимыми и немыслимыми красками цветов. Набухшие от весенних паводков реки стремительно несли свои полноводные мутные потоки к далёким морям.

А на колхозном поле, уткнувшись лицом во

влажный пласт кубанского чернозема, по-мужски беззвучно плакал Василий Иванович Гусько. Его мозолистые, заскорузлые руки до синевы в пальцах сжимали небольшой листочек бумаги.

В этот же день над поверженным рейхстагом в далеком Берлине сержант Михаил Егоров и младший сержант Мелитон Кантария водрузили Красное Знамя нашей великой Победы.

1 июня 1945 года. Чехословакия.

(Из воспоминаний однополчанина Пантелея Антоновича Бардыка)

Как у каждого фронтовика, в моей военной памяти запечатлены многие события, связанные с тем далеким героическим периодом. Особенно запомнился мне один случай, происшедший в июне 1945 года.

...Служил я в наградном отделе 4-го гвардейского казачьего кавалерийского корпуса, который в это время находился на территории Чехословакии. Все с нетерпением ждали приказа о демобилизации и жили мечтами о встрече с родными и близкими.

Наш отдел работал в полную нагрузку. Бои за освобождение Чехословакии были столь ожесточенными, что почти каждый воин был представлен к правительственной награде за проявленные мужество и отвагу.

Наградных дел было очень много. Несколько из них - на преставление к самым высоким наградам: ордену Ленина и медали "Золотая звезда". Среди этих бумаг мне в руки попал материал на Алексея Васильевича Гусько. В конце листа, в особой графе было написано и подчеркнуто: "Посмертно!" Так я узнал, что служил рядом с односельчанином в одном корпусе. Может, даже и встречались на дорогах войны, но знакомы не были.

Начальник отдела кадров корпуса, мой непосредственный начальник, узнав о том, что я довожусь одностаничником Алексею Гусько, предоставил в мое распоряжение машину и дал увольнительную на два .дня для поездки в город Трнаву к местам боев.

Преодолев к вечеру 300 километров пути, мы с водителем подъехали к холмистой местности, где два месяца назад разгорелось ожесточенное сражение между немецкими танками и нашими артиллеристами.

На центральном участке боя, там, где фашисты наметили главное место для прорыва, стояло трехдюймовое орудие, которым командовал гвардии старший сержант Алексей Васильевич Гусько. Здесь он и совершил свой бессмертный подвиг, один вступив в единоборство с шестью фашистскими танками.

Я подходил и трогал руками эти страшные ма-

шины смерти. Даже подбитые, они вызывают опасение своей шестидесятитонной громадой, закованной в крепкую многослойную броню. Два "тигра" подбил раненый и контуженный Алексей Гусько, который после гибели орудийного расчета остался один на один с врагом и победил его. Поистине, великое мужество должен был иметь человек, вставший на пути этих стальных чудовищ! Недалеко от танков, за узким неглубоким оврагом виднелась два бронетранспортера. Один лежал на боку, перевернутый сильным взрывом, а у второго была вырвана вся правая ходовая часть. На искореженных машинах отчетливо виднелась фашистская свастика. С гордостью за Алексея я подумал, что больше эти бронетранспортеры не будут нести смерть людям, ибо их самих настигла смерть. И сделал это мой девятнадцатилетний земляк.

Видя, что мы рассматриваем разбитую вражескую технику, из расположенного невдалеке домика к нам подошел местный житель. Он оказался пастором. Узнав о цели нашего приезда, человек проводил меня с водителем к костелу (католическому храму), во дворе которого был похоронен Алексей Васильевич Гусько.

С трудом подбирая русские слова, священник рассказал нам, как на рассвете 1 апреля 1945 года здесь разгорелось сильное сражение, при котором погибло немало советских солдат. Ценой своей жизни остановили они врага и разбили его. Рукой показал на видневшуюся неподалёку братскую могилу воинов, погибших на этом огневом рубеже.

- А этого командира, - словак взглядом указал на могилу Гусько, - под ружейный салют похоронили на территории костела. Большие начальники присутствовали при этом. Видно, крепко бил немцев твой земляк!

И пастор, перекрестившись, отвесил глубокий поклон могиле героя...

После этого события прошел год. Однажды, уже будучи работником Новоминского военкомата, я развернул газету "Красная Звезда". В ней был опубликован Указ Верховного Совета СССР о присвоении Алексею Васильевичу Гусько звания Героя Советского Союза посмертно. Я тотчас же отнес газету родителям Алексея.

Вот таким образом пересеклись мои военные дороги с именем этого поистине геройского юноши.

20 сентября 1983 года.

Чехословацкий народ свято хранит память о наших парнях, погибших на его земле. На каменных плитах, где покоится прах советских солдат,

горькая память войны

всегда лежат свежие гвоздики. Живые цветы всегда алеют и на могиле Героя Советского Союза Алексея Васильевича Гусько, погибшего под городом Трнава 1 апреля 1945 года.

В станице Новоминской живет сестра Героя - Анна Васильевна Гусько. Отовсюду приходят к ней письма - благодарности от незнакомых людей, которые помнят и никогда не забудут подвиг нашего девятнадцатилетнего земляка. Одно из таких писем пришло в адрес Анны Васильевны из города Трнавы:

"Дорогая Анна Васильевна! Шлем Вам искренние, дружеские приветы из нашего города Трнавы, за освобождение которого смертью храбрых погиб Ваш брат - Герой Советского Союза Алексей Гусько. Много лет прошло с того памятного трагического дня, но мы вновь и вновь вспоминаем его героический пример.

Недавно я посетила завод "Зорница", где работает бригада имени Героя Советского Союза Алексея Гусько. Коллектив является правофланговым в соревновании, награжден знаменем завода. Труженики бригады, как и все горожане Трнавы, помнят о Вашем брате и свято чтут его память. Приезжайте к нам, уважаемая Анна Васильевна! Желаем Вам крепкого здоровья, радости и счастья.

Ливия Зволенска"

В декабре 1984 года автор этой книги побывал в Чехословакии и прошел путём 183-го артминполка 10-й гвардейской кубанской кавдивизии, в составе которого воевал наш земляк Герой Советского Союза Алексей Гусько.

В городе Трнаве журналист встретился с бригадой имени А. Гусько, которая работает на швейной фабрике "Зорница" и передал им письмо следующего содержания: "Членам бригады имени Героя Советского Союза Алексея Гусько завода "Зорница", г. Трнава, ЧССР.

Дорогие товарищи!

Наше звено с гордостью носит имя своего великого земляка - Героя Советского Союза Алексея Васильевича Гусько, погибшего за свободу и независимость наших народов. Продолжая его дело, мы ударным трудом крепим экономическую мощь первого в мире социалистического государства, повышаем его обороноспособность.

Члены нашего звена, как и все советские люди, делали, делают и будут делать все возможное, чтобы не допустить нового пожара на европейском континенте, обеспечить прочный мир на всей нашей планете.

Приближается 40-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Огнем и кровью

вписаны в историю нашей Родины четыре военных года. Это были годы тяжелых страданий и безвозвратных утрат, годы беспримерного мужества и стойкости, годы легендарных подвигов и проявления самых благородных интернациональных чувств.

Борясь за достойную встречу 40-летия Победы, мы ознаменуем его новыми достижениями на всех участках колхозного строительства, приближая светлое будущее, за которое отдали свои жизни советские и чехословацкие воины.

В честь Победы мы обязуемся получить с закрепленной площади по 27 центнеров подсолнечника, 60 центнеров кукурузы в зерне, повысить производительность труда на 5% и снизить себестоимость сельскохозяйственной продукции на 3%.

Призываем вас к 1 апреля 1985 года, к сороковой годовщине героического подвига Алексея Гусько выполнить четырехмесячную производственную программу, добиться экономии материалов и ресурсов, провести Вахты Памяти, посвященные 40летию Победы.

Пусть наш самоотверженный труд, труд народов СССР и ЧССР послужит делу укрепления международного авторитета стран социалистического сотрудничества, станет новым вкладом в дело обеспечения мира на всей планете.

Члены механизированного звена имени Героя Советского Союза Алексея Гусько колхоза им. Кирова Каневского района Краснодарского края, CCCP.

Губенко Сергей Григорьевич - звеньевой, Губарь Николай Николаевич - механизатор, Кувиченский Виктор Николаевич - механизатор, Степанов Александр Артемьевич - механизатор, Таран Иван Максимович - механизатор, Чеботарев Василий Иванович - механизатор.

Декабрь 1984 г.

Жители Трнавы не забывают о советских воинах, погибших за освобождение Чехословакии. С любовью собирают они биографические данные о своих освободителях, ведут обширную переписку с близким и родственниками советских солдат.

В городе Трнава меня познакомили с Ливией Зволенской, сотрудницей городского Совета, которая вот уже более десяти лет собирает материал о Гусько. Как-то в беседе я спросил ее, почему она столь подробно интересуется нашим земляком?

- Мне уже задавали этот вопрос, - улыбнулась Ливия. - Я собираю сведения и о других участниках освобождения нашего города, но, вы правы, к Гусько у меня отношение особенное. Ведь он - единственный из ваших солдат, удостоенный звания Героя Советского Союза за бои при освобождении Трнавы. 9 мая 1985 года мы откроем музей благо-

дарности Советской Армии, в котором почетное место будет отведено нашему Алексею. На открытие музея мы пригласили сестру Героя Ольгу Васильевну, проживающую на Украине. Другие сестры, к сожалению, уже не молоды и не смогут приехать.

Передайте искренний привет дорогой нам земле Новоминской, взрастившей такого героического человека!

* * *

По цехам текстильного завода "Зорница" в Трнаве меня сопровождает директор Мария Шевчикова. Она хорошо знает свое производство, да и немудрено: прошла здесь путь от рабочей до руководителя.

- Мы производим мужскую верхнюю одежду, - рассказывает директор. - Поставляем ее во многие страны, а 60% экспортируем в Советский Союз.

Завершается наша экскурсия по заводу в цехе, где работает бригада имени Героя Советского Союза Алексея Гусько. Возглавляет ее Мария Иванчикова. От нее я узнал, что в бригаде, носящей имя славного земляка, трудятся 59 девушек. Первым в списке записан Алексей Гусько. Члены бригады выполняют норму и за Героя, а заработанные деньги перечисляют в Фонд мира.

На самом видном месте в цеху расположен стенд "Герои не умирают", на нём я увидел фотографии Алексея Гусько и его близких родственников, другие документы, имеющие отношение к периоду освобождения Чехословакии. Рядом со стендом находится развернутое Красное знамя завода, врученное коллективу бригады имени Гусько за победу в соревновании.

- Мы будем трудиться, чтобы с каждым днем расцветала наша страна,-говорили на прощание девушки из бригады. - Мы будем хорошо трудиться, чтобы не допустить развязывания новой войны. Люди могут и должны жить в мире. Этого хотят все честные люди Земли!

* * *

Одна из улиц Трнавы носит имя Героя Советского Союза Алексея Гусько. Учащиеся школ и все взрослое население 70-тысячного города знают и помнят о нашем земляке, с большой любовью встречают каждого приехавшего с далекой Родины Героя.

Имя Героя увековечено и в нашей станице: одна из улиц носит его имя, в центре станичного парка установлен памятник, пионерская дружина средней школы № 35, где он учился с 1932 по 1936 годы, и пионерский отряд восьмилетней школы № 36 названы его именем, лучшее звено из отделения

№ 2 колхоза имени Кирова, где до войны работал Алексей Гусько, носит высокое звание "Звено имени Героя Советского Союза Алексея Гусько".

* * *

Участник освобождения Трнавы И.И.Пентин писал в своих воспоминаниях: "Мы перезахоронили Алексея Гусько на площади в городе Трнаве, установив на могиле обелиск с Красной звездой".

Во время посещения Трнавы я стоял у того места, где был захоронен Герой. Здесь и сегодня лежат цветы, как свидетельство вечной благодарности горожан своим спасителям. Положил и я свой букет к этому священному для каждого жителя месту.

* * :

Чудесный вид на Братиславу открывается с горы Славин. Жители словацкой столицы в шутку или серьезно говорят, что в ясную погоду отсюда можно увидеть даже Вену, хотя в день нашего посещения над городом висел плотный туман.

Гора Славин - самая высокая точка в городе. Совсем недалеко от нее несет свои воды величавый Дунай. Смотришь на реку, и создается впечатление, что, чеканя шаг, проходят воинские подразделения, отдающие последние почести своим павшим товарищам.

На горе Славин находится кладбище советских воинов, погибших при освобождении Словакии. Слева от центрального входа под мраморным надгробием перезахоронен Алексей Гусько.

На могиле написано: "Герой СССР". Она, как и все другие захоронения, укрыта еловыми ветками. На каждой могиле яркими красками пылают гвоздики. А люди всё подходят, в скорбном молчании читают надписи на камнях, останавливаются, возлагают цветы. Такое ощущение что людскому потоку не будет конца, как не может быть конца нашей беспредельной благодарности тем, кто заслужил великое право навеки остаться в памяти народов.

* * *

...Из небольшого целлофанового кулечка высыпаю на могилу горсть новоминского чернозёма, привезенного по просьбе сестры Алексея Гусько -Анны Васильевны. Кладу на могилу её письмо. Набираю с могилы желтоватую землю и везу на родину Героя.

1 апреля 1984 года.

"Здравствуй, брат мой Леша! Прости, что не смогла приехать сама. Мне уже

горькая память войны

70 лет, да и болею немного, так что добраться к твоей могилке не могу, добрые люди обещали довезти это мое письмо к тебе. Спасибо им за это!

Мама наша умерла в 1976 году, через два года не стало нашей сестры Павлины, а три года назад умер наш отец.

Теперь нас осталось трое сестер: Люба, Ольга и я. Передаю тебе землю с нашей Кубани, взяла ее с нашего огорода. Пусть она согревает тебя.

Моя внучка Марина очень похожа на тебя. Ей сегодня тоже 19 лет, столько же было тебе, когда ты умер.

Еще раз прости, что не сумела навестить твою могилу. Видно, судьба пожелала, чтобы тебя оплакивали другие люди. Спасибо им за заботу о вас, за любовь к вашей памяти. Спасибо от всех русских матерей, вдов и сестер.

Спасибо от имени детей.

Твоя сестра Аня.

25 ноября 1984 года.

К своему традиционному апрельскому сбору пионерская дружина новоминской восьмилетней школы № 36 готовится особенно тщательно. Ведь он посвящен Герою Советского Союза, их земляку.

В школе есть уголок боевой славы. Здесь можно увидеть фотографии Алексея Гусько, письма, вырезки из газет и другие материалы, рассказывающие о жизненном пути Героя, чье имя носит пионерская дружина.

Каждый год юные следопыты разыскивают все новые и новые экспонаты для уголка-музея.

Свято чтут пионеры память славного земляка, бывшего выпускника школы, который учился здесь с 1936 по 1939 год. Они часто ходят в гости к родным и близким Алексея Гусько, разыскивают его друзей и однополчан, записывают их воспоминания.

Вот и на этот сбор, который всегда проводится в апреле, они пригласили родных Героя, его друзей и товарищей по оружию. Сестра Анна Васильевна Гусько рассказала ребятам о детстве и юности брата. Его отличали неутомимая тяга к знаниям, большое трудолюбие. У Алексея было много товарищей, которых он любил, и они отвечали ему тем же. Взволнованно прозвучали на пионерском сборе, посвященном 39-й годовщине подвига Алексея Гусько, стихи и рассказы Жени Припахайло, Наташи Мальцевой и других школьников, возвращающие нас в то далекое героическое время.

10 марта 1986 г.

г. Подольск.

Архив Министерства обороны СССР.

Наконец-то я держу в руках долгожданный документ: "Наградной лист на Гусько Алексея Васильевича, гвардии сержанта, наводчика 76-мм орудия 1-й батареи 183-го гвардейского артиллерийско-минометного Барановичского Краснознаменного ордена Кутузова полка 10-й гвардейской Казачьей кавалерийской Кубанской Слуцкой Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизии.

Представляется к званию Героя Советского Союза.

Год рождения - 1925.

Национальность - русский.

Партийность - кандидат в члены ВКП(б) с 7.42 г.

Участие в Отечественной войне:

июль - декабрь 1942 г. - Южный фронт,

август 1943 - июнь 1944 г. - 1-й Белорусский фронт,

октябрь 1944 г - 2-й Украинский фронт.

Убит 1 апреля 1945 года.

С какого времени в Красной Армии: с июля 1942 года.

Призван Новоминским РВК Краснодарского края.

Награжден орденом Славы 3-й степени.

Постоянный домашний адрес: Красноярский край, ст. Новоминская, ул. Котовского, № 210.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

28 марта 1945 года в боях за населенный пункт Шураны и форсировании роки Нитра тов. Гусько был ранен, но в госпиталь не пошел, остался в батарее.

1 апреля 1945 года в бою за город Трнава противник пошел в контратаку и на узком участке бросил до батальона пехота при поддержке 8 танков и более 10 бронетранспортеров, наши наступающие части не выдержали внезапного удара и начали отходить. Создалось угрожающее положение.

Тов. Гусько в это время находился на бричке с боеприпасами, был еще слаб после ранения, но увидев создавшееся положение для наших частей, превозмогая боль и напрягая последние силы, кинулся к своему орудию со словами: "Мимо меня танки фрицев не пройдут". Первым снарядом тов. Гусько подбил головной танк, затем бронетранспортер. Орудие тов. Гусько стояло впереди боевых порядков и, ведя смертельный огонь по пехоте и танкам противника, заставило его залечь, а затем повернуть назад.

Одним из снарядов, разорвавшихся поблизости орудия, Гусько был смертельно ранен, но продолжал вести бой, в упор расстреливая рвавшегося с фланга вперед противника.

Тов. Гусько истекал кровью, упал на станину и,

сделав последний выстрел, сказал, умирая: "Я умираю, но победа осталась за нами. Товарищи, смелее вперед, победа близка, наносите удары с удесятеренной силой по врагу..."

На эти слова патриоты Родины наши артиллеристы - казаки еще с большей злобой и остервенением вели огонь по отступающим врагам, несмотря на сильный ружейно-пулеметный и артиллерийский обстрел противника положение было восстановлено.

Тов. Гусько заслуживает своими личным подвигом посмертно звания Герой Советского Союза.

Командир артминполка Хлебников,

начальник штаба Дмитриев, 5 апреля 1945 г.

Ходатайствую о награждении высшей правительственной наградой - присвоении звания "Герой Советского Союза" посмертно.

Командир дивизии Шмуйло, 30 апреля 1945 г. Достоин присвоения звания Герой Советского Союза.

Командующий артиллерией корпуса Катков, 4 мая 1945 г.

Достоин присвоения звания Герой Советского Союза.

Командир 4-го гвардейского корпуса Камков, 5 мая 1945 г.

Достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Командующий 1-й Гвардейский мото-механизированной группой Плиев, 14 мая 1945 года".

В конце наградного листа читаю приписку:

"Присвоено звание Герой Советского Союза. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 г."

В другом документе - отчете о расходовании артиллерийских снарядов по 183-му артминполку за I апреля 1945 года обнаружил цифру "216". Такое количество снарядов выпустили казаки-артиллеристы, чтобы отбить контратаку фашистов.

Больше половины их, думаю, выстрелил по противнику наш земляк Алексей Васильевич Гусько, орудие которого стояло самым первым на пути атакующих пехоты и танков противника, после гибели орудийного расчета он оставался в единственном числе и не дрогнул, верный воинской присяге до последней капли крови сражался с врагом, принесшим на нашу землю неисчислимые страдания.

Родина никогда не забудет своих героев!

* * *

...Вот о чем поведали документы периода Великой Отечественной войны, хранящиеся в архивах и сохранившие для нас бессмертную летопись великого подвига советских людей.

1 апреля 1945 года.

г. Трнава.

...А бой затихал. С мутнеющим сознанием наводчик орудия лежал у лафета пушки, с расстегнутым воротом гимнастерки. Рука, лежавшая на лафете, сорвалась и упала на траву, на маленький побег цветочка только только вы рвавшегося изпод земли на свет. В Малых Карпатах пробуждалась весна...

Еще ребенком Алексей любил с отцом выезжать в поле. Укрывшись в полуденный зной под тенью телеги, он вдыхал удивительно нежный запах земли - запах хлеба.

Сейчас земля пахла порохом. За годы войны, видать, и она забыла запах жнивья.

Алексей, незрячий уже, пытался мысленно окинуть поле битвы. К нему широким фронтом шли подоспевшие на выручку наши "Т-34", завершая начатое ранней весной генеральное наступление в Чехословакии.

Гусько слабел. Вместе с вытекающей кровью из тела уходила жизнь. Он чувствовал, что умирает. Но, даже в этот последний миг своей недолгой и яркой жизни он не ведал, что уходит в Бессмертие

Он умирал на руках санинструктора Ивана Мирошниченко. Умирал тихо и спокойно.

Смердя горевшей соляркой и бензином, зияя рваными пробоинами, мутными глазницами триплексов и кабин, поодаль стояли подбитые фашистские танки, бронетранспортеры и грузовики...

Он не дожил чуть больше месяца до нашей Победы. Но, как вспоминают его однополчане, если даже до Победы оставался бы всего лишь день, Алексей Гусько все равно пошел бы на самопожертвование и до конца выполнил бы свой долг.

Такой это был человек, рожденный в крепкой казачьей крестьянской семье, где превыше всего ценились честь и отвага, преданность Родине и вера в Победу. По-другому он жить не умел.

...Вдруг умирающий открыл глаза и несколько минут смотрел в небо.

- Долетел орел? еле слышно спросил он. Окружающие переглянулись и промолчали. Гусько повторил вопрос. Тогда санинструктор наклонился над раненым и твердо сказал:
 - Долетел, братишка, я видел.

Раненый, удовлетворенный ответом, закрыл глаза. Навсегда.

До Победы оставалось 37 дней...

Зоя СИЗОВА

НА ВОЙНЕ, КАК НА ВОЙНЕ...

ходят из жизни Ветераны Великой Отечественной Войны. Уходят последние: те, кому было в войну 17 лет.

В 2009 г. умер Лысенко Петр Фомич. Посмотрел в г.Краснодаре концерт, посвященный дню Победы, вышел из зала на улицу и упал на ступеньки театра. Умер, словно в строю.

Родился Петр Фомич на х. Мигуты в большой крестьянской семье: было пятеро детей — три сына и две дочки. Петр Фомич был старшим ребенком в семье.

В 1941 году закончил 6 класс и перешел в 7.Но началась война. Всех молодых ребят забрали на курсы в МТС в ст. Стародеревянковскую. А через месяц уже самостоятельно работали.

В июле забрали на войну отца. Женщин и детей мобилизовали рыть окопы под г. Ейском и ст.Кущевской. За штурвалы тракторов посадили девчонок, обучив их так же на курсах.

Зимой 1942 года всех с окопов вернули домой, чтобы отремонтировать трактора. Весной пахали и сеяли. Но началось наступление немцев. Молодежь забрали в военкомат и отправили под ст. Кущевскую, где приняли в разведроту в 4 Казачий корпус.

4 января 1942 г. из трех кубанских дивизий и 116-й донской казачьей кавалерийской дивизии был образован 17-й казачий кавалерийский корпус, зачисленный в кадровый состав Красной Армии. Он был создан из добровольцев, три четверти личного состава являлись участниками гражданской войны, были среди них и Георгиевские кавалеры.

Первое сражение с немецко-фашистскими захватчиками произошло 31 июля 1942 года под станицей Кущёвской, где наши казаки одержали убедительную победу.

В августе 1942 г. корпусу было присвоено гвардейское звание, и он был преобразован в 4-й гвардейский казачий кавалерийский корпус. С 20 ноября 1942 г., после выделения из его состава донской дивизии, корпус стал называться Кубанским. С этим именем казаки прошли всю войну, закончив ее освобождением Праги.

В составе корпуса воевали и жители Каневс-

Лысенко П.Ф в центре

кого района, которые участвовали в боях на Кубани, Дону, Украине, в Белоруссии, Венгрии, Польше и Чехословакии. Артиллерист Алексей Васильевич Гусько из станицы Новоминской, остановивший в Словакии танковую колонну фашистов, посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

18 раз салютовала Москва в честь побед, одержанных кубанскими кавалеристами. Корпус награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова и Кутузова.

Потом отправили за г. Майкоп в горы на подготовку. Через три месяца советские войска перешли в наступление.

Шли бои за Матвеев курган. Пополнение отправили на фронт из Майкопа своим ходом (на лошадях). Войска готовились к прорыву. После артподготовки ближе к ночи пошли в бой.

Бой был тяжелый. Полтора суток без остановки гнали немцев. Много в этом бою потерял друзей и знакомых станичников (15 человек). Сразу погиб Данильченко Иван с ул. Хлеборобной; потом Шилов Иван с х. Мигуты.

Утром пошли дальше. Взяли Таганрог (обошли город справа) и прошли 500 км до г. Мелитополя. Здесь полтора месяца стояли на переформировании.

Потом пошли на Перекоп. Взяли Одессу. Дивизию послали взять последнюю переправу. Одесса была у немцев. Еле вышли из окружения. Без боеприпасов, с криками: «Ура!» преодолели линии обороны немцев.. Было три рукопашных боя. Сбили автоматами два немецких транспортных

горькая память войны

самолета. Взяли много пленных. Из окружения смогли выйти тогда, когда наши войска пошли в наступление. Опять переформирование.

На поезде весь корпус перевезли в Белоруссию. Здесь добавили танковый корпус. И опять наступление. До самой Варшавы прошли 900 км без остановки с небольшими боями.

На войне как на войне: было всякое. Были такие ребята, что ленились окапываться. Говорят: «Як ны смерть, так и не убьют, а як смерть, так и так убьют». Многие гибли из-за такой глупости. Начнется обстрел, а спрятаться некуда, тогда они в чужие окопы лезут, ведь жить же хочется.

Командиры были хорошие. В кавалерии командир всегда впереди на лошади едет, всегда на виду. У нас погибли командир дивизии и командир полка. Очень много погибло офицеров среднего и младшего состава.

Пленных расстреливать не разрешали. Политрук говорил: «И без вас разберутся». Воевали и жили дружно. Национальностей было много. Никто и никогда не говорил, что «ты — чурбан» или еще что-нибудь. Воевали учителя, инженеры. Никто не кичился своей грамотностью, инеллигентностью. Война — это тяжелейший труд. И чтобы выжить — каждый исправно должен был выполнять свою работу. За три года не было ни одного случая самострела. Предателей среди своих тоже не было.

Но однажды, на Украине под городом Николаевом встретили кавалерийский полк калмыков. Они все патроны и снаряды привязали к седлам лошадей и хотели к немцам уйти. Так хлопцы не выдержали и командира полка расстреляли на месте. После этого в 1944 году калмыков из армии убрали.

Первую награду медаль «За отвагу» получил на Украине, под Серагозами. Бой был рукопашный. В атаку шли эсэсовцы (по количеству в 5 раз больше, чем Советских солдат). Немцев положили около 100 человек. Вторую медаль дали за взятие Перекопа.

Были с нами и девчата-медсестры: Фрося Водопьянова (из ст. Джерелиевской) и Удовиченко Шура (с Украины). Они не только перевязывали раненных, но и пробивались с боями, как мужчины-солдаты. (верхом на лошадях с автоматами).

В ст. Елизаветинской школа носит имя Скорохода Федора Михайловича. Друга тяжело ранили и меня позвали

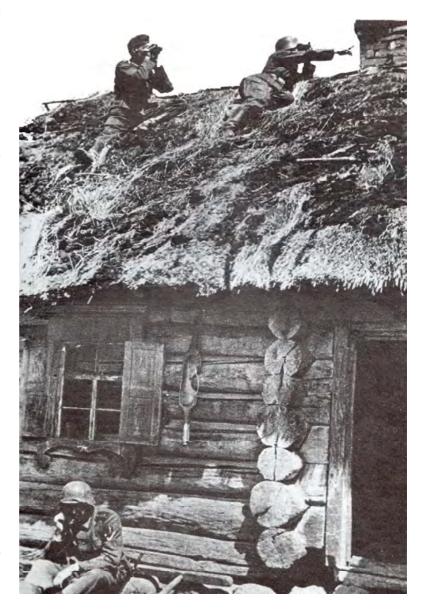
попрощаться. Я простился и уехал, а медсестра случайно взяла его за руку обнаружила пульс.

2 года он лежал в госпитале в г.Баку. Та бригада, что хоронила бойцов, попала под бомбежку и вся погибла.

Встретились дома в колхозе. Он рассказал о своих мытарствах в госпитале, а я – о его похоронах.

Война для Петра Фомича закончилась в г. Брно в Чехословакии. Там он получил ранения в руку и в ногу. Два месяца находился в госпитале. После лечения отправили в часть, которую готовили к переброске в Японию. Но с о. Байкал часть возвратили на Кубань.

После войны Петр Фомич трудился до пенсии в колхозе «Победа». Жил, как и воевал. Умер, как и подобает солдату. Война поразила его. хоть и с опозданием — в сердце.

Зоя СИЗОВА

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПАМЯТНИКА

еликий полководец А.В. Суворов однажды сказал: «Война продолжается до тех пор, пока не будет похоронен последний солдат, павший на поле боя»

Прошло 65 лет со дня Великой Победы. Выросло не одно поколение граждан нашей страны. Но далеко не все солдаты этой войны похоронены. На полях боев все так же лежат сотни тысяч не упокоенных, не захороненных, забытых солдат.

Нелегкой работой поиска останков погибших у нас в ст. Каневской занимаются поисковики из отряда «Набат» Павел Бобков и Олег Кирячек. Искали и нашли примерное место умершего 14.02.1943 г. Красноармейца А. Л. Цецхладзе. С ребятами поставили памятник еще в 2007 году на х. Сухие Челбасы.

Шустерман (Полуботко) Любовь Тимофеевна из хутора Сухие Челбасы сообщила еще и о том, что в посадке во время войны был похоронен наш солдат. Хоронила его мать Любовь Тимофеевны вместе с другими женщинами.

Произошло это событие в начале августа 1942 г., после боев под Кущевской, наши войска отступали. Группа бойцов остановилась на х. Средние Челбасы. Немцы их преследовали и обстреляли из пушек. Одного бойца ранило осколком. Бойцы везли раненного товарища, а в пяти километрах

от хутора Сухие Челбасы боец по дороге умер. Они оставили умершего товарища на краю посадки, сами поскакали в хутор, чтобы сообщить жителям о товарище, которого необходимо было похоронить.

Любови Тимофеевне было тринадцать лет. Она видела, когда во двор к Корсунам приехали бойцы на лошадях. В поводу вели лошадь без всадника, но с амуницией. Бойцы напились воды, умылись и уехали.

Была жива вторая женщина — Нестеренко Таисия (умерла в 2009 г.). Она рассказывала, что когда-то была молодой, они пололи в поле, а в обед отдыхали на краю посадки. Женщина постарше пошла в посадку, и там молилась и плакала. Спросили ее: «Почему вы плачете?» И она рассказала, что здесь похоронен солдат. Но могилы, как таковой, уже не было. Потом посадку досадили, и теперь могилу найти стало еще труднее.

Эти события происходили на краю хутора. Никто почти ничего не знал. Поэтому других свидетелей разыскать не удалось.

Полевые работы предполагаемых мест захоронения результата не дали, но поиск продолжается.

В связи с тем, чтобы ни один солдат, погибший за нашу жизнь и наше благополучие, не был забыт, поисковики решили поставить памятник неизвестному солдату.

Огромную помощь оказали предприниматель Дыкань Наталья, художник Жук Надежда и Жук Анатолий. Они безвозмездно предоставили поисковикам готовый памятник с текстом. За это им от всех нас низкий поклон и огромное спасибо.

Совместными усилиями ВПК «Русичи», ООО СУ-3 и школьников х. Сухие Челбассы памятник в кратчайшие сроки был установлен возле предполагаемого места захоронения.

8 мая 2010 года было торжественное открытие памятника неизвестному солдату.

Памятник стоит на краю лесопосадки. Люди всегда посещают это место. Теперь мы знаем, что еще один наш защитник, хоть и неизвестный, но не будет забыт. Ведь человек умирает дважды: первый раз — умирает тело, второй — когда о нем забывают.

Николай ЛЕМИШ

КАНЕВСКАЯ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ВОЕННЫХ ДОРОГ

1. Предисловие.

Такова судьба нашей многострадальной России, что все предыдущие войны врывались в мирную налаженную, или начинавшую налаживаться жизнь. И все прошлое, нынешнее и будущее стало отсчитываться по принципу «до войны ... и после». И вновь народ наш испивал в полной мере горькую чашу своей судьбы...

Несмотря на лихолетье начала 30-х годов, голодомор, расказачивание и гибель крестьянства, жизнь в станицах и хуторах Каневского района стала налаживаться. На ноги становились колхозы, росли заработки и доходы колхозников. Уже в 1936 году люди вдоволь наелись хлеба. В колхозах появились свои автомашины, выросло дойное стадо. Две крупных машинно-тракторных станции - Каневская и Куйбышевская обеспечивали своей техникой весь ход сельхозработ. В 1937-40 году были хорошие урожаи яровых и озимых культур.

За излишки зерна, полученного на трудодни, колхозники приобретали велосипеды, патефоны, сепараторы и даже швейные машины. В 1938 году было закончено строительство районного дома культуры в центре станицы Каневской. Несмотря на то, что основным строительным материалом был саман, РДК простоял до начала 70-х годов. Во многих станицах строились клубы, сельмаги, школы. Каждый колхоз стремился оборудовать детскую площадку для детей колхозников, прототип нынешнего детсада. Появилась вера в завтрашний день, надежда на лучшую жизнь. Кино теперь «крутили» не только в кинотеатре Каневской, а и на колхозников к благам цивилизации.

К началу войны подрос станичный парк, высаженный на бывшей церковной площади еще в 1925 году. Он получил название «Летний сад имени 1 мая». В 1939 году в станичный парк провели водопровод и электричество. В районе было до десят-

ка вальцевых мельниц, элеватор, лубзавод, коммунтрест, сельпо и сеть сельских магазинов. В Каневской и других станицах района работали десятки различных трудовых артелей, где шили обувь, одежду, конскую упряжь, изготавливали примитивную мебель. К началу войны Каневская районная больница была одним из лучших медицинских учреждений северной зоны. Кстати, Каневской лубзавод (пенькозавод) стал призером Всесоюзной Сельскохозяйственной выставки 1940 г. в г. Москве. По сути, все предвоенные годы Каневской район был постоянным призером этой выставки. Особенно многочисленной была делегация Каневских аграриев на выставке весны 1941 года.

Именно он, 1941 год разделит нашу жизнь на два временных понятия...

«Ах, если б не было войны…» (слова из песни). Действительно, жизнь налаживалась, появлялась прослойка сельской интеллигенции. Газеты, журналы, радио открывали селянам новый, неизведанный мир. К услугам молодежи, рвущейся к знаниям, широкая сеть сельских библиотек. И школа «семилетка» стала простой реальностью. Для молодых людей открыты широкие возможности получить нужные профессии агротехника, животновода, тракториста, комбайнера, шофера. Спокойная мирная жизнь.

Вот только страницы газет пестрели пугающими заголовками. Фашистский сапог топтал Европу, легко завоевывая одну страну за другой. Где-то далеко шла война, в огне пожарищ, под бомбами фашистских бомбардировщиков гибли мирные жители. Тревожно и неспокойно в мире. Но после того, как Советским Союзом был заключен дого-

вор с фашистской Германией о ненападении, встревоженный тон центральных газет сменился на мажорный. И только пожилые люди, собираясь в узком кругу, шептались и, доверительно склонившись друг к другу, делились своими тревогами. Гитлеру верить нельзя, он нагл и коварен. Покорил уже всю Европу, очередь теперь за Советским Союзом. Почти все полководцы наши расстреляны еще в 37-м. А сколько тысяч мы потеряли в Финскую? А эта война будет пострашнее Финской кампании...

Так жили и мыслили наши отцы и деды в преддверии Отечественной войны.

2. Война началась.

Воскресное утро 22 июня 1941 г могло бы промелькнуть в череде дней незамеченных, просто входным днем, если бы... в 4 часа утра по широкому фронту, гитлеровские войска не перешли в широкомасштабное наступление, перейдя государственную границу СССР. Лето далеко, на западной границе, гибли пограничные наряды, в огнях пожаров полыхали Брест, Белосток, Минск. И все новые и новые полчища бомбардировщиков обрушивали свой смертоносный груз на врага.

В Каневской было тихое и мирное утро. Поднимающееся солнце предвещало тёплый и солнечный день. Все было как обычно. На лугах сочная, росистая трава ложилась под косы косарей. У колхозников новая страда. Прополка и сенокос. Почтенные станичники спешили на базар, в сельмаг за покупками. И, конечно, только у колхозников летом нет выходных. В центре Каневской, на площади перед сельмагом играет радио. Бравурная музыка, песня, создают определенный праздничный настрой. Это единственное место, где собираются люди послушать радио. До войны оно было для многих единственным средством информации.

По радио сообщили о том, что скоро будет передано важное правительственное сообщение. И только к обеду люди, находившееся в центре, услышали выступление Молотова по радио. Его глуховатый, невыразительный голос донес трагический смысл страшной беды, свалившийся на советский народ. Война. Одно это слово изменило жизнь сразу миллионов людей. Кто-то лишился будущего, а многим и многим жить осталось до своего последнего, рокового боя. Трагическая весть разнеслась по станице. Те, у которых дома было проводное радио, сообщали

трагическую весть друзьям и знакомым. По колхозным станам были разосланы вестовые.

Радио сообщало одну весть хуже другой. Объявлена мобилизация. Бесстрастный голос диктора перечислял возрастные группы, подлежащие призыву. Беда уже постучалась в каждый дом. Кругом крик, стоны, плачь. А во дворе военкомата собрались первые добровольцы. Тут же крутились зеваки. Каждый теперь определял, где и как ему быть. А возле громкоговорителя на площади, в пыли, бился в конвульсиях эпилептик. Пойди отличи теперь больного от симулянта...

А где-то, на западе, истекая кровью, сражался гарнизон Брестской крепости. Танковые колонны фашистов катились по шляхам Белоруссии. Бомбили Минск. Брест давно в огне пожарищ. А потом пришла и совсем горькая новость. Немцы бомбили Киев... Горькими были первые дни войны. Фашисты, не смотря на отчаянное сопротивление красной армии, занимали один город за другим, прорываясь вглубь России. Тогда и родились слова песни: «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой...»

3. Кубань на военных рельсах. Историческая справка.

С началом войны экономика Краснодарского края, весь уклад жизни, были переведены на военный режим. Над всем стал довлеть девиз «Все для войны все для победы» Создаются комитеты обороны в северной зоне края, в том числе в ст. Приморско — Ахтарской, Тихорецкой, в г. Ейске. Постановлением Краснодарского крайкома ВКПБ, на отделения НКВД, местные гарнизоны были возложены функции по охране стратегических объектов, а именно: мостов, вокзалов, нефтехранилищ, заводов, Аэродромов, объектов водоэлектроснабжения мельниц, Машино -тракторных станций.

В первые недели войны было принято постановление о мобилизации конского поголовья не только из госрезерва, но и из колхоза. В армию отправили автомашины, тяжелые трактора фураж и продовольствия. Война проглатывала меж тем не только материальные, но и людские ресурсы.

8 ноября был подтвержден статус Комитетов обороны в ряде регионов Краснодарского края.

10 ноября 1941 года было принято постановление об эвакуации вглубь страны пищевых предприятий края.

11 ноября принято секретное постановление Крайкома ВКПБ «О дополнительной мобилиза-

горькая память войны

ции населения на рубежи». В Северной зоне надлежало мобилизовать 26 тыс. человек, в том числе и жителей Каневского района. На Донской рубеж (оборона г. Ростова) надлежало направить 48 грузовых автомашин, 80 тракторов с прицепами и 2050 пароконных подвод. Вышло и другое секретное «Постановление», «о срочной сдаче на переработку поголовья скота и свиней с 34-х колхозов и совхозов Каневского района».

Поступило указание о формировании в традиционно казачьих станицах, кавалерийских эскадронов из числа лиц мужского пола, не подлежащих по возрастным ограничениям и состоянию здоровья призыву в действующую армию. Младший командный состав формировался из казаков имевших военный опыт «старой» армии. Уже второго декабря 41-го года в 3-х Кубанских кавалерийских дивизиях проходили военную подготовку 6,5 тыс. казаков разных возрастных групп. В одном из полков служили и Каневские казаки. Он дислоцировался в станице Брюховецкой. ? состава служили уже в Красной армии или были красными партизанами. 15 процентов Каневского эскадрона составляла партийная прослойка, 15 человек были орденоносцами.

С началом осени на Кубань стали прибывать эшелоны с эвакуированным населением из городов Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Воронежа. Несмотря на существующее военное положение, в партийных и советских органах, да и в среде населения бытовало мнение, что немцы не придут на Кубань. Дорого потом обошелся всем Каневчанам этот скоропалительный вывод.

4. Каневская. Жизнь в тылу.

С началом войны Каневская районная парторганизация направила на фронт 400 коммунистов и 869 комсомольцев. 120 добровольцев были направлены в Пластунскую дивизию. 300 человек разных возрастных групп вступили в отряд истребителей.

Из 170 человек, беспартийных и коммунистов, в ст. Каневской формировался казачий, кавалерийский эскадрон. Обязанности по вещевому снабжению эскадрона были возложены на колхозы и совхозы Каневского района. Умельцы шили казачье обмундирование, обувь, конскую упряжь. Кузнецы ковали из автомобильных рессор шашки, кинжалы, изготавливали повозки военного образца. Не были обойдены в этом плане и трудовые артели, артели инвалидов. Они были включены в общую программу по шитью военной формы и обуви.

Из числа участников империалистической, гражданской войн были назначены инструктора, которые обучали молодых казаков пешему и конному строю, стрельбе, владению холодным оружием. Восстановили даже старый казачий тир, что находился когда-то рядом с кладбищем. Эскадрон постепенно становился боеспособным подразделением и в начале 1942 года вошёл в состав 17-го Кубанского кавалерийского корпуса, который в последующем стал именоваться 4-м Кубанским Кавалерийским корпусом. Впервые кав. корпус проявил себя в известном сражении с фашистами под станицей Кущёвской. Кони этого корпуса процокали копытами достаточно и по берлинским мостовым.

Урожай 1941 года, хоть и с большим трудом, но убрали. Сильно сказалось отсутствие квалифицированных трактористов и комбайнёров, опытных агротехников. Вся тяжесть сельского труда была перевалена на плечи стариков, женщин и подростков. Работать приходилось в неимоверно трудных условиях Женщины, у которых детей можно было бросить на стариков, жили здесь же в бригаде, неделями не появляясь дома. Был обычным труд 10, а потом и 8-летних детей. Они пасли лошадей, коров, овец, колхозную птицу, работали на зернотоках. Брошен был клич: "Женщин за руль трактора!". И женщины занимали места за рулём, штурвалом вместо отцов, мужей и братьев, ушедших на войну. Весь урожай 1941 года пошёл в фонд обороны. Поздней осенью, с соответствии с Постановлением ВКПб, в районе "подняли" скот из 31 колхоза и совхоза. Днём и ночью скот и свиней гнали "гоном" на мясокомбинаты в г. Армавир и Краснодар. Комбинаты работали круглые сутки, а мясо шло напрямую в армию. Только совхоз Красногвардеец направил на переработку 2000 голов свиней. Дыхание войны чувствовалось повсеместно, но, к сожалению не настолько, чтобы вовремя приготовиться. Это проявилось воочию в июле 1942-го.

Между тем, жизнь в тылу шла своим чередом. Остро ощущался недостаток продовольствия, фуража, моторного топлива. Одежда людей ветшала, не было спичек, мыла, керосина. Электростанция, обеспечивая электроэнергией в основном центр станицы, давала ток 3-4 часа в сутки. Совсем не было запчастей на трактора. Пытались протянуть, реставрируя изношенные детали. А кузнецы, токари, фрезеровщики вообще были на вес золота.

И хоть была введена бронь на отдельных специалистов, но призыв в армию большинства ме-

хаников и механизаторов нарушил сложившуюся систему работы МТС. Сев весны 42-го года обещал быть невыносимо тяжёлым. Так оно и оказалось.

Несмотря на серьёзную нехватку продовольствия, станицам Каневской, Стародеревянковской, Привольной, Новоминской (тогдашний центр Новоминского района), Челбасской, входившей в состав Крыловского района, осенью 1941 года пришлось принять первый поток эвакуированных из г. Москвы, Сталинграда, Ленинграда, Воронежа. Среди них было много евреев. Люди были отправлены в эвакуацию как говорится "кто в чём стоял". Размещали их "на жительство" по домам станичников, а на работу определили по колхозам.

Это была рабсила, абсолютно не приспособленная к сельскому укладу, тяжёлому физическому труду. В доме нашей семьи квартировала семья евреев из г. Ленинграда. Хорошие интеллигентные люди, но попали в жестокую жизненную ситуацию, оставив хорошую работу, квартиры, налаженный быт. В последнем потоке эвакуированных, они даже не имея носильных вещей, вырвались из кольца, которое армия Фон Лесба замкнула вокруг Ленинграда. Того, что им пришлось пережить, пройдя через бомбёжки, кровь и страдания, хватит на несколько человеческих жизней. Последний поток эвакуированных попал в Каневской район из разбомбленного немцами эшелона между Каневской и Стародеревянковской. Их всех потом немцы, при пособничестве местных полицаев, расстреляли в 1942 году.

Это особые страницы в полной трагизма военной истории ст. Каневской.

5. Каневская 1942 - год несбывшихся надежд. Историческая справка.

Несмотря на разгром под Москвой и изменение наступательной стратегии немецкой армии, и переход к обороне, 41 год для нашей страны не принёс ничего хорошего.

В орбиту интересов Гитлера попали Азербайджан и Иран, как пути выхода к своему сателлиту Турции. Более того Гитлер жаждал получить в свои руки Бакинскую нефть, а для этого нужно было выйти к Кавказскому хребту. Таким образом, нужно было захватить Поволжье и Северный Кавказ. А у Советского командования появилось ложное представление после победы под Москвой о серьезном снижении потенциала гитлеровской армии. В соответствии с этим Ставкой Верховного Главнокомандования на 42й год был запланирован ряд наступательных опера-

ций. А Кубань по-прежнему была тылом. Предприятия Краснодара, Армавира, Ейска были переориентированы на выпуск военной продукции. Весенний сев 42го года был проведён в необычайно трудных условиях. Полуголодные люди работали на пределе физических сил, валясь буквально от усталости. Всё и везде подчинено девизу: «Всё для фронта, всё для победы. Фронту нужен был хлеб, поэтому людские страдания были абсолютно не в счёт. Продолжалось в 42 м году и строительство оборонительных укреплений под г.Ростовом-на-Дону. Там трудились тысячи людей, собранных со всех регионов Северной части Краснодарского края. В распутицу весны 42го года специальные команды, составленные из девушек и молодых женщин, носили в наплечных сумках продукты для бойцов Красной Армии. Известны случаи, когда их превращали в подносчиков снарядов для артиллерийских дальнобойных орудий. Ведь на Ростовском направлении дивизии были достаточно обескровлены и малочисленны. Между тем, несмотря на близость театра военных действий, люди жили своими маленькими человеческими радостями.

2 марта Краснодарский крайком ВКПБ принял постановление о проведении в крае 2-х кинофестивалей, одного колхозного, другого детского. Именно демонстрация фильмов должна была укрепить в кубанцах веру в скорую победу, помочь им преодолеть все тяготы самой кровопролитной из войн. Демонстрация фильмов должна была происходить в кинотеатрах и клубах всех районов края.

Но каневчане увидели войну воочию... в августе месяце. И всё получилось намного ужаснее, чем в фильмах о войне.

В 1942г. И.В. Сталин, Ставка Верховного Главнокомандования, Генштаб планировали ряд широкомасштабных военных операций, но все они потерпели неудачу. А после того, как наши войска с позором оставили Воронеж, Сталин подписал небезызвестный приказ № 227. В нем говорилось: «...Бои идут у ворот Северного Кавказа. Немецкие войска рвутся к Сталинграду, Волге. Хотят захватить Северный Кавказ. Враг уже захватил Ворошиловград, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, Воронеж. Часть войск Южного фронта, идя за паникёрами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьёзного сопротивления и приказа из Москвы, покрыв свои знамёна позором... Приказ №227 получил название: «Ни шагу назад»

31 июля Военсовет Северо-Кавказского фронта принял постановление «О задержке неорганизованно отходящих отдельных подразде-

лений и военнослужащих поодиночке с поля боя. Согласно этому постановлению с 1 августа на рубеже Белая Глина, Тихорецкая, Крыловская, Каневская, Тимашевская, Красноармейская, Крымская, станция Тонельная, Новороссийск, на берегу Черного моря, устанавливались заградительные отряды, которые должны были задерживать, Разоружать и направлять в пункты формирования военнослужащих, отходящих неорганизованным порядком и не имеющих командировочных удостоверений. При этом для рядового и младшего комсостава формировались штрафные роты, для комсостава – штрафные батальоны. Для оказания помощи офицерам НКВД по охране тыла действующей армии, и по задержанию отступающих, в масштабах фронта были созданы 40 оперативных групп, в каждой по 10- 15 человек. Повсеместно создавались военные трибуналы. В войсках Северо-Кавказского фронта работу военных трибуналов налаживал Лазарь Каганович, прозванный на Кубани за неслыханную жестокость в период голодомора «Мамаем». У этого ограниченного и малограмотного человека, бывшего портного. И иных методов, кроме «чрезвычайных» да звериной жестокости, не было.

В боевых порядках войск, понесших потери до 2/3 личного состава, попросту не было танков, самолётов, снарядов, мин, автоматов, даже винтовок. Но всё же реально оценивая ситуацию, Каганович обратился к И.В.Сталину по поводу направления на Северо- Кавказский фронт дополнительных танковых соединений. Но их командование вообще не имело. Война уже давно велась на пределе человеческих сил. Фронтовые неудачи под Ростовом показали, что у армии не только не хватает вооружения, но самое страшное, военного опыта. Войска по-прежнему только учились и целиком на своих ошибках, за которые щедро заплатили уже солдатской кровью.

Многие авторы литературных произведений о войне описывали горечь отступления именно в июле 42 года. Его так и назвали гипотетически «горьким июлем» В памяти Каневчан, переживших спешную эвакуацию, а потом и оккупацию, он июль, остался и поныне в тяжких снах и воспоминаниях...

Весна 1942 года для каневчан была запоздалой, безрадостной, холодной и голодной. Много трудностей пришлось перенести пока провели весенний сев. Семян в обрез, тракторов мало, они ежедневно ломаются. А на выбракованных лошадях много не наработаешь. Выручали быки, но животные эти крайне строптивы, и с ними

больше намучаешься. Пригодился опыт 30-х годов. Бороновать « на коровах» Пытались пахать и на них, но корова ложится в борозду и поднять её весьма трудно. Каневчане активно участвовали в строительстве оборонительных укреплений на Донском рубеже. Люди, транспорт шли туда непрерывным потоком. Вся тяжесть рабского труда по рытью противотанковых рвов, траншей, огневых точек ложилась на женские плечи. Они были и носильщиками и подносчиками снарядов и санитарами. Мне приходилось беседовать с колхозницами, непризнанными участниками войны, побывавшими по нескольку месяцев на передовой в реальных фронтовых условиях, имевших контузии и даже ранения. Несмотря на это, они так и оставались гражданскими лицами. Тогда о себе не думали. Время было не то. Ведь враг стоял у ворот Северного Кавказа.

Меж тем. обстановка на Северо-Кавказском фронте всё более становилась тревожнее.. вести, получаемые с мест боёв совсем не радовали. Уже в июне 42-го стало ясно, что фашисты вскоре придут на Кубань. Это заставляло органы власти на местах, предпринимать экстренные меры в плане того, чтобы немцам не доставалось в первую очередь продовольствие и работоспособность промышленных объектов. Да и сама обстановка на полях не позволяла расслабиться. Остатки зерна из амбаров давно вывезены, новый урожай ещё не созрел, но его ждут, ждут, чтобы быстрее убрать. Даже по ночам с элеватора идёт отгрузка зерна на промышленные центры. В срочном порядке колхозникам раздают птицу, поросят, ягнят. Это по сути уже часть эвакуационной программы. Меж тем обстановка под Ростовом критическая, наша армия с трудом сдерживает фашистское наступление. Дыхание передовой ощущалось уже и в Каневской. Полусырое зерно пытаются в спешном порядке убирать, но ломаются комбайны. Неукоснительному исполнению подлежит приказ И.В.-Сталина, что врагу не должно достаться ни килограмма зерна, ни одной единицы исправного оборудования, ни одного трактора, ни автомашины, ни лошадей.

3-го августа, по свидетельству Первого секретаря Каневского РК ВКПб Ерёмина, он и начальник РО НКВД Володарский, были вызваны в 3 часа дня в спешном порядке в штаб 17-го Кубанского кавалерийского корпуса. Их ознакомили с положением дел на фронте и предложили в срочном порядке провести эвакуацию района. До прихода в Каневскую фашистов оставалось от силы два дня....

Татьяна КУН

ПИСЬМО ИЗ 43-го

Светлой памяти мамы Нины Александровны Терещенко посвящается

> Не верю, не верю, не верю В такую большую потерю, Но сердце сжимается болью С твоей материнской любовью Эпоха ушла в бесконечность В отчаянно длинную вечность ...

Не верю я всё же, не верю, Что ты не откроешь мне двери, Не встретишь меня у калитки Своею лучистой улыбкой, Проблемы мои не рассудишь И сердце моё не остудишь...

Как сердцу мучительно больно, И катятся слёзы невольно -Я больше тебя не увижу, Я больше тебя не услышу Твой голос чудесный и звонкий... Ты всё понимала так тонко...

Молчит телефон вечерами Тебя больше нет рядом с нами. Как сильно тебя не хватает-Об этом Всевышний лишь знает. Пусть жизнь и прошла быстротечно, Но в сердце останешься вечно!!!

Так было угодно Судьбе, чтобы 3 апреля 2010 года не стало моей любимой мамы.

Перебирая старые документы, я нашла по-желтевший от времени листок из блокнота, каких сейчас уже не выпускают. То, что я прочла, меня поразило. На письме стояла дата «28/IV 43»- 1943 года. А в письме:

«Дорогие тёти и Нина!

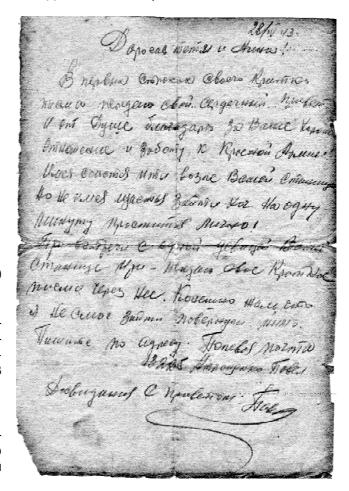
В первых строках своего краткого письма передаю свой сердечный привет и от души благодарю за ваше хорошее отношение и заботу к Красной

Старое фото-1970 год

Армии! Имея счастье идти возле вашей станицы, но не имея счастья зайти хоть на одну минуту проститься лично! При встрече с одной девицей вашей станицы - Ирой передаю своё краткое письмо через неё. Конечно жаль, что я не смог зайти, повернуть мимо .Пишите по адресу: Полевая почта 13225 Атрощенко Павел

До свидания. С приветом, Павел.

А на обратной стороне этого листочка

Для Нины

ТАНК

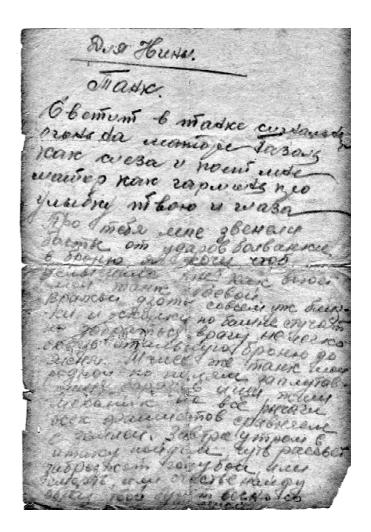
Светит в танке сигнальный огонь, На моторе газоль, как слеза И поёт мне мотор, как гармонь Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне звенели болты От ударов болванки в броню. Я хочу, чтоб услышала ты, Как воюет мой танк боевой.

Вражьи дзоты совсем уж близки И осколки по башне стучат, Но добраться врагу нелегко Сквозь стальную броню до меня.

Мчись же танк мой родной по полям Заплутавшихся фрицев ищи Жми механик на все рычаги Всех фашистов сравняем с землёй

Завтра утром в атаку пойдём Чуть рассвет забрезжит голубой Или смерть, или счастье найду Образ твой будет вечно со мной!

Столько лет мама бережно хранила этот затёртый листок из блокнота! Она очень редко рассказывала о войне, оберегая нас от переживаний.

Ужасы голодовки 33-го года, боль и страдания, потеря отца в Великую Отечественную Войну оставили в её душе незаживающие раны.

Владимир САЯПИН

ПОЛКОВНИК

Быль

Многие мои ровесники вспомнят этого человека. Он был одним из кусочков нашей детской действительности. Откуда и когда он появился - никто не знал. Он жил своей обособленной, таинственной для нас, пацанов, жизнью. И уже одно то, что эта жизнь так отличалась от обычной, вызывало у нас интерес, граничащий со страхом.

Все звали его полковник. Черный, грязный бушлат с поднятым воротником, руки, спрятанные в рукава, как в муфту, на ногах какое-то подобие бахил, спутанные седые космы, борода - все это отпугивало, заставляя держаться подальше. Если других деревенских алкашей и попрошаек мы, бывало дразнили, то Полковника мы не трогали никогда. Может быть потому, что он никогда не просил подаяния. Если что давали сердобольные станичницы, он молча брал, бывал и пьян, но никто его не видел пьющим ни с кем. На выезде из станицы, в угоду тогдашней политической моде, была воздвигнута ракета на постаменте из металла. Внутри этого постамента Полковник и поселился. Оттуда он выползал по утрам, туда и возвращался уже в темноте.

Поговаривали, что Полковник воевал, был чуть ли не летчиком, что какой -то нелепый случай перечеркнул жизнь человека. Честно говоря, не особо верилось, ну алкаш и алкаш. Но две вещи не давали мне, пацану, покоя. Однажды я случайно столкнулся с ним взглядом и был поражен небесной синевой этих глаз и неожиданным разумным выражением их, никак не сочетающееся с бомжацким видом. Он, по-моему, даже усмехнулся слегка в бороду, увидев мою оторопь. Второе: у нас по соседству жил директор школы, Михаил Емельянович, редкой интеллигентности человек, в золотых очках, красив своей благородностью. Всегда предупредителен, подтянут, его очень любили дети, что само по себе редкость. И на его фоне весьма контрастно выглядела его жена, редчайшая, простите, неумность и спесь, не хозяйка дома и квочка в школе, так ее дразнили. Поражало другое: я несколько раз видел, как Полковник заходил к ним. Уходя от них, он всегда уносил в узелке какую-то снедь. Михаил Емельянович с Квочкой провожали его до калитки и долго смотрели ему вслед. Как потом оказалось, они получали по доверенности его пенсию, а может и нет, просто прикармливали человека.

Соседи пытались узнать что-либо о Полковнике, но Михаил Емельянович мягко уходил от этой темы. Даже Квочка, вопреки обыкновению, молчала, делая, правда, очень таинственный вид. Но однажды моему отцу и другим соседям на какойто праздник, удалось разговорить директора, который слегка выпил. Он сказал, что с Полковником уже после войны случилась какая-то нелепость. То ли его оклеветали, то ли сталинская машина ухватила зубом человека и перемолола его. Полковник, якобы, долго сидел, потом пытался добиться реабилитации, но добило его то, что живущая в Ростове жена отказалась от него, сообщив детям, как тогда водилось, что их папа- герой погиб. Как и почему он попал в нашу станицу, каким образом семья директора сумела разглядеть в нем что-то человеческое и добиться его доверия - неизвестно. Вся эта неизвестность только удобряла почву интереса людей.

Прошло два года. В один из летних дней я увидел Михаила Емельяновича, который шел с Полковником домой. Он в чем-то горячо убеждал того. Полковник шел задумавшись. Скоро они скрылись во дворе. На другой день утром, я вышел за калитку и замер пораженный: Михаил Емельянович отряхивал с черного костюма какого-то незнакомца невидимые пушинки, Квочка поправляла галстук и оглаживала пиджак, заботливо оглядывая аккуратно подстриженного, выбритого ... Полковника! На пиджаке его теснились порядка десяти весомых, боевых наград, не нынешних юбилейных, которыми очень любят гордиться обозники, не сумевшие на войне получить ни одной награды, но четко усвоившие привилегии и права, которые завоевали для них настоящие фронтовики, которые уже почти все лет тридцать, как лежат в могилах. В руках Полков- ник держал портфель. Я был поражен неожиданной породой и статью этого человека. Господи, как же немного нужно для того, чтобы скатился человек на самое дно и какую же надо иметь силу воли, чтобы не деградировать до конца! «Реабилитировали, поехал к семье в Ростов» - шепнула счастливая Квочка соседкам и умилительно загляделась вслед Полковнику, сложив у подбородка калачиком пухлые ручки.

Прошла жаркая летняя неделя. Два дня урча и погромыхивая собирался долгожданный летний ливень. И вот он грянул в воскресенье после обеда. Такого дождя я с тех пор не видел ни разу в жизни. Страшные удары грома с ослепительными

историко-литературное объединение «родник»

На снимке: слева – мой дед, Кондратьев Алексей Александрович, гвардии капитан, 1944 г.

молниями дополняли потоки воды, льющиеся с небес как при великом Потопе. По дороге вода шла рекой, глубина которой достигала выше колена. Скомканная стайка чьих-то гусей и уток, истошно вопя, уносилась водой вниз, к речке. Я сидел на веранде дома и с восторгом глядел на это неистовство природы.

Сквозь струи дождя я увидел фигуру человека, который шел, цепляясь за забор

беспрестанно падая в грязь, неуклюже поднимаясь, По мере приближения я узнал его. Полковник...

Пустой, пьяный взгляд, распущенный галстук, никакого портфеля. Он медленно прошел мимо нашего двора и ввалился в калитку Михаила Емельяновича . После этого он уже пил так, что потерял человеческий облик. Он почти перестал появляться у директора, ходил бесцельно пьяной тенью по станице, мотая лохматой (снова) головой и мыча что-то про себя. Квочка проболталась женщинам о следующем: приехав домой, Полковник застал в семье в качестве мужа подлеца, который и подвел его под трибунал. Самое интересное, что

жена об этом знала. Она отказалась дать даже адреса детей, выставив Полковника за порог.

Зима 1969 года, если кто помнит, была самой ужасной на Кубани за долгое время. Ранние сильные морозы и снегопады сменились в феврале ужасными пыльными бурями. Дети неделями не ходили в школу, на животноводческих фермах размерзались водопроводные трубы. В домах было холодно и пыль, пробивающаяся сквозь рамы окон, лежала толстым слоем на всем. В одно такое морозное и ветренное утро люди, спешащие на работу, нашли Полковника. Он замерз, свернувшись калачиком, на скамейке автобусной ожидалки. Как и кто его хоронил - я не знаю. Скорее всего сельсовет зарыл как бомжа где-то в углу кладбища с номерком на кресте. На Руси не привыкать...

Квочка жаловалась соседям, что Михаил Емельянович впервые за сорок лет их жизни угрюмо напился. Оказывается и у него было четыре ордена. А мы и не знали.

Мой дед, офицер, прошедший войну, имевший пять боевых орденов, приехал к нам на 9 Мая. Он немного был в курсе дел, узнав о случившемся заматерился, ударив кулаком по столу. Вечером, сидя с ним на лавочке, я сказал: «Деда, вот скоро и ты уйдешь, многие ветераны уже уходят», на что он мне ответил: «Успокойся, после нас ветеранов с каждым годом будет все больше. Поднимут голову тыловики и особисты, которые побаиваются это делать, пока мы живы». Верю. Через четыре года, в 1979 году, его не стало. Ему было всего 69 лет. Но как он был прав! Когда я вижу в день Победы ветерана, на груди которого настоящие, боевые награды, хочется в пояс ему поклониться. Но их уже так мало...

Простите нас все, кто завоевал нам эту Победу. Полковник, сломанный подлецами, мои деды, так и не успевшие воспользоваться нынешними благами, пенсиями и квартирами, которыми наше «родное государство» наконец-то облагодетельствовало оставшихся. За тех недорослей, которые ничего о войне не знают и знать не хотят. Все равно, людей, помнящих Ваш подвиг и благодарных Вам за него – огромнейшее большинство. Вечная Вам Память!

P.S. Весной, когда сошел снег, мы пацаны, с опаской заглянули в ракету, логово Полковника. Охапка перепрелой соломы, укрытая какой-то грязной рядниной и томик Есенина, который ввиду его крайней грязности никто не решился взять в руки - вот и все, что мы обнаружили там.

Владимир САЯПИН

ПАХНЕТ ЛЕТОМ...

Пахнет летом и нескошенными травами В той сторонке, где меня никто не ждёт. Полузагнаный по жизни и затравленный Уезжаю в степь, омытую дождём.

Наконец-то я сумел приехать в гости, Тишиной меня и грустью обними Уголок на деревенском на погосте С дорогими мне, бесценными людьми.

Не богатые, по-сельскому, могилы, Не люблю я расфуфыренных могил. Все вы здесь, к кому душа всегда стремилась Вся родня, все те, кого я так любил...

Ждёт земля дождя, безветренно и душно, И ворчит за степью дальняя гроза. Смотрят, молча, выворачивая душу На родных могилах милые глаза.

Разложу я немудрёную закуску И налью в стакан гранёный коньяку, Со свиданием, скажу, родные, с грустью, Все, кто дорог был мне на моём веку.

Почему поуходили вы до срока? Почему ваш дом остыл, очаг погас? Боже мой! Как же без вас мне одиноко, До чего ж мне не хватает в жизни вас!

Я давным-давно, с мальчишьих лет заметил, Убеждаясь много лет потом подряд; Что какой-бы не гулял в округе ветер, Но берёзы на погосте не шумят.

Защимит в глазах и пульс в висках забьётся, Шмель лохматый на ромашке загудит. Ощутив необратимое сиротство Вдруг заноет сердце горестно в груди.

А вокруг, как в детстве – огненное лето, За рекою – синь и ждут косы луга, Тёрпко пахнет степь полынью разогретой, Зной в садах на том и этом берегах. На закате небо к ветру ярко-красно, Над рекою низко лебеди летят. Пахнет яблоками воздух, лето к Спасу, Скоро августовский хлынет звездопад.

Скоро снова загрустит земля о зное По траве раскинув росный бисер слёз Кисть рябинную осенний дождь омоет Листьев золото смахнув с ветвей берёз.

Низко в пояс поклонюсь могиле деда, Всем родным могилам прежде, чем уйти, Не грустите, через год я вновь приеду Если только не споткнусь на пол-пути.

Если сердце болью от обид не стиснет, От обид, что всех больнее от своих, И предательство родных и самых близких Вдруг не выбьет землю из-под ног моих

Я приеду вновь сюда, к могилам милым Я вернусь под сень рябинок и берёз. Чтобы летним ливнем начисто отмыло Душу грешную, отвыкшую от слёз.

Владимир САЯПИН

БАРВИНКИ

Знаю место одно у реки Где легко на душе и на сердце, Там в апреле цветут барвинки И туда меня тянет, как в детство.

Где бы ни был я этой порой Отменяю я все и бросаю, Вечно занятый или больной Я весною сюда приезжаю.

Доверял только вам я, цветки, Все печали и радости бывшие, Сколько знают мои барвинки Молчаливо головки склонившие!

А какие сплетались венки Чтобы лечь на роскошные косы! Барвинки вы мои, барвинки Юность давняя, чистые росы...

А каким был роскошным букет В два охвата в руках у девчонки И пылил старый велосипед, И звенел голос девичий звонкий.

Сколько гроз отгремело с тех пор, Поразбавило ливнями нежность, Только вы, как немой мне укор, Сохраняете синюю снежность.

Словно очи бездонные той, Что когда-то так ярко приснилась Вы цветете, родные, весной, Чтоб и как на земле не случилось,

Все достигнем когда-то мы дня, Чтобы стать пред последним порогом, Вы цветите и после меня Если так предначертано Богом.

И как гимн чистой юности той, Той далекой, той чистой, несмелой, Пусть несбывшейся светлой мечтой В небе голубь трепещется белый.

Рисунок И. Максаковой

Николай Лемиш

Рассказ быль

СМЕРТЕЛЬНАЯ ОБИДА

В основу рассказа положены действительные события, "произошедшие в одной из Кубанских станиц в начале богатого на несчастья 20-го века. События длиною в два десятка лет... .Нам просвещенным и цивилизованным людям из 21-го века описанные события покажутся более чем странными. Ведь сегодня девичья честь отнюдь не находится на пьедестале почета. Мораль общества ныне серьезно отличается от патриархальных воззрений казаков «домостроевской» эпохи. А ведь именно тогда девичья честь ценилась особенно дорого и нередко платили за нее страшной ценою — человеческой жизнью. Ну а мы ... мы растеряли не только ее, честь, но и неизмеримо большее "если бездомные старики, брошенные дети, дети- беспризорники не вызывают ни сочувствия, ни удивления. А меж тем из «телеящика» изливается непрерывным потоком на нас грязное информационное месиво из садистских убийств, крови и человеческого разврата. Поистине не ведаем, что творим...

Этот обычный мирный осенний день был для Тимофея Летяка неудачным буквально с первых лучей поздно восходящего солнца. Пала первотелка, напрочь погубив мечту иметь в хозяйстве добрую корову. Зорька, чудом уцелевшая за годы его военных скитаний, уже совсем состарилась. Ну, а дальше хуже... Тимофееву семью, несмотря на то, что он был демобилизованным красноармейцем, обложили дополнительным продналогом. Он знал еще из армии, от комиссара, что рабочие голодают, но не думал, что у него по этой причине будут отбирать последний кусок. В ревкоме, куда обратился Тимофей, он не получил поддержки. Секретарь ревкома – лысоватый, средних лет человек с невыразительным усталым лицом, нудно объяснил, не глядя в глаза, о засухе в Поволжье, пухнущих с голоду людях. Бывший красноармеец, он имел пролетарскую сознательность, но у самого в закромах не густо и ртов хватает. К тому же простреленная в Польском походе нога, трудно сгибалась, и потому хлебушек давался ему несравнимо труднее, чем другим. Приведенные аргументы подействовали поэтому на него слабо и, выскочив, на ходу нахлобучивая шапку, он пожалел о собственном унижении. Уже второй год пошел, как окончилась гражданская война, а покоя казакам нет. В станице уже давно обосновались чоновцы, а тут еще по слухам прибыл из Ростова карательный отряд. Покоя не стало от бандитов, а прибывшие выявляют казаков, служивших в «добровольной» армии, и особенно офицеров. По ночам же хозяева станицы как раз бандиты. Для них нет преград, они обходят все заставы и кордоны, и чоновцы им не помеха.

Придя домой, Тимофей сидел, погрузившись в свои невеселые думы. Очнулся от собачьего лая.

У ворот стоял коренастый военный в кожаной

тужурке, таком же картузе и портупее. Сзади топтались двое в длинных кавалерийских шинелях и буденовках, держа винтовки наизготовку. Коренастый был угрюм, настроен явно недоброжелательно. Спросив фамилию, буркнул: «Собирайся». Выскочившая жена Лукерья закричала, поняв, что в дом пришла беда. Тимофей попытался узнать причину ареста, но приехавшие объяснять чтолибо отказались. Командир ответил неохотно: «Там разберутся».

В этот же день его вызвали на допрос. Негромкий, но властный голос велел ему садиться на табурет, стоявший у стола. Ярко горевшая керосиновая лампа освещала часть комнаты, оставляя лицо писавшего как-бы в полумраке. Тимофей присмотрелся. Следователю было за сорок. Ранняя седина тронула не только виски, но и когда-то смоляной чуб. Преждевременные морщины – очевидная печать пережитого, не портили приятное, но волевое лицо. Косой шрам через щеку придавал этому человеку мужественность. Откинувшись на спинку стула, он произнес твердым голосом: «Гражданин Летяк, вы знаете, за что арестованы?» «Нет». «Произошло недоразумение, объясните, в чем состоит моя вина?» последовал вопрос: «Вы служили в добровольческой армии?» «Да, несколько месяцев, но потом перешел на сторону Красной Армии. Считаю, что вину свою уже искупил кровью, честно служа трудовому народу. Награжден именным оружием».

Допрашивавший внимательно выслушал ответы Тимофея и, держа горящую папиросу двумя пальцами, спокойно произнес: «Мы это знаем, как и то, что вы скрытый враг Советской власти». «К тому же ваш брат в плавнях. Обвиняетесь вы в связях с оставшимся белогвардейским охвостьем. С пособниками контрреволюции разговор у нас

историко-литературное объединение «родник»

короткий. Советую во всем признаться». И военный для убедительности положил на стол маузер.

Тимофей из этого вступительного слова понял уже исход допроса, как и свою дальнейшую судьбу. Поэтому и решил молчать. Но после того, как военный, помедлив, задал ему вопрос об отношениях с Пантелеем Рябошапкой, Тимофей опешил. Причем здесь Пантюха – односум и друг детства?

Человек со шрамом наседал: «А Агафон куда подевался?».

Мучаясь в неведении, Тимофей пытался разобраться. Почему тот, со шрамом, спрашивает о друзьях детства Пантелее и Агафоне. Определенно Тимофей с ним уже встречался. Но где, когда? Похоже, еще молодым. Мучаясь и не находя ответа, он вдруг вздрогнул от догадки: это же Афанасий, брат Екатерины, над которой они в свое время так глупо подшутили, опозорившись сами на долгие годы. Боже праведный! Неужели! Прошло добрых двадцать лет.

Тимофею стало нестерпимо жарко и он расстегнул ворот бешмета. Так, а фамилия..? Тот, что привез Тимофея, назвал его «товарищем Спиридоновым». Да, фамилия другая. Но это не меняет дела. Определенно это он, брат Екатерины. Но ведь столько лет прошло! Пресвятая Матерь Божия, заступница, спаси и сохрани! Неужели пришел мой час? На кого же оставлю деток малых? И зачем же я его узнал? Лучше бы не узнавал. В неведении умирать легко и просто. Боже праведный, как давно это было!

... Тогда было Тимофею, Пантелею и Агафону по пятнадцать лет. Агафон, правда, был чуть старше, самое большее месяцев на десять. Их крепко спаяла совместная дружба. Были они выходцы из крепких, работящих и многодетных семей. Взрослели в это время рано и поэтому трудились они уже наравне со взрослыми. Повседневный, порой изнурительный труд всех « от мала до велика» был уделом большинства казачьих семей, времени на игры отводилось мало. Но в любую свободную минуту они сбегались вместе. Не редко были у Агафона. Тем более, что тот еще доводился Тимофею дальнею роднею. И «степа» их были рядом.

А тот роковой день был праздничным, и все трое, выполнив все трудовые повинности, «гуляли», как всегда, вместе. Что было «до того», потом никто не помнил. Но что было «потом», все помнили до последних дней... Тимофея от начавшихся воспоминаний бросило в озноб. Да, Ульянка, Агафонова сестра, нажарила тыквенных и подсолнечных семечек, и все трое отплевывались шелухой. Предложение Пантюхи «погулять у куцого» так и повисло в воздухе без поддержки. Тому явно хотелось привлечь к себе внимание по случаю новой с

поясом рубахи, но все было бесполезно. Наверное, по причине того, что Агафон был против обыкновения необычно задумчив. И вдруг ни с того ни с сего пожаловался друзьям о своей беде, да еще с такой болью, что на такое движение души оба проявили живейший интерес. Дело в том, что Екатерина – дочь церковного старосты Карпа Прокофьевича, крепкотелая, кареглазая, с бровями вразлет и донельзя острая на язык надрала Агафону уши. И кувыркнувшись с разлапистого корневища, Агафон, дурачась, показал, какими стали у него уши после экзекуции. «Та в нэи, лыдащои нэвиры пальци як жилизни», - добавил Агафон. «Цэ сатана в спидныци». «Так вона ж дурна дивка», - после паузы резюмировал в свою очередь Пантелей. Но оказывается, что «дурна дивка» осмелилась опозорить «щирого казака», коим не без оснований считал себя Агафон. Титул «выдный казак» был тоже неплох. Беда в том, что «выдный казак» имел нехорошую привычку шмыгать носом. Это и стало предметом оскорбительной насмешки со стороны Катьки. На правах человека пятью годами старше, она высказала, что Агафон «ны тилькы соплыстый», но и у него не все ладно «по мужскому дилу» и рекомендовала посидеть на теплом ветерке «шоб штаны просохлы».пересказав столь оскорбительные выражения, Агафон даже голосом изменился. Естественно, что большего оскорбления для парубка и придумать было невозможно...

И тут мимо их дома лихо промчался открытый фаэтон. Парубки, закончив беседу, со всех ног устремились вслед. Дородный возница в лихо заломленной папахе с шиком остановил экипаж у ворот Карпа Прокофьевича. С него сошли четверо осанистых и солидных казаков, а с ними еще молодой, почти безусый. Друзья обратили внимание на переднего, высокого роста седобородого с серого сукна черкеске, расшитой галунами, при погонах и перевязанного рушником. И остальные выглядели весьма колоритно. Шедший следом за седобородым моложавый казак, с лихо нафабренными смоляными усами, нес на расшитом рушнике высокую хлебину. Другой, пониже ростом, прижимал к груди «казенную» четверть с водкой, с головкой, запаянной сургучом. Замыкал «кавалькаду» тот, самый молодой. Меж тем ворота распахнулись во всю ширь и почетная «депутация» ввалилась во двор. Радостные Карп Прокофьевич и Лукерья Поликарповна встретили приехавших у порога, и все прошли в дом. Пантелей, славившийся сообразительностью, проговорил: «О, сваты прийихалы, мабудь Катырыну сватать».

Агафон в сердцах выговорил: «Й куму вона гылэнда вытрышковувата нужна!» и добавил: «Чи ны цяця!» на этом начинающие реторы закончили свое

историко-литературное объединение «родник» —

выступление и в ожидании дополнительного зрелища расположились неподалеку на старых кротовинах. Ждать пришлось достаточно долго, но не проходящий интерес удерживал их на месте. Наконец раздался оживленный гомон, и в воротах показалась целая толпа. Раскрасневшиеся, оживленные гости и не менее оживленные сопровождающие громко разговаривали, шутили. Женщины стыдливо прикрывались платками в ответ на реплики приехавших. Прокофьевич вел, по приятельски полуобняв, седобородого, бывшего, по всему видно, самым уважаемым человеком. Катерина и молодой казак из приехавших хоть и шли позади всех, но были здесь главными действующими лицами. Ясно было, ради них и затеяно появление столь колоритных гостей. Тимофей, не отличавшийся особой корректностью, аж сплюнул: «О, вже обкрутылы, оцэй молодэнькый с трохы распляцаным носом выдно жиных». Агафон вставил реплику: «Ты глянь, яка худорба, а туды ж – в жиныхы». И хлопцы рассмеялись.

Между тем приехавшие стали прощаться. Лукерья Поликарповна вытирала слезы платком головного платка. Все окружили фаэтон, а черноусый казак со знанием дела стал что-то объяснять мужчинам, показывая на рессорный ход экипажа. Видно, речь шла о достоинствах этого новоявленного средства передвижения. Приехавшие стали степенно рассаживаться под прощальные возгласы провожающих и через несколько минут застоявшиеся добрые кони рванулись, и все стихло. Друзья вернулись на облюбованное бревно, сожалея, что ничего интересного более сегодня им увидеть не придется. Обиженный Агафон не расставался с мыслью чем-нибудь насолить Екатерине. И тут Тимохе, взгромоздившемуся выше всех, пришла в голову мысль «пошутковать» над Катериной, имевшей всегда желание наводить «чистоты» возле двора. И он предложил «наквацювать» той «чистюхе» ворота чем-нибудь таким, чтобы она намучилась их вымывать. Агафон предложил использовать лепешки, оставшиеся от проходивших по улице коров. Тимофей посчитал это унизительным даже для самих себя. Пантюха, как и Агафон, имевший «шило в одном месте», посоветовал намазать ворота дегтем, а еще лучше - переработкой от паровика мельницы. И было решено использовать и то, и другое. Встретиться решили поближе к ночи у Агафона. Действовать надлежало быстро, чтобы дома не кинулись. Желание отыграться на Екатерине было сильнее страха, и Агафон взял на себя заботу по заготовке хорошего дегтя. К назначенному времени все получилось как нельзя лучше. «Шкода» спер у отца из конюшни бутыль с дегтем, а Тимофей принес в черепяной махотке от мельницы темного смазочного масла, объяснив при этом дяде Демьяну необходимость помазать сильно скрипевшие винтовые замки и ворот на колодце. Друзья, кто чем, по-скорому размазали принесенное по воротам и без шума растворились в темноте.

Спали безмятежно, не ведая своими глупыми умами, что сотворили. А сотворили такое, что по прошествии стольких лет Тимофея и сейчас бросает в дрожь.

Наутро ворота явились миру в самом неприглядном виде. Все содеянное рано поднимавшаяся по многолетней привычке Лукерья Поликарповна. На ее отчаянные крики сбежались домочадцы и кое-кто из соседей. Хозяйку, потерявшую при этом сознание, занесли во двор, и невестки без особого успеха приводили ее в чувство. Катерина плакала навзрыд. Стоял невообразимый гвалт. Карп Прокофьевич, собравшийся перед этим идти на службу, стоял оторопело, не зная, что ему делать. А потом, видно, предприняв над собою усилие, стал отдавать распоряжения. И вскоре Екатеринин брат, Матвей, впопыхах оседлавший коня, поскакал в станичное правление. Случилось небывалое. Была опозорена семья, пользовавшаяся уважением и отличавшаяся набожностью. Катерина была известна не только трудолюбием, чистоплотностью, но и девичьей чистотой. У большинства людей и в мыслях не было обвинить ее в чем бы то ни было предосудительном. Ведь ворота мазали только тем женщинам и девушкам, которые не берегли честь. Здесь же было все непонятно. Но факт есть факт. Разрешить теперь ситуацию могло лишь станичное правление. Ох, если бы знали неудачливые шутники, как отзовется на их родителях, их самих содеянное, они бы десятой дорогой обходили бы этот двор. Но увы, молодость глупа...

Тимофей чуть не застонал от нахлынувших воспоминаний. Как сейчас он представил унижение отцов всех троих нарушителей порядка. Они еще раз просили прощения у невесты и ее родителей при установке ворот на место, и им вторили унылыми голосами виновные. При этом отцы заверяли «опчество», что «смутьяны» не минуют «семейного наказания» по всей строгости. Учитывая произошедшее, присутствовавшие только могли представить, что еще ждет хлопцев. И несмотря на видимость благополучного разрешения скандальной ситуации, не все верили, что для семьи церковного старосты все обойдется. На Карпа Прокофьевича было тяжело смотреть. Он с трудом превозмогал свалившееся горе и внезапную болезнь жены. Как набожный и нравственный человек он понимал, что вся процедура снятия позора еще не обозначает полной реабилитации. И неизвестно

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «РОДНИК» —

чем еще все закончится. Тимофею было особенно жалко собственного отца, абсолютно тоже ни в чем не виновного...

... Оглядев свое узилище, вздохнув при этом тяжко, Тимофей вновь по прошествии стольких лет проклял себя и сгинувших друзей за содеянное. Вспомнил, как приехавший на побывку брат Екатерины, Афанасий, с погонами юнкера требовал самосуда над виновными, считая наказание «общества» недостаточным. Он был явно неудовлетворен решением схода. В то же время у станичного правления хватило ума отличить озорство от злого умысла. Пойти открыто на расправу, самолично, Афанасий побоялся, зная, что придется иметь дело с близкими виновных. Ситуацию разрядила краткосрочность отпуска. С той поры в станице его никто не видел. Пострадавшую семью преследовали одно несчастье за другим. Жених, науськанный жестокосердными и глупыми людьми, при поддержке родни отказался от намеченной партии. Екатерина осталась без всяких перспектив выйти замуж. Так людская молва наказала ее в очередной раз. Победил консерватизм станичников.

Но беда не приходит одна. Лукерья Поликарповна хоть и встала, но была «не в себе». Она уже не была ни матерью, на которой держалась семья, ни даже парой рабочих рук. Прокофьевич сильно сдал. Подросшую младшую дочь тоже никто не сватал. Семья еще держалась на отцовском авторитете, да религиозном воспитании детей. Было очень трудно, потому что молва так и не оставляла их в покое. Карп Прокофьевич, чтобы быть меньше на людях, оставил церковную службу. Единственное утешение - это Афанасий, учившийся в кадетском корпусе и проживавший у дяди, купца первой гильдии в Новочеркасске, - он был выпущен офицером и определился в свиту наказного атамана войска Донского.

... Молодость быстро берет свое. Зажили и физические, и душевные раны у всех троих друзей. Они уже готовились к службе в приготовительном разряде, когда семья Екатерины незаметно выехала, продав имущество. По слухам, в Новочеркасск, где ее след потерялся...

И по нынешний день Тимофей не знает ничего ни об этих хороших людях, ни о судьбе самой Катерины.

И вот теперь появился Афанасий. В том, что это он, Тимофей уже не сомневался и был готов ко всему. Как и к самому худшему. Без сна, мучимый воспоминаниями, он еле дождался утра. Ждал нового допроса, но его не вызывали. Об узниках, казалось, позабыли. Раз в день солдат приносил воды и хлеба. Миновал еще один день, потом еще.

На третий день в амбар втолкнули еще одного арестованного. Им оказался его шурин, Матвей, он сообщил, что арестована и Лукерья. Этого Тимофей уже не мог вынести. Не находя себе места, он просил караульного отвести его к Спиридонову, но все было бесполезно. Он никому не был нужен. И только на пятый день, когда едва забрезжил рассвет, дверь амбара широко распахнулась. У входа стояли две шеренги солдат, и один в кожанке стал вызывать заключенных по списку. Набралось с десяток человек. Попал туда и Тимофей. Вызванных выстроили между шеренгами и всем связали руки. Невдалеке их поджидала телега и две линейки, очевидно, для охраны. Арестованных посадили между охранниками, и кавалькада тронулась. Почти впотьмах двигались по притихшим улицам. Выехали за железнодорожный переезд. Стало ясно, что везут на расстрел. Казаки пытались сопротивляться, призывать к помощи, но их быстро утихомирили прикладами. Вскоре телеги остановились. Светало. Вдалеке были видны два огонька, очевидно, на окраине станицы. Кругом тишина, да чернеет куча земли от вырытой ямы. Казаки стали прощаться друг с другом, делиться последними словами. Тимофей потребовал, чтобы им развязали руки, хоть помолиться перед смертью. Но конвойные были неумолимы. Несчастных выстроили у края могилы, солдаты подняли винтовки. Тимофей мысленно попрощался с семьей и жизнью, сыгравшей с ним злую шутку. Раздались выстрелы. Тимофей почувствовал, как рядом попадали его товарищи, но сам он почему-то стоял на ногах живой и невредимый. Открыв глаза, увидел напротив себя главного расстрельщика, того, со шрамом, а еще – злой взгляд из-под козырька фуражки и маузер, конец ствола которого остановился напротив лица Тимофея. И вот теперь он услышал то, чего боялся все эти дни: «Вот мы и свиделись с тобою, бывший красноармеец Тимофей Летяк. Я всю жизнь ждал минуты, когда пристрелю всех вас троих. Отблагодарю, наконец, за то, что вы сотворили с сестрою, моей семьей. Крови мне не жалко, я ее не боюсь». И перед глазами застывшего в ужасе Тимофея вырос сноп огня. Ему стало легко и свободно, а непослушные губы прошептали: «Оцэ пошуткувалы, так пошуткувалы...»

Примечание: вытрышковувата (местное) – лупоглазая.

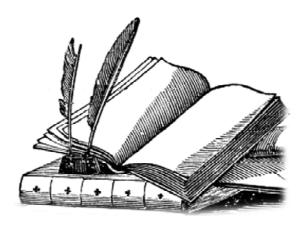

Татьяна КУН

Учителя - особое сословье, Особый, нужный, дружный класс! Сказать хочу я вам без предисловия Скучна была бы жизнь без вас!

Отличных, славных, боевых! И, может, чуточку святых!

Вы ежедневно дарите нам знанья. Мы любим вас за доброту, Души прекрасной широту, За то, что дверь открыли в Мир познанья!

30.09.2001г.

ПЕРВОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЕ

Я помню тот далекий 1961 год, когда я впервые пришла в школу. Это была Начальная школа №6, в здании которой теперь находится Призывной пункт Райвоенкомата.

Был праздник – Первое сентября: море цветов, улыбок, поздравлений. Все были нарядно одеты: девчонки - в коричневую форму с белым фартуком, мальчишки - в серые костюмы с белой рубашкой.

Наверное потому, что среди первоклассниц я была самой маленькой по росту, мне вручили школьный звонок и я, счастливая от такого доверия, звеня этим огромным колокольчиком, обошла по кругу школьный двор.

И вот нас провели в наш первый класс. Огромное впечатление на меня произвел резной книжный шкаф во всю стену, в котором было множество интересных книг.

Класс был большой, как мне показалось, и светлый. Школьные парты с черным верхом стояли в три ряда .

Наша учительница Матрена Андреевна Целовальник рассадила нас за парты – мальчика с девочкой. Меня посадили за одну парту с Алешей Якименко, белокурым голубоглазым мальчиком.

Матрена Андреевна познакомилась с каждым из нас, зачитывая в журнале фамилии. Потом начался наш первый урок.

В то время шариковых ручек еще не было. Каждый из нас носил с собой в школу чернильницунепроливайку, пенал, в котором были: ручка с перышком, карандаш и ластик.

Мы учились писать наклонные палочки с нажимом и волоском, не сразу и не у всех получались ровные красивые палочки, очень часто в тетрадке получались кляксы - владеть пером учились постепенно. Во время уроков Матрена Андреевна часто ходила между рядами парт, смотрела в каждую тетрадку, и если у кого-то что-то не получалось, то она помогала справиться с возникшим затруднением. Ее добрые лучистые глаза не упускали ничего. Вскоре мы научились читать, считать писать, и к концу первого полугодия, когда наши фотографии поместили на школьную доску почета (а это половина нашего класса), мы с гордостью читали под фотографиями свои фамилии. Там была и моя – Терещенко Таня.

Были у нас уроки чистописания, на которых мы учились писать красиво и чисто, каллиграфичес-

С ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «РОДНИК» С

ки. На уроках внеклассного чтения Матрена Андреевна доставала из резного книжного шкафа, так поразившего меня в первый день, замечательную книгу сказок – яркую красочную, и мы читали сказки. Это были самые чудесные уроки.

На большой переменке нас кормили вкусными пышными пирожками с чаем. Питание было бесплатным. А на Новый год у нас всегда были бесплатные подарки. В этом огромную поддержку оказывал наш школьный сад. (Старый сад выкорчевали. Сейчас там тренировочное футбольное поле стадиона.) На уроках труда и во время школьных каникул мы с удовольствием работали в нашем школьном саду. Обрезку деревьев всегда проводил муж Матрены Андреевны, а мы убирали ветки, подбеливали деревья весной и осенью, пропалывали междурядья летом.

Матрена Андреевна на уроках всегда была строгая, но справедливая. Ко всем относилась одинаково, не выделяя «любимчиков», что мне в ней очень нравилось. Она умела и пошутить, и создать рабочую обстановку в классе, всегда чувствовала настроение каждого из нас. Мы старались учиться хорошо.

Когда мы учились уже в четвертом классе, Матрена Андреевна серьезно заболела, а надо заметить, что она была женщиной пенсионного возраста, и наш класс стала вести Лидия Яковлевна Головатинская, мама моей лучшей подружки Оли. Молодая. Красивая.

Матрена Андреевна в школу больше не вернулась. Мы часто всем классом ходили ее навестить, и она нас всегда встречала со слезами на глазах, не скрывая своих чувств. Мы рассказывали ей о своих успехах и неудачах, и она нас прекрасно понимала.

Окончив четвертый класс, мы всем классом сфотографировались у дома Матрены Андреевны вместе с ней на память. Эта фотография до сих пор хранится в семейном альбоме.

Позже в моей жизни было много замечательных учителей, но память о первой учительнице осталась на всю жизнь.

Татьяна КУН

ПИСЬМО ДРУГА

Я сегодня прошел по тропинкам, Где гуляли когда-то с тобой, Где считали когда-то росинки, Что сверкали в траве луговой.

В парке тихо, спокойно, красиво Лишь шумят на ветвях воробьи, Вспоминаются четко, на диво, Мне улыбка и губы твои.

Знаю, я перепутал все даты, Что напрасно тебя я ищу, Где встречали с тобою закаты, Снова имя твоё прошепчу.

Как жалел, что при встрече с тобою, Не сказал я тебе о любви, Может, я бы, поспорил с судьбою, Только имя моё назови.

Помню я, как обнявши березку, Ты смотрела в упор на меня. Тихо щелкнул затвор - ты на плёнке Отпечатке минувшего дня...

Я сегодня прошёл по тропинкам, Где был счастлив когда-то с тобой, Там сверкали когда-то росинки В предрассветной траве луговой...

НОЧЬ

Огонь искрится и играет, Костёр горит в тиши ночной. От счастья сердце замирает, Когда ты рядом вновь со мной.

Звенит тихонечко гитара, Послушная в твоих руках, Звучит родной мотивчик старый И ходит месяц в облаках.

1980 г.

Укрыл нас покрывалом звёздным Июльский, тёплый небосвод, Сияет там охотник грозный, Где звёзды водят хоровод.

В твоих объятиях я таю, Горяч и нежен поцелуй. Тебя люблю – я это знаю, Целуй, ещё меня целуй!

> 26.05.2001 г. (Грозный охотник - Созвездие Ориона)

Жанна Омельченко

Рассказ

ИСТОРИЯ **ЛЮБВИ**

Они встретились, когда им обоим было за 60 лет. Простая русская женщина с далекого хутора и цыганский барон.

Людмила Яковлевна или баба Люся, как ее звали на хуторе, обладала природными данными целителя, доставшимися ей в наследство от матери, и никому не отказывала в лечении, как бы ни занята она была по хозяйству. Подсобное хозяйство у нее было как у всех хуторян: полный набор домашней птицы, козы и огород, в котором работы всегда непочатый край. А еще баба Люся выращивала лекарственные растения, многие виды которых были редкими и в этом регионе не произрастали. Много лет она создавала свой садочек, своеобразный минидендрарий в широких просторах кубанской степи, в котором наряду с лекарственными травами росли могучий дуб, сбрасывающий по осени зрелые желуди, можжевельник с сизыми пахучими плодами, экзотические деревья унабия, маклюра. Можно попробовать и инжир с его нежной мякотью.

Слава о доброте и золотом сердце Людмилы Яковлевны распространилась далеко за пределами хутора. И хуторяне не удивились, когда однажды возле ее двора остановился видавший виды старенький «Москвич», а из него вышел пожилой мужчина, поддерживающий под руку больную женщину. Оба были не местные. Они приехали из-под Майкопа в надежде на помощь.

Мужчину звали Алексей Кириллович, его жену Паша, Прасковья. Они были цыганами. Паша была тяжело больна, и Людмила Яковлевна понимала, что она вряд ли сможет ее вылечить, так как болезнь была запущена. Но цыгане так умоляли ее попробовать, что она согласилась оставить у себя женщину, понимая, что это последний шанс для людей, иначе они не поехали бы за тридевять земель. Ведь в их районе, наверняка, есть свои целители.

Цыганка Прасковья знала православные молитвы и они обе: Прасковья и Людмила Яковлевна молили господа о чуде исцеления. Но чуда не произошло, хотя Паша прожила еще три года и умерла в Майкопской больнице от водянки, несмотря на все усилия врачей.

Шло время. За повседневными заботами стала забываться история с цыганами. Баба Люся продолжала заниматься целительством, принимая страждущих с раннего утра и до темноты. Наступило очередное лето. Пользуясь передышкой, когда не было больных клиентов, она решила потравить колорадских жуков на картофельном поле. Приготовила раствор, как было указано в инструкции, опрыскала огород. Но что-то пошло не так. Надышавшись ядовитых паров, Людмила Яковлевна отравилась сама. Несколько дней ей было очень плохо. Организм слабел.

Помощь пришла вовремя. Глубокой летней ночью, когда Людмила Яковлевна мысленно прощалась с белым светом, к ее подворью подкатил все тот же старенький «Москвич». И каково же было удивление бабы Люси, когда в водителе она узнала Алексея Кирилловича. Цыган настоял, чтобы Людмила Яковлевна показалась врачам, сам отвез ее в районную больницу и оставался на хозяйстве до тех пор, пока она не выздоровела...

Алексей Кириллович оказался не простым человеком, он был цыганским бароном.

Всю жизнь он со своим табором колесил по стране, пока однажды не принял решение: пора прибиваться к земле, к постоянному месту жительства. Не везде были рады соседству с цыганами местные власти, но Майкопская администрация пошла навстречу табору, заручившись «словом барона» цыгана Алексея Кирилловича, и выделила земли для строительства на окраине Майкопа.

Это был умный и расчетливый хозяйственник. Под его руководством был выстроен целый поселок. Для своих детей он построил большие кирпичные дома, в которых разместились четверо дочерей с зятьями, 16 внуков и 27 правнуков. Ну, чем не табор.

Барон держал траур по жене целый год, приглядываясь к потенциальным невестам. Дочери

историко-литературное объединение «родник» —

настаивали, чтобы он женился на молодой вдове из соседнего табора. Но Алексей Кириллович медлил с решением, хотя и мечтал о сыне, которого она могла ему родить.

В те дни, когда Людмила Яковлевна тяжело заболела на своем хуторе, барону приснился сон. Стоит он во дворе бабы Люси и видит, как она уходит от него в сторону речки, заросшей камышом. Внутренний голос нашептывает: «Догони, верни». Оказавшаяся рядом сестра Людмилы Яковлевны говорит ему: «Не догоняй Люсю, она все равно не вернется». А Людмила Яковлевна в это время уже скрылась в высоких камышах.

Сон был из тех, что удерживаются в памяти. Он не давал ему покоя. И в тот же день барон обратился к знакомой гадалке, чтобы она помогла понять значение сна. Гадалка сказала ему, что женщине, которая ему приснилась, очень плохо и что он должен немедленно ехать к ней. Только он может спасти ее. И тогда Алексей Кириллович, бросив все дела, помчался на знакомый ему хутор. Проехав без остановок 400км его «Москвич» в три часа ночи уткнулся радиатором в ворота двора Людмилы Яковлевны... Вот так барон помог бабе Люсе вернуться из камышей к жизни. А когда она поправилась, он предложил ей руку и сердце:

– Юличка, станьте моей женой, – он называл ее так потому, что не выговаривал слово «Люсичка». А так хотелось назвать ласковым именем полюбившуюся ему хуторянку. Людмила Яковлевна ответила ему отказом, и огорченный барон уехал.

А некоторое время спустя, когда наступила зима, и землю запорошил первый снег, барон Алексей Кириллович приехал снова. Его, конечно, не ждали. Он сказал, что отошел от табора, свой дом переписал на зятьев и дочерей с одним единственным условием: зятья должны купить ему новую машину. Те согласились.

И вот он опять на хуторе и снова спрашивает Людмилу Яковлевну:

- Юличка, вы согласны стать моей женой?

И снова Людмила Яковлевна резко ответила ему «нет», и пошла кормить домашних птиц. Но, не дойдя до курятника, поскользнулась и упала. А, поднявшись на ноги, снова поскользнулась и, больно ударившись о бетонную плиту, потеряла сознание.

Алексей Кириллович нашел ее на снегу бездыханной и второй раз старенький «Москвич» мчит Людмилу Яковлевну по ставшей знакомой дороге в станичную больницу. Врачи ставят диагноз: сотрясение мозга. Долгие дни на больничной койке, долгие дни реабилитации дома, где заботливые руки и любовь цыганского барона поставили ее на ноги.

- Юличка, станьте моей женой!

Людмила Яковлевна уже не возражала. Ведь он дважды спас ее, но согласие не давала. Уж очень много было «против»: мнение родных, близких, соседей. И, в конце концов, где это видано, простая колхозница, впрочем, не простая, а до выхода на пенсию звеньевая, где в звене было восемнадцать женщин с непростым характером, и цыганский барон. Но страхи ее были напрасными. Дочери Людмилы Яковлевны приняли Алексея Кирилловича сразу, желая маме счастья. А огромная семья барона и подавно не возражала, мечтая о самостоятельности и отнесясь с пониманием чувствам отца и деда к русской женщине.

Алексей Кириллович был легким на подъем и богатым на идеи. Прежде, чем что-нибудь сделать, он производил замеры, расчеты, наброски чертежей, а потом ехал в станицу и привозил оттуда стройматериалы. Хуторяне с удовольствием помогали ему. Они растаскивали гравий, замешивали цемент с песком, и через каких-нибудь два-три дня двор был покрыт ровным бетоном, а над ним закрасовались ажурные арки, сделанные руками мастера-кузнеца.

Фантазиям и планам Кирилыча, как его называли хуторяне, не было предела. Он отремонтировал дом, сарай, сделал пристроики, поставил забор, построил кузнечную мастерскую, где зимой и летом весь световой день стучал по наковальне тяжелый молот, выточил детали и собрал корморезку для домашней живности. Он мечтал собрать мини-трактор для работы в огороде из заготовленных деталей. Но главное его изобретение, его гордость -это печь для разогрева металла, где умело сочетались угольный и электрический нагревы.

Они всегда были вместе. Пока Людмила Яковлевна лечила людей, Кирилыч стучал по наковальне. Он делал цепи, тяпки и другие нужные людям вещи из металла. А по выходным они ездили в соседние станицы продавать изделия, сделанные своими руками. На вырученные деньги Кирилыч покупал жене подарки.

Барон души не чаял в своей Юличке. Он помогал ей во всем, не разрешал поднимать тяжести, любил готовить вкусные обеды, следил, чтобы она кушала вовремя, что не всегда удавалось.

В семье царили Любовь, Покой, и взаимное уважение. Каждый день Людмила Яковлевна делала открытия: Алексей Кириллович был весельчак, балагур, хорошо играл на баяне, знал много русских песен. Он мог зимой ходить босым по снегу как Порфирий Иванов, а летом вставал пораньше, чтобы пробежаться по росистой траве. А седьмого июля на День Ивана Купала он устроил костер прямо на улице, че-

историко-литературное объединение «родник»

рез который прыгал сам, и веселилась хуторская молодежь, сбежавшаяся на праздник.

Кирилыча уважали хуторяне, дети Людмилы Яковлевны и цыганские родственники. Они были частыми гостями, и для всех находилось доброе слово и угощение

Очень интересными и запоминающимися для Людмилы Яковлевны были их поездки в табор. Их приглашали на свадьбы, и на дни рождения и просто в гости. К бывшему барону относились с уважением, встречали его хлебом-солью, с ним советовались, ему доверяли тайны, просили быть посредником в делах. В общем, как и в прежние времена. Людмила Яковлевна сделала еще одно открытие: цыгане не безбожники, они крестятся, считают себя христианами, соблюдают православные праздники и верят в Бога. А как красиво они поют, как все разом пускаются в пляс под звуки гитары...

Они были по-настоящему счастливы. После длинного летнего трудового дня приняв импровизированный душ из бочки с водой, нагретой на солнце, и накинув на себя чистую одежду, они садились на лавочку у забора, смотрели на красивый закат, потом на яркие звезды, строили планы на будущее и мечтали... О чем могут мечтать двое любящих немолодых людей? Это их тайна.

Как-то к ним нагрянули гости, незнакомые Людмиле Яковлевне цыгане. Барон вышел к ним к калитке, во двор не пригласил. Они долго и бурно что-то обсуждали на цыганском языке. А потом Алексей Кириллович произнес на русском языке слова, которые услышала Людмила Яковлевна:

- Мне нравится этот хутор, эти люди. Мне нра-

вится моя жизнь и эта женщина. Я готов забыть цыганский язык, но женщину эту я не брошу и в табор не вернусь, и, не попрощавшись, закрыл калитку.

Те несколько лет, что они были вместе, Людмила Яковлевна ни разу не назвала его по имени. Всё «Кирилыч» да «Вы, Кирилыч». И тогда однажды он сказал ей: «Если я умру раньше, назови меня хоть тогда Алексеем»

Его слова оказались пророческими.

Наследники не спешили выполнять обещание покупать для отца новую машину. И тогда он поехал к ним сам перед Новым годом. Людмиле Яковлевне он сказал: «Юличка, я вернусь на новой

машине». А четвертого января из Майкопа пришла телеграмма, что старый барон умер. Людмила Яковлевна побежала, полетела туда, не веря, что такое может случиться. Ведь уезжал абсолютно здоровый человек.

Цыганский барон лежал в гробу суровый, красивый, умиротворенный. А когда Людмила Яковлевна заголосила по-бабьи, припала к нему и произнесла: «Алешенька, миленький, сладенький, на кого ж ты меня покинул?» - из-под прикрытых век Алексея Кирилловича выползла и застыла крупная светлая слеза. Слезу видели все цыгане...

Цыганского барона Алексея Кирилловича нет среди нас уже несколько лет. Людмила Яковлевна продолжает лечить людей, приезжающих к ней за помощью из близких и дальних краев. Она часто вспоминает Кирилыча добрым словом за счастье, которым он одарил ее в более, чем зрелые годы и которые она заслужила по праву ЧЕЛОВЕКА. Своей не простой жизнью и умением выстроить это СЧАСТЬЕ, они доказали себе и людям, что счастье возможно, сколько бы ни было вам лет и к какой бы национальности вы не принадлежали.

А люди, которые передают друг другу адрес целительницы Людмилы Яковлевны, продолжают искать этот дом по стуку молотка по наковальне. И с удивлением спрашивают: «Почему молчит наковальня?»

Вот такая история Любви двух пожилых людей цыганского барона и простой русской крестьянки с далекого хутора. Как памятник – напоминание о ней над чистеньким двориком на окраине хутора возвышаются ажурные арки, увитые виноградом.

..Молчит наковальня...

Фото Ж.Омельченко

Пётр Злобин

Пётр Константинович родился 4 июня 1939 года в Сибири город Осинники Кемеровской области. Ещё до школы он уже читал и полюбил книги и поэзию. А писать стихи начал с первого класса, как Пётр Константинович любил говорить - это пробные, детские стихи и продолжал писать до последних дней своей жизни.

Детство и юность прошли в Сибири. Женился, родился старший сын и в 1964 году переехал с семьёй на Кубань. Здесь в Каневской работал в колхозе «Победа» и учился в сельхозтехникуме. Закончил и работал агрономом, и поэтому больше его стихов были посвящены кубанским просторным полям, крестьянскому труду, про кубанскую природу и кубанские зори. Не зря назвал Пётр Константинович свой первый сборник стихов - «Свирель зари».

По состоянию здоровья оставил работу агронома и перешёл в охрану, а стихи продолжал писать до последнего вздоха, как чувствовал, что писать больше не придется.

28 мая 1995 года Пётр Константинович скончался.

Стал сад заметно увядать, Шумит листва с испугом. А я приду к нему опять Поговорить, как с другом.

Мне осень бежевым ковром Расстелет лист под ноги. Его ночами серебром Мороз чеканит строгий.

Узором редкой красоты Распишет листик каждый. Полюбоваться чудом ты Придешь сюда однажды.

Захватит дух от чистоты, От той морозной сини. Ведь это все, что любишь ты, И есть твоя Россия.

Твой дом, и речки тихой гладь, И птиц косяк крикливый... Стал сад заметно увядать, Но стал еще красивей.

Фото 1956 г.. Цветущий сад

Пётр Злобин

ВАЛЬС

В саду играли старый вальс, И только Вы не танцевали. Хотя неоднократно Вас На этот танец приглашали.

Труба мелодию вела, И с такта барабан не сбился. Когда, такие вот дела, Я вдруг в любви Вам объяснился.

Звенел под звездами корнет, И баритоны подпевали. А Вы в ответ, А Вы в ответ, Глаза потупив, промолчали.

И я, в душе себя кляня, За этот разговор впустую: «Раз уж не любите меня, Так хоть давайте потанцуем».

В саду играли старый вальс. Мерцали звездочки-росинки. Плечами задевая нас. Кружились пары, как снежинки.

Не пои меня ты водкой, Не обманывай себя. Через речку утром в лодке Уплыву я от тебя.

Уплыву, тебя оставив, Смоет хрупкий след волна. Ветерку лицо подставив, Ты останешься одна.

Воды речки быстротечны, За волной спешит волна. Усмехнется в след конечно, Ликом клоуна луна.

И опять твоя тревога Растворится в синеве, Звезды дальнюю дорогу Вновь предсказывают мне.

Солнце вызолотит речку, Разорвав ночной покров, Но запомнится навечно Эта тайная любовь.

ПОД ОКНОМ ЧЕРЕШНЯ

Постарела хата, Крыша потекла. Здесь меня когда-то Мама родила.

Слышу голос детства И задорный смех. Под окном черешня, Вишня и орех.

А весной черешня Алая была. Самых спелых ягод Мама нам рвала.

А у мамы ягоды Сладкие, как мед, Мне теперь таких уже Никто не принесет.

Опустела хата, Выросли мы все. Босиком никто уже Не бродит по росе.

Ноги как-то свыклися С тяжестью штиблет. Да и мамы нашей Больше уже нет.

Постарела хата И пошла на слом. Я на месте этом Выстроил свой дом.

Он высок и светел, На виду у всех. Под окном черешня, Вишня и орех.

Степан ДЕРЕВЯНКО

ЕЖАЧОК

Мальчик Миша жил с дедушкой и бабушкой в доме на краю станицы. За домом начиналась широкая балка с луговиной, а за ней простирались поля, поделённые, как пирог ножом, прямыми лесополосами. Так уж получилось, что папа с мамой мальчика разошлись, и мама оставила Мишу со своими родителями—с ними ему будет лучше, чем мыкаться с матерью по садикам да городским общежитиям. Мама Миши решила свою жизнь устраивать в городе.

Мише нравилось жить у дедушки и бабушки. Он любил играть с пушистым ленивым котом Мусиком, с бодливой вредной козой Глашкой, так и норовящей пихнуть Мишу безрогим лбом, и со старым глуховатым псом Пиратом, любящим греться на солнышке. Это были постоянные и верные Мишины друзья, которые, за исключением Глашки, прощали ему все шалости. Но в середине лета у мальчика появился ещё один друг. Как-то поутру, когда Мише сладко спалось, дедушка Павло принёс с покоса в брезентовой сумке, в которой носил свой завтрак, ежонка. Ежонку понравилось в сумке, пахнущей молоком и хлебом, и потому, когда дедушка захотел его вытащить, он фыркнул и свернулся клубочком.

-Ты дывысь, якый герой! Найшов соби хату, - усмехнулся дедушка, вытащил колючий мячик и закатил в Мишину комнату.

Ежонок тут же развернулся и стал её обследовать. При этом пофыркивал и похрюкивал, как поросёнок. Этим и разбудил Мишу. Миша спросонья не мог понять, кто хрюкает, а когда увидел ежонка, вскочил с постели и выбежал на порог.

-Деда, ко мне ёжик пришёл, глянь! – крикнул он. Дедушка Павло отбивал косу на чурбаке у сарая, отложил работу и подошёл.

-А ну ж, дэ вин? Показуй.

Миша нашёл ежонка за диваном.

-O, та тут цилый ежак! – сказал дедушка, достал из кармана рабочую рукавицу и подал на ней ежонка Мише.

-Покажи бабушке, хай дасть молочка.

Бабушка Вера тоже удивилась: «Ежак, ежак, настоящий ежак!», и налила в блюдце молока. Миша поставил перед ежонком блюдце, но тот не разворачивался.

-Сховайся, - сказала бабушка и зашла в кухню. Миша спрятался за бочку с зерном и подглядывал за ежонком. Тот посопел, развернулся и обнюхал блюдце. И сразу начал поплямкивать.

-Ест! Бабушка, дедушка, ест! – крикнул Миша. -Понравилось, ну и добре, - ответила из кухни бабушка.

Так и стал ежонок, которого Миша назвал Ежачок, жить во дворе. Молоко пил из блюдца вместе с котом. Мусику такой нахлебник не нравился, он пару раз, отгоняя, стукнул его лапой, но укололся и перестал прогонять, тем более что бабушка наливала молока вдоволь. И пёс Пират не заинтересовался новым жильцом двора. Так, пару раз гавкнул для порядка, видя, как ежонок пробегает перед будкой. Пират, как все собаки, не любил ежей, но на малого, считал, сердиться старому глупо. Козе же вообще не было никакого дела до ежонка. Она даже не знала, что тому дают её молоко, и оно ежонку нравится. Видя, что он пришёлся ко двору, и никто на него не сердится, ежонок осмелел, стал по темноте рыскать по всем закуткам, сараям и сенникам, и к осенней поре, когда ежи ложатся на зиму в спячку, он вырос в большого ёжика. Ни перед кем во дворе в страхе не сворачивался и чувствовал себя полным хозяином. Дедушка им был очень доволен - во дворе поубавилось мышей и не стало крыс, они не выносят ежиного соседства. А однажды, когда после приморозка клён выстелил своими золотыми листьями половину двора, Миша не увидел ёжика. То за вечер он попадался несколько раз на глаза, к любимому блюдцу приходил, а тут нет и нет. Миша встревожился и спросил дедушку:

-Деда, Ежачок пропал. Он от нас ушёл?

Дедушка поставил на землю корзину со свёклой – он убирал перед зимой огород и повёл Мишу к сеннику. Отвернул в углу ворох сена, и Миша увидел Ежачка. Тот свернулся в клубок и тихо сопел.

-Всё, заснув наш ежак.

-До завтра? - спросил Миша.

-Ни, онучок. До весны, до тепла. Ежаки, як мидвиди, довго сплять, - ответил дедушка Павло, прикрыл ёжика сеном и добавил, - Хай спыть. Не треба ему мешать.

историко-литературное объединение «родник»

Всю зиму Миша поглядывал за Ежачком, думал, может, он проснулся, но ёжик также тихонько посапывал и просыпаться не собирался. Один раз за этим занятием Мишу застал дедушка и спросил:

-Ну шо, онучок, спыть наш ежак?

-Спит, - ответил Миша, - Это ж сколько он до весны снов увидит?

Дедушка улыбнулся:

-Може багато, а може й ни. Весной его сам спытаешь.

А весной, когда уже вовсю зеленела травка и пригревало солнышко, Миша играл во дворе и увидел бегущего Ежачка. Тот ещё не сбросил с иголок сенную труху.

-Бабушка, Ежачок проснулся! – закричал он, на радостях забыв спросить друга про зимние сны.

-Ну вот, раз ежак встав, холода бильш ны вэрнуця, - сказала бабушка и принесла ёжику молока.

И стал ёжик бегать вновь по двору, и всё пошло своим чередом.

А однажды, когда уже вербы за огородом обрядились в молодую листву, с Мишей чуть не приключилась беда. Он был с бабушкой на грядках и заметил под вербой редкое явление - гадючьи свадьбы, когда змеи собираются после спячки в клубок. Клубок двигался, шипел десятками голов, и Миша, набравшись храбрости, бросил в него камень. Бабушка в это время поливала рассаду. И тогда одна гадюка, отделившись от клубка, поползла прямо на Мишу. Мальчик застыл в оцепенении. А гадюка ползла и страшно шипела. И вдруг, откуда ни возьмись, мимо Миши пробежал Ежачок и с разбега, свернувшись, перекатился через гадюку. А потом ещё раз. Укол иголками парализовал змею. Гадюка остановилась, поднимала голову, шипела, но не ползла, и только тогда Миша обрёл дар речи и закричал:

-Бабушка, гадюка!

Бабушка прибежала с тяпкой, отрубила гадюке голову и увела с огорода Мишу. А Ежачок остался лакомиться поверженной змеёй.

Когда вскоре приехал домой дедушка, Миша с бабушкой рассказали ему о геройстве Ежачка. Дедушка поругал Мишу за неосторожность — нельзя трогать змей, в «свадьбу» они очень опасны, а про Ежачка сказал:

-Ежакы ны бояця гадюк. Цэ для их лэгка робота. Тилькы на охоту воны ходять ночью. Цэ наш ежак от молока попутав дэнь и ничь.

Вскоре после того случая Ежачок куда-то надолго пропал, а в середине лета к блюдцу с молоком стали вечерами приходить два ёжика, а потом во дворе Миша увидел ежат и сказал об этом дедушке.

-Знаю, бачив,- ответил дедушка. – Семью наш ежак завив. Цэ добрэ, онучок. Цэ на щастя.

☐ Новелла

СЕРЬЁЗНАЯ ПРИЧИНА

Машеньке три года. Она ходит в садик и оттуда её забирает бабушка. Мама за Машей заезжает после работы. В это же время приходит домой и дедушка Гриша. Он тоже работает, очень любит внучку, но любит и выпить. Сегодня ему подвернулся самогон. Маша помогала бабушке в палисаднике поливать цветочки, увидела приближающегося к калитке дедушку и побежала навстречу. Дед Гриша присел, простёр руки и ненароком дохнул на Машу.

-Фу, дед, я не пойду к тебе на ручки, ты сегодня вонючий! – громко сказала Маша.

-Машенька, самогон не воняет, он пахнет! – пошутил дед.

-Воняет, воняет! Это цветочки пахнут!

-Видишь, дед, до чего ты докатился. И когда ты его наешься, - в сердцах сказала бабушка Галя.

Дед Гриша попытался отшутиться, но, видя Машкин поджатый носик, решил ретироваться и исчез в сарае, где у него располагалась мастерская.

На следующий день Машу из садика снова забирала бабушка Галя, а деду Грише опять подфартило: их бригада чинила прорвавший водопровод у пенсионерки и в благодарность хозяйка поставила мужикам первача. Собрались выпить, но дед Гриша отказался.

-Ты чего, Василич? - не поняли мужики.

-Да так, посижу с вами, а пить не буду, - уклончиво ответил дед Гриша.

-Не поняли! Завязал, что ли?

-Не завязал, но не буду. Причина есть. Серьёзная.

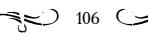
-Тогда ладно, раз причина, - согласились мужики. Открыв калитку, дед Гриша крикнул:

-Машенька, дед пришёл!

И простёр руки. Маша подбежала, прыгнула деду в объятья и закричала на весь двор:

-Бабушка, дед сегодня не вонючий!

И уткнулась курносым носиком в дедову небритую щёку.

Людмила ВЕШНЕВИЦКАЯ

Мне не жаль, что уйдет лето в прошлое...

Отпоют соловьи в ночи звездные, Разгуляется ветер шальной, Упадет на траву лист березовый – Распрощается лето со мной.

Мне не жаль, что уйдет оно в прошлое. Я почувствовать осень хочу, По дорожкам пройтись запорошенным, Золотую потрогать парчу.

Дрогнет солнечный лучик за веткою, Бросив под ноги мне кружева. Всколыхнется в душе что-то светлое, Что никак я забыть не должна.

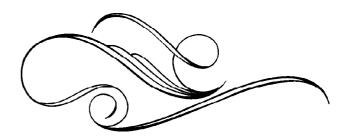
Что-то светлое, чистое, нежное Предо мною откроется вновь. Словно юность моя безмятежная, Возвращаясь, мне дарит любовь.

Между мной и тобой расстояние, Но к тебе, все равно, я вернусь. Там где встречи, любовь, расставания, Ходят рядышком радость и грусть.

Мне не жаль, что уйдет лето в прошлое, Я почувствовать осень должна. И скажу по секрету, хороший мой, Что в нее, как в тебя, влюблена.

23.10.2008 г.

Любить женатого

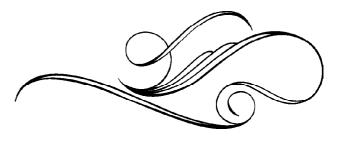
Уйдешь, как всегда; не прощаясь со мною, С порога шагнув в полусонность утра. И будто смеясь над любовью шальною, Ты скажешь привычно: «Прости, мне пора».

Затихнут шаги за калиткою где-то, Следы отпечатав на белом снегу... Умчится моя золотая карета, Догнать я ее ни за что не смогу.

Женатых любить – незавидная доля. Сегодня с тобою, а завтра – одна. Как вырваться птице из клетки на волю, Коль ранена в самое сердце она?

Ничем пустоту без тебя не заполнить. Кричать одиночеству ночью и днем. И, лишь, за окном чья-то песня напомнит Тоскою о счастье коротком, былом.

> 07.03.2007 г. ст. Челбасская

Татьяна ГРЕЧАНАЯ

ХУТОР

Ширь и простор, и пустые все хаты. Мир тишины - очень грустный покой. Жили здесь люди, конечно, когда-то, Да вот оставили жизнь – новый строй...

Птицы сидят на поломанных крышах, Ветер в деревьях листвой шевелит. Где-то вдали звук машин четко слышен, И на восходе поют соловьи.

Голуби стайкой, вспорхнув, улетели. Всё развалилось, травой поросло. Жизнь здесь когда-то текла и резвилась, Но это время с годами прошло.

Люди ушли, всё оставив, как было, Бросили место обжитой земли. Долго собака, оставшись здесь, выла, Видно, её увести не смогли.

Сердцем она приросла к своей хате, К этому месту, к кусочку земли. Поняла – люди во всём виноваты, Только простить не смогла, что ушли...

2001 г.

Белым светом, белым сном, Белым утром, белым днём, Белым помыслом и жизнью, Белым чувством, белой мыслью, Белой краской, белой лаской, Белой правдой, белой сказкой Постарайся жизнь прожить, Всё любить, всем дорожить, Быть весёлым, справедливым, Умным, честным и правдивым, Всех прощать, просить прощенья, Угощать для угощенья, Целовать для восхищенья, Обнимать для теплоты, И творить для красоты.

30.09.2003

Марина ЯЦЕНКО

Наверно, чего-то я не поняла, А может где-то и недопростила. Твой образ в душе, как икону, несла, Забыть не могла, а любить – не любила.

Гвоздём было вбито отчаянье в грудь, И боль от утраты виски сотрясала. И, выжить чтоб, веры мне – хоть бы чуть-чуть! Да веры как раз-то не в то и хватало.

Цеплялась за память, ныряла в тоску, Карабкалась к встрече, едва сознавая: Привычно твой образ в душе берегу, Я просто, что делать с ним, больше не знаю.

Не встреча пекла ожиданьем глаза, А тайная мысль: чтобы не состоялась. Я образ твой так далеко унесла, Что в будущем встретить теперь бы боялась.

Пусть ты, как икона, там, в прошлом, на дне. Я к Судному дню отыщу в себе силы Спуститься в холодную бездну к тебе, Спросить у Всевышнего: что это было?

2004 г.

...Пока ещё твой властен взгляд и твёрд, А я ему едва-едва внимаю. Иллюзии разбиты – ангел мёртв, А человека я не понимаю.

Пыталась, даже верила: смогу! — Моя любовь сильнее льдов обиды! ...Дороги к пониманью перекрыты; Гвоздики жалко тлеют на снегу,

И плачет дождь – неистово, навзрыд: Он помнит нас других – добрей и чище. Но ветра шквал победно пролетит Над мрачно нахохлённым пепелищем,

И бросит полночь нехотя в окно Обрывки вдохновенья подаяньем, Тебя оставив лишь воспоминаньем О том, как много было нам дано.

От тления гвоздик темнеет снег... В тоске картине тягостной внимаю. Мой ангел мёртв. Остался человек, Но человека я не понимаю. Я люблю орхидеи и дождь. И печаль, Свою частую гостью, я тоже люблю. Поздним вечером старый камин растоплю И наброшу на окна покоя вуаль;

Приглашу свою память на чай, а потом Посмотрю фотографии радужных дней... Ничего ты не знаешь о жизни моей – Отгорожен глухою стеной этот дом

От того, где я зримо для мира живу, Где играю бесстрашно и дерзко с судьбой, Где встречаюсь и снова прощаюсь с тобой. И тебя в эти стены я не позову —

Мне одной хорошо там. Ты вряд ли поймёшь, Отчего в волосах слишком много седин, Для чего мне печаль и трескучий камин И за что я люблю орхидеи и дождь...

1996 г.

Ты не ангел, не бес – ты теперь человек, Мой разрушенный храм, мёртвый дождь, чёрный снег, Мой потерянный остров, искромсанный крест. Я бегу от тебя, как от проклятых мест.

Мне тебя не забыть, но таким не принять, Чтоб ещё раз – безбольно уже – потерять. Нет. Теряют навек – с кровью, с сердцем, с рукой

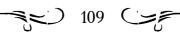
Я простилась с тобой, ангел мой дорогой,

И твой суд не закон мне, не власть – что терять? Осуждённый на смерть разве смеет мечтать? И давно с топора смыта правда моя... Ты теперь человек. Но не знаю, кто я.

1998 г.

1999 г.

историко-литературное объединение «родник» 🥒

Ольга БАРАБАШ

ГУСИ

Незаметна, как дымка легка Тень упала томительной грусти. Я подумала, то – облака, Оказалось, то – белые гуси.

Невесомо плывут надо мной Белопенные двигая крылья, Словно осень зовет за собой И несчастья мои и бессипье.

О, как долог, как медлен полет, Как отчаянно бесповоротен! Это – осень нам знак подает. Это – мы вместе с нею уходим.

Я вам грусти своей не отдам. Вас и так отягчили печалью Те безлюдья и те города, Над которыми вы пролетали.

Я сама понесу свою грусть – И несчастья свои и бессилье. Пусть же легким пребудет ваш путь, Беспечальными – белые крылья.

ст. Придорожная.

Зоя СИЗОВА

Мне осень подарила синеву, Берёзы медный лист утрами росными С таким богатством вновь переживу Зимы-старухи ноченьки морозные.

Сплетают паутинки бахрому, Прощаясь с бабьим летом в тихой просини. С восторгом я и радостью приму Салют прощальный тёплой чудной осени.

Горит костёр калины ввечеру, Закатами, рыдая безголосыми. Однажды буду рада серебру, Что щедро одарит зима с морозами.

Туманно, сыро, спят уж птицы, На сердце – тихая печаль. Мне небо вдруг крылом-зарницей Взмахнуло, будто невзначай.

Пусть краски осени печальны: Предзимье – грустная пора. Я буду помнить взмах прощальный, Как росчерк птичьего крыла.

Вот промчалась и осень Отшумела дождями, Откружила листвою В опустевших садах.

По утрам лишь туманы Над широким лиманом, Да камыш серебристый На крутых берегах

Одиноко воронам: Вновь кричат сиротливо Нам о том , что метели К нам вернутся сюда.

И от ветра согнулись Обнажённые ивы, Тихо шепчут берёзы : Холода, холода....

25.11.03

Ольга ЗОРИНА

СКАЗКА ОБЕССМЕРТИИ

В маленькой тихой деревушке с диковинным названием, которое сейчас уже никто и не припомнит, высоко в горах, жил да был мальчик. Звали его Пёрышко. Да, в этой диковинной деревушке было принято давать детям такие диковинные имена: если ребёнок всё время смеялся, его называли Весельчак, если ребёнок всё время грустил, его называли Плакса. А он был таким лёгким, быстрым и ласковым ребёнком, что назвали его Пёрышко. Если вы когда-нибудь прикасались пёрышком к своей щеке, вы поймёте, каким он был.

Пёрышко пас овец на зелёных горных полянах, собирал цветы на ярких высокогорных лугах, пил воду из прозрачного ручейка. И всё в его жизни было легко и радостно, пока не случилась беда. Сначала умерла его мама. Пёрышко не успел утереть слёзы, как умер и его отец. И остался Пёрышко сиротой.

И сколько ни говорили ему, что смерть - это только шаг в лучшую, прекрасную вечную жизнь, мальчик не мог смириться. Ведь смерть отняла у него самых любимых, самых близких ему людей. И то, что папа и мама сейчас счастливо живут гдето там, на небе, и смотрят оттуда на него, совсем его не утешало. Ведь он хотел, чтобы папа и мама всегда были рядом с ним здесь, на земле.

И пошёл Пёрышко к деревенскому мудрецу, и спросил: «Как победить смерть?» Мудрец ответил: «Я не знаю. Но где-то там, внизу, у подножия гор, в лесу, живёт Колдун бессмертный, он-то знает, спроси у него».

И отправился Пёрышко в далёкий путь. Взял он свою походную сумку, положил в неё пищу и запас воды на три дня, и спустился с гор в долину. Там ему пришлось немало потрудиться у разных людей: пасти скот, выполнять тяжёлую работу в доме, бегать за покупками и нянчить детишек, пока не заработал он достаточно денег, чтобы купить коня и поскакать к далёкому лесу.

Когда Пёрышко вошёл в лес, деревья сомкнули свои ветви над его головой. Пёрышко привык, что над ним всегда светит солнце, сияет небо, и было ему нелегко продвигаться в чаще, где низко-низко шумят листья. Но Пёрышко шёл в глубь леса, пока перед ним не появилась избушка, а у неё, на старом поваленном дереве - старый Колдун с седой головой и длинной белой бородой.

«Что тебе нужно, мальчик?» - спросил Колдун и подбросил веток в горящий перед ним костёр. «Я хочу знать, как победить смерть», - ответил Пёрышко.

«Я научу тебя всему, что знаю сам, - ответил Колдун, - но как победить смерть, не научу и я, хоть и живу на свете триста лет, без сна и усталости».

Долго-долго Пёрышко постигал все колдовские премудрости, но как победить смерть, он так и не узнал. Видимо, старый Колдун и сам не знал этого, хоть и был бессмертным.

Колдун каждое утро точил свою колдовскую косу и напевал при этом странные, очень грустные песни. «Что ты поёшь? Зачем ты каждое утро точишь свою косу - ведь ты ни разу ничего не косил ею?» - спросил однажды Пёрышко. Колдун долго смотрел на него, а потом покачал головой и ответил: «Эту косу мне передал мой учитель, старый Колдун. Сразу после этого смерть забрала его, а я с тех пор должен каждое утро точить её - ведь от того, острая ли моя коса, зависит, как будут умирать люди на этой земле – легко и без боли, или долго и в страшных мучениях. Смерть заберёт каждого из живущих, но от меня зависит, принесёт смерть облегчение или страдание».

Прошло ещё несколько лет. Старый Колдун попрежнему не спал, и хотя он становился всё дряхлее, всё чаще болел, всё труднее вставал по утрам с постели, смерть обходила его стороной. «Ты и вправду бессмертный?» - спросил однажды Пёрышко. «Да, - ответил Колдун, - пока в руках у меня волшебная коса, я не могу ни уснуть, ни покинуть этот мир навсегда. Это так печально!» «Что ты! закричал Пёрышко. – Как это может быть печально?! Я бы всё отдал, лишь бы стать бессмертным. Смерть забрала моих родителей. И я очень боюсь, что однажды она придёт и за мной!»

«Изволь, - ответил Колдун, - возьми мою косу и наточи её, как следует». Пёрышко взял косу из рук Колдуна, и уже через несколько минут не было в мире ничего острее её. «Спасибо тебе, Пёрышко, прошептал старый Колдун, - ты освободил меня от страшного заклятья. Теперь я могу спокойно уйти. А ты будешь точить эту косу, без сна и права на сон вечный, пока не передашь её кому-нибудь другому». Колдун облегчённо вздохнул, упал на влажный мох у корней старого дуба, и душа его улетела на небо.

Пёрышко похоронил старого Колдуна. С тех пор он никогда не спал. И каждое утро он точил колдовскую косу. Однажды он решил отдохнуть от этой работы, но в ушах его тотчас раздались крики и плач умирающих в муках людей, и он сразу взялся за дело – ведь только в его власти было сделать людскую смерть быстрой и лёгкой.

Пёрышко состарился. Его волосы стали седыми, борода – белой и длинной, а мысли – медлен-

ными и тихими. Всё труднее было точить косу, всё больше хотелось уснуть, а ещё приятней была мысль о том, чтобы уснуть и больше никогда не просыпаться. Ведь теперь, на закате жизни, он точно знал — папа и мама ждали встречи с ним там, на небе. Он часто слышал их голоса: они рассказывали ему о другом мире, о том, как счастливо живут там люди, и как они хотели бы снова обнять своего любимого сына и не расставаться больше никогда. Но Пёрышко не мог пойти к ним, как бы ни хотел этого. Он ведь не мог даже уснуть.

И вот однажды в лес пришёл мальчик. «Что тебе нужно, мальчик?» - спросил Пёрышко и подбросил

веток в горящий перед ним костёр. «Я хочу знать, как победить смерть», - ответил мальчик.

«Я научу тебя всему, что знаю сам, - ответил Пёрышко, - но как победить смерть, не научу и я, хоть и живу на свете триста лет, без сна и усталости».

И Пёрышко первый раз за долгие-долгие годы улыбнулся. Он знал: пришёл новый, молодой Колдун. А он, Пёрышко, наконец-то сможет отправиться на небо, к своим родителям. Но сначала он должен сделать всё, чтобы волшебная коса всегда была остро наточена, и дорога в другой мир была для людей лёгкой и приятной.

Любовь была со мной «на Вы»...

А осень сбросила, шутя, Свои увядшие одежды. И я рыдала, как дитя, Над обезглавленной надеждой.

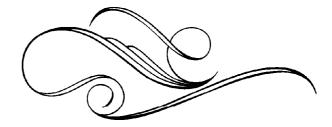
От догорающей листвы Шёл запах ладана и тлена. Любовь была со мной «на Вы», Строга и неприкосновенна.

Она рассыпалась дождём, И закружила листопадом. Она ушла туда, где дом, Туда, где кто-то будет рядом.

А я рыдала, как дитя, За ней идти уже не смея. Пускай теперь любовь хранят Те, кто простить её сумеют.

2009 г.

Сонет

Порою мы во сне встречаем тех, Кого так страстно в юности любили, Но, думалось, что их мы позабыли Для новой страсти и иных утех.

Наш слух тревожит их негромкий смех, Они ведут нас в мир, где мы парили В мечтах, где нас дурманом опоили Любви неразделённой – для потех.

Мучительно порой виденье это – Мы можем жить до самого рассвета В том мире, что для нас давно закрыт.

Влекут с собой коварные виденья, И о потерянном душа болит... Но, к счастью, наступает пробужденье.

2000 г.

Проба пера

Наталья ЛЫСЕНКО

Я люблю полевые цветы: Они пахнут свободой и волей. Но подарены были они Тем, кого ненавижу до боли.

Почему не подарен букет (Человеком, который мне дорог) Тех цветов, что встречают рассвет И росой умываются в поле?

Полевые – мне ближе, дороже – Не хочу я любовь предавать. Ведь люблю я ромашки – не розы, А ты, милый, не хочешь понять!

Пусть шикарна красивая роза – И хоть как ты её назови, Но душе моей ближе мимоза, Как предвестница нашей любви...

2005 г.

Анна ДЕРЕВЯНКО

ДЕЛИШКИ

Встану спозаранку, Выйду на криницу И в рассвете нового Зачерпну водицы

И холодной чистою Ото сна умоюсь Перед ветром выстою Солнцем успокоюсь.

Перед красным радостным Преклоню колени – Нет светлее радости, Чем рассвет без тени.

По зелёной – босая – Лишь едва касаясь, Собирая россыпи. Счастьем улыбаясь.

Побегу я в горенку, Чтоб скорей проснулись, И, в оконце посмотрев, Солнцу улыбнулись.

Суета ворвётся в дом – Завтрак, муж, детишки – Вот такие вот теперь У меня делишки.

Валерий ХАЧАНОВ

«Тот, кто создал азбуку, дал нам в руки нить наших мыслей и ключ природы» Антуан Ривароль (1753 - 1801)

ЯЗЫК СИМВОЛОВ КОСМИЧЕСКОГО РАЗУМА

Что следует иметь в виду при попытках разгадать информацию Комического Разума на Земле? В первую очередь это иносказательность языка символов - образов, поскольку «эзоповым языком» и художественно-геометрическими фигурами нам преподносятся сведения, не слишком, на первый взгляд, выразительными и понятными сюжетами и отдельными фигурами. И тем самым «выдаются» сложнейшие научные знания обо всем, что окружает человека в Мироздании.

В информации, оставляемой Космическим Разумом, процедура «тестирования» человека заключена ...В ВОСПРИЯТИИ ИМ ОБРАЗОВ, которые человек должен сначала «выделить» в предлагаемой его вниманию фигуре, «узнать» этот «образ», дать ему имя, и ОСМЫСЛИТЬ. Чем больше человек информирован сам, тем больше «образов» он выделит в преподносимом ему «калейдоскопическом клубке» информации, и тем больше у него шансов для постепенного узнавания все большего числа «образов» в том же самом «клубке» информации. Чем больший накоплен опыт в узнавании «образов», тем больше все более сложной информации человек узнаёт и понимает. Язык символов - универсален и не случайно служит «переводчиком»: например, для глухонемых на Земле. Как не случайны попытки человечества придумать единый язык общения для всех людей, типа «эсперанто». Как не случайно, что человечество использует именно «язык символов» в своих попытках общения с «братьями по разуму», отправляя свои послания в Космос. Как не случайно, что именно языку символов уделяется колоссальное значение в «Проблеме связи с внеземными цивилизациями». Сожаление вызывает лишь то обстоятельство, что современное человечество, пристально вглядываясь в звездное небо, забывает ...посмотреть себе под ноги, в буквальном смысле стоя на Посланиях Космического Разума, адресованных людям не в далеком космосе, а здесь - на Земле! Причем, начиная с древнейших времен и вплоть до наших с вами сегодняшних дней.

Американская автоматическая межпланетная станция «Пионер-X» впервые в истории человечества в марте 1972 года понесла на своем борту пластинки, на которых были выгравированы: молекула водорода - «кирпичика» мироздания, изображение мужчины и женщины Земли, был показан состав нашей Солнечной системы. А в 1974 году радиотелескоп в Аресибо (на острове Пуэрто-Рико) направил в шаровое звездное скопление М-13 в созвездии Геркулеса зашифрованные двоичным кодом цифры Послания земного человечества «братьям по разуму», дающие при их дешифровке «картинки»: чисел от 1 до 10, атомных весов химических элементов - водорода, углерода, азота, кислорода и фосфора, структурных элементов ДНК и двойной спирали ДНК, изображение облика человека и его размеров, Солнца и планет Солнечной системы, форму и размеры самого радио-

В ЗЕМНОЙ НАУКЕ ИСТИНЫ ПРИНЯТО ДОКА-ЗЫВАТЬ, А ЯВЛЕНИЯ ПЫТАТЬСЯ ОБЪЯСНЯТЬ.

ЯЗЫКУ СИМВОЛОВ КОСМИЧЕСКОГО РАЗУМА ЛОГИКА ЗЕМНОЙ НАУКИ ЧУЖДА. «ДОКАЗАТЕЛЬ-СТВАМИ» ЖЕ ЯВЛЯЕТСЯ УБЕДИТЕЛЬНОСТЬ ОБРАЗОВ, ПРЕПОДНОСИМЫХ КОСМИЧЕСКИМ РАЗУМОМ, И ОТСУТСТВИЕ У ЛЮДЕЙ ВОЗМОЖ-НОСТИ ОПРОВЕРГНУТЬ ЛИБО ПОДВЕРГНУТЬ СОМНЕНИЯМ ИНФОРМАЦИЮ, О КОТОРОЙ ЧЕ-ЛОВЕЧЕСТВО НИЧЕГО НЕ ЗНАЕТ!

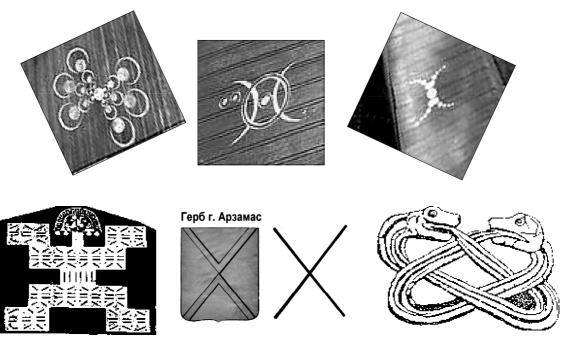
Знающему ИСТИНУ доказывать ее нет необходимости, он может лишь продемонстрировать знание. Тот же, кто вынужден ДОКАЗЫВАТЬ ЗНАНИЯ, - доказывает лишь неуверенность в собственной правоте.

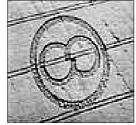
Нам демонстрируют ЗНАНИЯ, ИСТИНУ, - те самые эзотерические знания (то есть - знания лишь для избранных), которые, по греческой легенде, были записаны на изумрудных скрижалях (пластинах) Гермеса Трисмегиста, олицетворяющего даже именем своим ТРИЕДИНСТВО, ибо «Трисмегист» по-гречески - «Трижды Величайший». Тем самым символизирующий главнейшую ценность для христиан - «Пресвятую Троицу». Священным числом древнеегипетского бога мудрости Тота и магическим числом Великого Посвященного - Гермеса Трисмегиста была лежащая на боку восьмерка, символизировавшая бесконечность всего сущего, и «2-х переплетенных змей, кусающих себя за хвосты». А это бесконечное перетекание миров из одного состояния в другое наглядно продемонст-

рировано людям еще в четвертом тысячелетии до нашей эры. Простейшим символом этого главного Закона Мироздания является русская буква «Х»!

Все учение Гермеса базируется на семи принципах, которые в кратком виде можно сформулировать так:

Цитата из журнала «Знак вопроса», № 3 за 1995 год, стр. 139 –

«ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ»:

«...Более 5000 лет сменяли одна другую пятьдесят династий фараонов, и все это время основой непоколебимости Египта оставались священные познания жрецов. Огромными знаниями обладали они в самых различных областях - космогонии и медицине, архитектуре и минералогии, биологии и психологии...

Сама же священная наука основывалась на учении Гермеса. Оно упоминается уже в ранний период существования египетских фараонов и нашло свое отражение в 42 книгах, к сожалению, не дошедших (не дошедших в целости — Х.В.) до нас. О, если бы сфинксы вдруг заговорили, они могли бы, наверное, рассказать нам о многих чудесах той поры - секретах неувядающих, невыгорающих красок и небьющегося стекла, технологии возведения пирамид и тонкостях поливного земледелия...

- все есть мысль (т. е. все можно представить и осознать);
- все подчиняется законам, в мире нет места случайностям;
 - все в мире движется, все вибрирует;
 - все имеет свою противоположность;
- все движение гармонично начавшись в одну сторону, оно завершается движением в другую;
- все в мире имеет свою причину и свое следствие;
- все имеет два полюса, два начала мужское и женское.

Наиболее важным жрецы полагали принцип движения или вибрации. «Тот, кто понял принцип вибрации, схватил и скипетр могущества», - сказано у древних.

Все мироздание, согласно мировоззрению той поры, делится на планы или уровни. Постижение сути вещей начинается с нижнего уровня - простейшей, грубой материи - и заканчивается высшими уровнями тончайшего состояния вещества, энергии. «Причем при определении планов обычных

измерений пространства недостаточно», - говорили посвященные. И использовали кроме трех измерений еще и четвертое. Но это было не время, как мы обычно полагаем в наши дни, а некая мера движения тела, которое древние оценивали степенью вибрации. Чем больше вибрация атомов того или иного тела, тем больше его энергия, а значит и возможности.

Быть может, в этой древней идее есть свой резон и с нынешней точки зрения, когда мы строим современное мироздание из кварков. И все их «очарование», «цветность» и прочие характеристики - есть не что иное, как мера вибрации, используемая еще древними? ..." (конец цитаты. Подчеркнуто и выделено в тексте мною - Х.В.)

Бессмысленно предлагать знания и тем более «доказывать» их тому, кто «не созрел» еще для восприятия этих знаний и их понимания, кто измеряет мир лишь собственным и субъективным мироощущением, не допуская, а гораздо чаще просто отвергая все, что не вписывается в рамки привычных, устоявшихся представлений. Ведь всем известен «научный» подход ортодоксов к чему - то, выходящему за рамки привычных представлений: «Этого не может быть потому, что не может быть никогда!».

Человечество не только существует, как думает, в трехмерном пространстве, оно и мыслит, если можно так выразиться, «трехмерно»: импульсы в мозге человека рождают «образ», который, в свою очередь, «раскладывается» еще на две составляющие: «имя образа» и «совокупность сведений» о нем. И это триединство - неразрывное целое.

Чем отличается «мышление» компьютера от мышления человеческого? В компьютер вводятся лишь две составляющие - «имя объекта рассмотрения» и «совокупность сведений о нем». «Образ» объекта рассмотрения у компьютера отсутствует. Именно поэтому компьютер проигрывает человеку, к примеру, в «одухотворенности», хотя «совокупность сведений» обо всем имеет не сравнимую с человеческой памятью. Попытайтесь «побеседовать» с компьютером «по душам»? С таким же успехом можно «беседовать» с томами энциклопе-

Любое слово - это «образ». Произнесенная даже мысленно фраза - это совокупность множества образов. Когда мы пытаемся кому - либо что то сообщить, не зная мыслительных способностей «объекта общения», мы используем «язык изображений - символов - жестов - знаков», то есть пытаемся вызвать «образы».

Вот почему проблема связи с Внеземным Разумом, где бы он ни находился, в первую очередь связана с «ЯЗЫКОМ ОБЩЕНИЯ».

Лишь имея перед собой «образ», можно попытаться восполнить его недостающими составляющими: его «именем» и «совокупностью сведений» о нем. Но далеко не всегда: основная причина того, что оставленная и оставляемая на Земле Космическим Разумом информация, написанная «языком символов - изображений - образов», до сих пор никем не разгадана, заключена в том, что «образы», оставленные и оставляемые нам, настолько превосходят наши «научные» представления об окружающем нас мире, что человек просто не в состоянии «узнать» предложенные ему «образы», и не находит в своем сознании ни их «имен», ни «совокупности сведений» об этих «образах». Именно по этой причине в своей книге автор вынужден неоднократно напоминать читателям, что языку символов Космического Разума логика земной науки чужда, ибо логика вполне обычного человека, не «зацикленного» на научных догмах, может оказаться куда объемней и образней логики «научной». Особенно если человек этот обладает определенным интеллектом и здоровым, не переходящем разумной черты, скептицизмом.

Следовательно, мышление этого человека окажется гораздо восприимчивее и свободнее мышления «научного».

Язык символов Космического Разума убеждает любого человека именно «образами», заставляя самого человека подбирать «имена» преподносимым ему «образам». И искать «совокупность сведений» об этих «образах» где угодно. Разумеется, в рамках его эрудиции и интеллекта - с помощью библиотек и, крайне желательно, с помощью людей, занимающихся «узкими», конкретными областями фундаментальных наук. Хотя на «консультации» по проблеме связи с Космическим Разумом особо рассчитывать не приходится, поскольку проблема эта и на уровне государств находится в зачаточном состоянии: кропотливой работе над древними изображениями предпочитают «подвиги» в виде отправки сигналов в «шаровое звездное скопление», - как убедятся чуть позже читатели, отправляя послания, во-первых, «на деревню дедушке» - по А. П. Чехову, а во-вторых, отправляя не научные достижения земного человечества, а его «научные» заблуждения. Тратя при этом средства, которые бы очень пригодились для разгадки окружающих человечество тайн здесь, на Земле.

Какими средствами общения между людьми и связи с предыдущими поколениями располагает современный человек?

Между живущими людьми - это речь и письменность, а с ушедшими поколениями - только письменность и изобразительное искусство.

Автор не упоминает о потенциальной способ-

ности любого человека к телепатическому общению, не раскрытой пока по-настоящему.

Что такое речь? Речь - это способность человека формировать художественные «образы», воздействующие на духовный мир его собеседников с помощью звуков (вибраций).

Вообще, любой человек, как и любое живое существо - это «резонансный контур», несоизмеримо сложнее любого камертона, и все органы в нем функционируют, ориентируясь на колебания внешнего мира, окружающего это живое существо. В человеке все построено на вибрациях, начиная с митохондрий в его клетках и заканчивая функционированием его мозга. Вибрации воздействуют на психологическое состояние любого живого существа: взгляните, как действует чей бы то ни было крик боли на всех остальных живых существ. В настоящее время удостоверено экспериментами, что даже растения реагируют на боль живого существа или растения, находящегося рядом с ними.

НЛО «беседуют» с людьми телепатически, возбуждая необходимые для «беседы» частоты колебаний в мозге человека. Отмечено, что многие люди начинают испытывать страх и даже ужас при приближении к ним некоторых НЛО. Особенно негативно реагируют на НЛО животные.

Это свидетельствует о том, что некоторые НЛО не желают «общаться» с людьми (и уж тем более с животными!), и «отгоняют» их неблагоприятными для земных существ вибрациями. В таких случаях людям лучше уходить подальше от НЛО или уходить в помещения.

Символическим изображением разума живого существа является музыкальный инструмент, «подаренный» людям - по древнегреческой мифологии - Гермесом Трисмегистом. Этот струнный инструмент - лира. О Гермесе Трисмегисте (Трижды Величайшем) автором было сказано чуть ранее в связи с другим его «именным даром» людям — это Триединство Величий: Пресвятая Троица в будущем христианском учении!

При общении посредством вибрирующих звуков - речи внутренняя культура говорящего отчетливо проявляется в его же собственной речи, ибо она выявляет духовную сущность человека так, как музыкальный инструмент звучит по - разному в руках различных людей: можно сыграть прекрасную мелодию, покоряющую слушателей, а можно извлечь из инструмента какофонию звуков...

Причем, чем выше интеллектуальный уровень человека, тем образнее и доступнее его речь, покоряющая своей «мелодичностью».

С письменностью дело обстоит сложнее, поскольку письмо - это способность человека и целой цивилизации оставить информацию, в которой звуки выражены в определенных художественных

символах, которые мы называем буквами. Иначе говоря, знаками.

Складывая отдельные знаки в «совокупность знаков», то есть в слова-«образы», мы языком символов эти «образы» размещаем в определенной последовательности, составляя из них целенаправленный и осмысленный информационный ряд, который называем «фразой», но не произносимой вслух звуками, а записанной «молчаливыми звуками», выраженными художественными символами - буквами.

А как быть, если мы не знаем какого-то языка символов, к примеру, древнеегипетского языка символов, выраженного иероглифами?

«Образы», преподносимые нам древнеегипетскими иероглифами, мы не в состоянии ни с чем отождествить, и становимся беспомощными в понимании информации древних египтян. Необходим переводчик с древнеегипетского языка символов на привычный нам язык русских символов. И, соответственно, узнавания нами «образов», преподносимых в этих текстах. Ведь любой язык символов - это язык вызываемых ими образов. Или, грубо говоря, язык изображений: если вы слышите «совокупность звуков» - «книга», в вашей голове сразу же возникает «образ» именно книги, а не, к примеру, автомобиля или трамвая.

Древние египтяне считали иероглифы не только символами письменности, но священными знаками Духа, то есть знаками невидимого разума.

Возьмите в руки любую книгу, «молча» стоящую у вас на полке. Раскройте ее, и вы убедитесь в том, сколько звуков, образов, эмоций и даже страстей, то есть вибраций души, зашифровано в этой книге молчаливым языком символов русского алфавита

Молчавшая до того книга вдруг «заговорила»: вы общаетесь телепатически с разумом ее автора, - посредством ваших глаз.

Контакт с любым разумом происходит посредством глаз («зеркал души»): с иконой, храмом, картиной, скульптурой и т. д. В том числе и с животными. И все «общение» держится на высокочастотной вибрации.

Считается, что беря в руки книгу, мы имеем дело с «неодушевленным» предметом. Однако это справедливо лишь по отношению к материи, из которой изготовлена книга. Но в этой материи «законсервирован» разум человека, написавшего эту книгу.

В отличие от музыки, живописи, скульптур, архитектуры книга воздействует на ваши рецепторы точно направленной информацией, конкретной, а не расплывчатой. Адресуясь к вашему разуму по точно обозначенным вопросам. Таково свойство текстов, написанных разумом. Глядя в текст, вы

общаетесь с иным разумом, хотя и без обратной связи - вы внемлите ему, а он вам нет. Любой текст - это «законсервированный сгусток» чьего-то разума, с которым вы общаетесь, пренебрегая понятиями «пространство» и «время».

И в далекой «безлюдной» галактике вы сможете общаться с разумом, если вы одиноки, но у вас есть книги.

Таким образом, у любого текста есть «душа» и текст нельзя называть неодушевленным, ибо разум, написавший этот текст, хотя и «законсервирован» на тысячелетия, но все его эмоциональные свойства - при нем.

Каждый человек, живущий на Земле, - это раскрытая «книга жизни», которая «закрывается» только по его кончине. Но не закрывается вообще и навсегда, а лишь в частности, в земной жизни, - в материальном воплощении разума. Одна из многих «глав» жизни разума!

Как это ни удивительно, однако есть языки, которым изначально было уготовано «молчание». Иначе говоря, молчаливое бессмертие. Почему-то никто из лингвистов об этом еще не задумался, хотя это довольно очевидно. К примеру, древнеегипетские иероглифические надписи на барельефах вообще не имеют гласных! Если вы читаете написанное нашими современниками имя фараона Хуфу (Хеопс), то знайте, что иероглифами оно записано как «ХФ» (ХПС).

А гласные вы вольны подставлять любые, что и делают современные лингвисты-египтологи, «озвучивая» молчаливые иероглифические тексты ПРОИЗВОЛЬНО!

Этот язык - бессмертная «молчаливая книга», предназначенная для ее осмысления.

«Откройте» книгу, подставляйте одну-единственную гласную букву – любую, и «книга надписей» зазвучит. Но для каждого «читающего» индивидуально, в зависимости от гласной, которую он подставит.

Другой пример. Сложнейшие барельефы - изумительные картины, вырезанные на камне, древнейших индейских цивилизаций, оставшиеся в пирамидах, храмах, дворцах. Они вообще не имеют никаких надписей, поскольку языком символов, совершенно отличающимся от древнеегипетского, зашифрованы только цифры - даты событий, изображенных на барельефах. Снова язык символов, не предназначавшийся для его озвучивания, но лишь для прочтения. Иначе говоря, молчаливого осмысления информации, записанной на барельефах языком изображений.

И снова нам подсказано, что это - «книги», но в картинках, «азбука» языка которых скрыта в самих же изображениях. Скажем, на плато Наска в Перу одной из фигур нам демонстрируется корова, ко-

торую, однако, очень трудно «узнать», поскольку «обрамлена» она несвойственными обычной земной корове «атрибутами» - крыльями и стабилизатором, то есть элементами летательного аппарата, к которым земную корову никак не причислишь. Таким образом, нам показывают хотя и «корову», но не простую, а крылатую или небесную - кому какое название больше нравится.

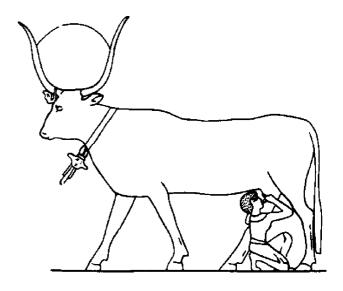
И следовательно нам показан «образ», который, хотя и с большими усилиями, но удалось-таки «узнать»! И дать ему «имя» - «небесная корова».

Стало быть, из «трио» нам осталось выяснить «совокупность сведений» о небесной или крылатой корове.

Однако «совокупность сведений» человеческих о небесных коровах никак не вписывается в «образ» привычных для нас земных коров, - они, к счастью, не летают.

Вот тут - то и приходит на помощь эрудиция. В данной ситуации необходимо увязать «образ» показанной нам небесной коровы с ...легендами о ней древних народов Земли и изображениями коров и быков, оставшихся современному человечеству от древнейших цивилизаций. Это скульптуры «крылатых быков» Ассирии, «небесных коров», под защитой которых находились египетские фараоны, «священные коровы» Древней Индии, «летающие коровы» древнеиндейских цивилизаций, и ...божественные крылатые коровы России, изображенные на притолоках любых христианских храмов и церквей.

Вот вам и фантастическая «совокупность сведений» о якобы мифическом персонаже древности - небесной корове: летательном аппарате.

Египетский фараон сосет молоко небесной коровы. Барельеф из Древнего Египта.

Наука же на образности мышления и взаимосвязях древности с современностью, то есть на интуитивных находках, «научных» истин не выстраивает, хотя всю историю человечества науку продвигали вперед именно одиночки, не располагавшие ничем, кроме собственной головы.

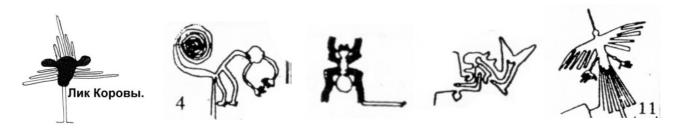
И потому сегодняшняя наука оказывается почти все время перед «запертой дверью», - какую бы область науки ни взять, безукоризненно она в «прокрустово ложе» истины никак не укладывается, и в первую очередь астрономия и астрофизика.

За годы работы над дешифровкой изображений у автора сложилось впечатление, что «образы», преподносимые нам Космическим Разумом, крайне незначительно рассчитаны на сегодняшний уровень человеческих представлений о Мироздании. И именно поэтому, в дополнение к уже оставленной человечеству в древности информации, Космический Разум вынужден предпринимать все новые и новые усилия, способствующие прозрению человечества: речь идет о пиктограммах, во все увеличивающемся количестве появляющихся во всех странах мира.

Остальные фигуры на плато Наска у обычного человека никаких «образов» не вызывают и, следовательно, ни «имен» для них, ни «совокупности сведений» на эти незнакомые фигуры у человека нет.

И это - огромная сложность в разгадке информации, преподносимой нам Космическим Разумом. Однако снова выручает эрудиция: древние памятники, сооружения, изображения, легенды и мифы, до сих пор непонятные людям, в сочетании с «образами», преподносимыми нам в пустынях, постепенно обретают свои «имена». И обрастают «совокупностью сведений» о них, и сведения эти ошеломят человечество XX и XXI столетий, считающее себя изолированным «островком разума» в бескрайней и, по сегодняшним убеждениям, неразумной вселенной, живущей по своим, непонятным пока человечеству, законам...

Но следует учитывать, что каждый человек способен воспринять информацию, преподносимую людям Космическим Разумом, в меру свойственных ему сугубо индивидуальных особенностей, которые определяются совокупностью множества факторов: его возрастом и жизненным опытом; накопленными знаниями; склонностью либо к вдум-

В пустыне Наска же можно насчитать не более пяти - шести фигур, чьи «образы» человек в состоянии узнать. И которые могут вызвать у него определенные «имена», то есть ассоциации, с помощью которых он может пытаться искать «совокупность сведений» о них: это «корова» (ее голова на рисунке выделена черным цветом), ассоциирующаяся с «кормилицей человечества», способной заменить человеческому детенышу материнское молоко, это «обезьяна», ассоциирующаяся с вопросом о происхождении человека на Земле, это «птица», ассоциирующаяся с полетом, а, следовательно, с летающими объектами. Это «паук», ассоциирующийся с ловушкой, высасыванием крови из жертвы и ее гибелью, то есть с «черной дырой», выражаясь языком астрофизиков. Это «рыба», ассоциирующаяся с иной средой обитания и иным способом существования, в частности, в воде, следовательно, иной формой жизни на той же планете.

чивому отношению ко всему окружающему, либо безразличием ко всему, кроме собственной персоны; расположенностью к легковесным выводам, либо к углубленному и аналитическому взгляду на события; подходом к известным ему научным постулатам — либо бесспорным для него, либо требующим, на его взгляд, новых и свежих решений; его тяге к получению новой, современной информации, либо, наоборот, усталости от нее после наступления определенного возраста и т. п.

Словом, речь идет об уровне развития человека, его интеллекте и «коэффициенте развития» этого интеллекта, если можно так выразиться.

Будем, однако, надеяться, что подавляющая часть читателей книги относится к роду людей никогда не «увядающих», глаза и ум которых раскрыты для восприятия нового, необычного и нестандартного, пусть даже противоречащего «фундаментальным» научным истинам, но захватывающего своими перспективами материала, о котором идет речь в этой книге.

УСЛУГИ ОКАЗЫВАЕМЫЕ КАНЕВСКОЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАЛАТОЙ

1. ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

- Предоставление информации о предприятиях, расположенных на территории Краснодарского края и Российской Федерации.
 - Предоставление членам палаты полученных коммерческих предложений.
- Предоставление членам палаты полученной наглядной информации на краевых, российских и международных выставках.

2. ЭКСПЕРТИЗА И СЕРТИФИКАЦИИ

- Контроль количества и качества товаров, тары и маркировки.
- Определение кода товара по ТНВЭД СнП.
- Определение качества товара, возвращенного получателем.
- Проведение товароведческой экспертизы по поручению судебно-следственных органов.
- Проведение экспертизы происхождения товаров, оформление и удостоверение сертификатов страны происхождения при вывозе товара за пределы таможенной территории РФ для предоставления льгот по уплате НДС, таможенных пошлин грузополучателем.

3. ОЦЕНКА

- Выдача справок о рыночной стоимости товаров, изделий и сельскохозяйственной продукции.
- Оценка стоимости недвижимого имущества.
- Оценка стоимости машин, оборудования, транспорта, бизнеса.

4. ТРЕТЕЙСКИЙ СУД

• См. «Предложение»

5. ОТДЕЛ СОДЕЙСТВИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВУ

- Подготовка пакета документов:
- для регистрации юридических лиц (ООО, АО и т.д.);
- для преобразования одной формы в другую;
- для внесения изменений и дополнений в учредительные документы юридических лиц.
- Оказание услуг по заполнению бланков сообщений, заявлений юридических лиц для регистрации в ИМНС.
- Оформление пакета документов:
- для регистрации предпринимателей;
- для перерегистрации;
- внесения дополнений в свидетельства.

6. ОТДЕЛ УСЛУГ

• Услуги по штрихкодированию.

7. ОТДЕЛ ПЕРЕВОДОВ

- Перевод с языков ближнего и дальнего зарубежья с заверением печатью торгово-промышленной палаты:
- с тарных упаковок, аннотаций импортных товаров;
- технических текстов на оборудование, предназначенное на экспорт;
- контрактов, уставных документов, рекламных проспектов, деловых писем;
- научно-технической литературы
- документации, необходимой для оформления грузов на таможне.

Мы ждем вас:

353730, Российская Федерация, Краснодарский край, ст. Каневская, ул. Горького, 62. Тел./факс: 8 (861-64) 7-30-77. E-mail: Kan tpp@mail.ru. Тел. моб. 8 (918) 977-79-29.